

ТОРГОВЕЦ СЧАСТЬЕМ

АДЖИ ДИАС

Диас Аджи

Торговец счастьем

«Издательские решения»

Аджи Д.

Торговец счастьем / Д. Аджи — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-833207-4

События «Торговца счастьем» происходят в дизельпанк-фэнтези мире громадных паролетов, безумных полубогов, лампочкоголовых людей-машин, коварных интриганов и фанатичных расистов-революционеров. В основе разветвленного сюжета лежит конфликт двух провидиц, которые видят разное будущее мира и всеми силами пытаются подстроить происходящее под свои пророчества. И главные герои должны исполнять свои особые роли в борьбе за жизнь великого города с тысячью лиц.

ISBN 978-5-44-833207-4

© Аджи Д.
© Издательские решения

Содержание

Аннотация	7
Предисловие	8
Пролог о Чёрном коте	10
Пролог о провидицах	12
Интерлюдия 1	16
Глава 1	19
Глава 2	27
Глава 3	37
Глава 4	46
Глава 5	54
Глава 6	61
Глава 7	70
Глава 8	79
Глава 9	87
Глава 10	97
Интерлюдия 2	106
Глава 11	109
Глава 12	117
Конец ознакомительного фрагмента.	125

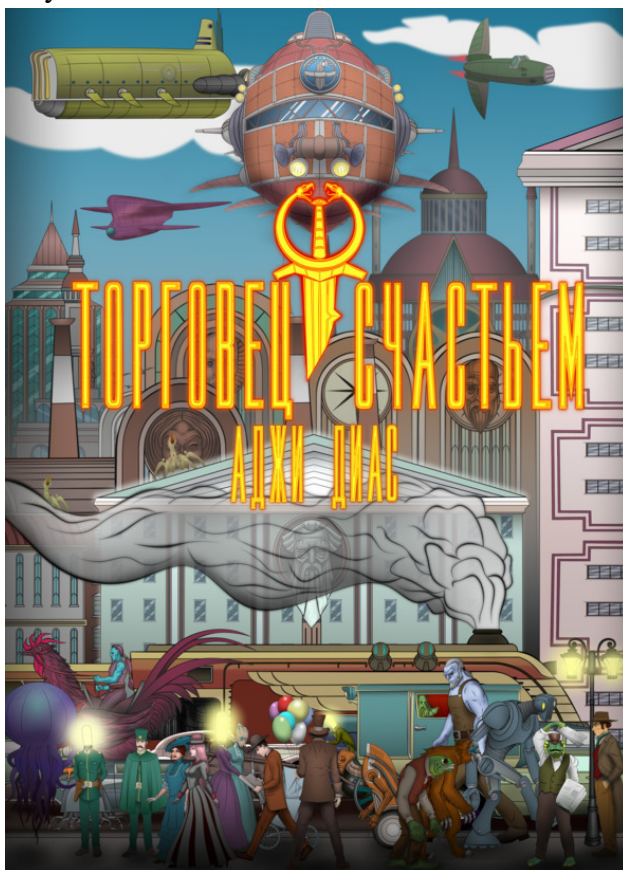
Торговец счастьем

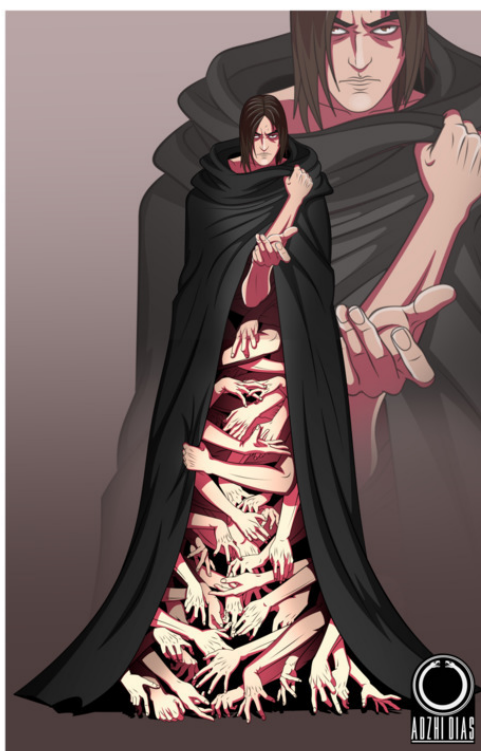
Диас Аджи

© Диас Аджи, 2019

ISBN 978-5-4483-3207-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

-ИКАР-
ОН ПОЯВИТСЯ В КОНЦЕ

Аннотация

Век пара, празднества и порока.
Конец начнется раньше срока.
Самозванка соберет сломанный меч,
Папа Принц захочет всех сжечь.
Ведьма, оборотень и Зверь.
Словам мертвеца ты не верь.
Тень Легиона восстанет вновь.
Точно, прольется невинных кровь.
Потерянный принц и старый тиран.
Коварство, жестокость и наглый обман.
Восторг, и радость продам я всем.
А звать меня Торговец счастьем.
Рифма не очень, но история хорошая.
Читай-читай. Не пожалеешь.

Предисловие

Здравствуйте. Вам лучше вернуться сюда после прочтения книги. Хотя...

Заранее хочу извиниться за глупую аннотацию, долгий пролог и сильно растянутое начало книги. Уверяю вас, это всё не просто так, так задумано. Терпение будет вознаграждено, обещаю.

Изначально эта история выглядела совсем иначе. В 2014 году я начал писать детективную историю о магах в стимпанковских декорациях. Всё было замечательно, пока на середине книги я по глупости не обновил систему на ноутбуке, удалив заодно и весь текст. Печаль моя была неопишима. Но затем я взял себя в руки и начал писать «Торговца счастьем».

Процесс создания длился почти весь 2015 год. Детали сюжета менялись сами по себе. История обрастала неожиданными концепциями, персонажи меняли имена, внешность, мотивы и даже пол. Появились различные расы и народы со своей историей и различиями, живые дома, конструкты, сангум, Люциэль и многое другое. Стимпанк я смешал с фэнтези, дизельпанком и детективом, местами добавил мистики и элементы ужасика, оставив некоторые отсылки к утраченной книге. Как-нибудь я к ней вернусь.

Изначально «Торговец счастьем» был историей о любовном треугольнике хладнокровного воина-сироты, неожиданно получившего высокий рыцарский ранг, ведьмы-жандарма и бессмертного бабника с «божественным» происхождением. Со временем всё изменилось и переросло в то, что находится ниже.

Возможно, единственным персонажем, который не изменился, является Крамар Крит. Он остался таким же уставшим, повидавшим и наделавшим всякое стариком, чьи поступки вызывают у меня различные чувства.

Я знал, с чего начнётся история и чем она закончится. Всё, что находилось «между», оставалось для меня тайной, и я увлечённо пустился в это приключение. После первых глав, в тексте внезапно появилась охотница за беглыми душами и мертвец-девственник. История зажила своей жизнью, и мне оставалось только продолжать.

Сирота, на которого свалилось неожиданное богатство, из социопата-философа стал более приземлённым человеком с обычными проблемами. Ведьма-полицейский из молодой и неопытной ученицы превратилась в умудрённую опытом женщину, по неосторожности влюбившуюся в своего напарника со щупальцами. Вся раса рыбоголовов, имеющих схожесть с глупоководными Г. Ф. Лавкрафта, является некой неуклюжей данью уважения любимому писателю. «Бессмертный бабник» претерпел куда более масштабные изменения и вообще был разделён на несколько других персонажей...

Я хотел придумать город по подобию Рапгара А. Ю. Пехова или Нью-Кробюзона Ч. Мьевиля, но несколько в других декорациях. Конечно, сравнивать тяжело, придуманный мной город менее детален, хотя и в нём имеется куча интересных мест. Путешествие по районам тысячеликого Арраса продолжается из одной главы в другую: из трущоб Ржавого королевства в престижные апартаменты Жёлтой роши; из величественного Солнечного дворца в публичные дома Ночи; из Маскарада с домами, на которых растут человеческие глаза и рты, в тени Леса ксилемов; с кровавых песков Арены доблести прямо в бедные районы Трезубца. Аррас живёт, как и любой другой город, наполняясь каждый день различными историями о простых мечтах и любви, о предательстве и интригах.

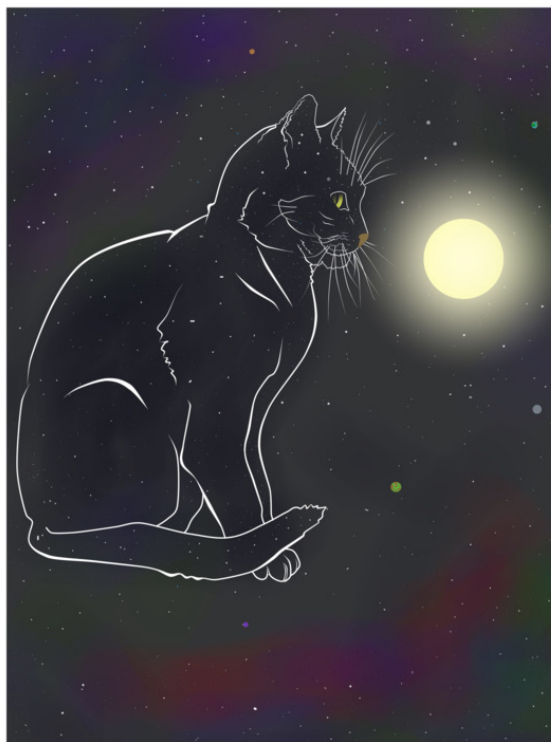
За последнее отвечает Совет масок, Крамар Крит, безумный учёный Дедал, Шляпник, три обезумевших провидицы, которые видят разные версии будущего и даже сам город. Все обманывают, притворяются, используют и предают ближних своих. Честно, я не думал, что так получится.

Сюжет о богатой сироте, обрастает параллельной линией о мертвце в живом теле. Со временем на передний план выходит расследование о Полночном звере и разборки правительств со столичной преступностью. Затем все сюжеты пересекаются и перетекают друг в друга. Некоторые из персонажей враждуют, заводят дружбу или умирают. Под конец все ружья выстреливают, на большинство вопросов и странностей даются ответы и пояснения, а на сцене во всей красе появляются Шляпник и Торговец счастьем. Коллективизм против крайней степени индивидуализма, попытка обрести счастье против извращённой мечты о высшем благе, мораль против бессмертия, зло против зла.

Абсолютно положительных персонажей в этой книге нет. У всех есть тайны, грешки, недостатки и соответствующие оправдания. Большинство злодеев никогда не признаются, что они злодеи, мотивируя свои действия различными целями и причинами. Даже самым мерзким личностям я постарался придумать понятную мотивацию.

В итоге, цель этого предисловия немного объяснить, что такое «Торговец счастьем», и поведать, что ждёт вас впереди. Мне понравилось придумывать и писать этот мир. Надеюсь, вы разделите эти чувства.

Аджи Диас.

ЧЁРНЫЙ КОТ — ВЕЧНОСТЬ

Пролог о Чёрном коте

Всё есть – Чёрный кот. Добро, зло, свет, тьма, время, судьба, вселенная. Всё есть – Вечность, всё является частью вселенского Чёрного кота.

Этот игривый, капризный, а иногда и коварный кот обожал спать, кушать, играть с маленькими звёздами и туманностями. Иногда Вечность, по прихоти или случайно, меняла расположение созвездий и планет, разбрасывая их в разные галактики, некоторые пыталась погасить, когда те мешали спать, а другие и вовсе съедала. Не из-за голода, а скорее от любопытства. Гонка, охота, игра, сон. Всё просто.

Но иногда кот останавливался и наблюдал, как рождаются звёзды, как раскрываются горячие лепестки и внутри маленького цветка появляется младенец, состоящий из ярчайшего света. Кот очень любил такие моменты. Опустив свою мордочку и затаив дыхание, он глядел на рождение новой жизни. Наблюдал, как младенец становится больше, взрослеет и крепчает. Останки цветка быстро тлели, обратившись в космический мусор и планеты. Вскоре перед Чёрным котом появлялся прекрасный юноша или дева с длинными белыми волосами. Кот облизывал лицо новой звезды, играл с ней некоторое время и позволял погладить себя.

Однажды, после обеденного сна, Вечность заметила под своей лапой молодую звезду. Она обратила внимание на орбиту этой звезды и сильно удивилась. Рождение низших форм биологической жизни Вечность видела и раньше, но на этой планете происходили странные метаморфозы. На маленьком каменном шарике появлялись моря и океаны, менялся ландшафт, зарождалась первая жизнь. Но происходило это не естественным путём, а с подачи высокомерных и самовлюблённых существ, называющих себя Титанами. Сначала появились неказистые элементарии, не шибко отличающиеся интеллектом и жрущие всё подряд. Вскоре, спустя около трёх дюжин миллионов лет, показались и первые драконы, прибывшие из далёких миров. Кот улыбался, заметив радость молодой звезды. Её свет будет жизненно важен для кого-то. Теперь у неё есть очень ответственная работа, цель. Молодая звезда очень гордилась этим фактом. Ведь большинство её сестёр и братьев, по её мнению, были бесполезны. Их свет был лишь украшением, игрушками Вечности, и немногие из них могли бы похвастаться столь красивым и, главное, живым миром.

Чёрный кот облизнул звезду и ушел по своим делам, оставив её наблюдать за своим особым детищем. Вечность хитро улыбнулась, заранее зная, что скоро восторг молодой звезды обернется разочарованием. На маленьком серо-сине-зелёном мирке начнётся бесконечная война последователей тех или иных Титанов, борьба за выживание среди самых различных рас и существ, невероятных по своему типу и происхождению. Некоторые из них будут из камня или огня, другие же – из металла и шестерёнок, третьи – из плоти и крови. Одна империя падёт, и на её руинах возникнет другая, одна раса сгинет, став мифом, и уступит место новому виду. Всегда так было, всегда так будет. За жизнью – смерть, за смертью – жизнь.

Первый закон Вечности – ничто не вечно.

-МОЙРЫ-

Пролог о провидицах

Где-то за пределами далеко, за временем, пространством, за триллионами душ и событий, за звёздами и космической тьмой, скрыто особое место. О нём ходили лишь слухи, отголоски легенд, передающихся шёпотом, и лишь очень немногие знали правду. Место это являлось одним из первых творений Вечности. В начале времён это был галактических размеров клубок шерстяных ниток. Сотни триллионов ниточек, связанных в одну хаотичную массу, которую Чёрный кот делал ещё более запутанной, ещё более интересной и бессмысленной. Сотни квадриллионов событий, жизней, судеб, смешанных в одну вселенскую кашу, в которой лишь сам Чёрный кот мог разобраться.

Позже это место менялось бесщётное количество раз. Изменялись ландшафт, пейзажи и даже её обитатели. Тысячи светящихся огоньков красно-зелено-синих звёзд сменились пустыней. Затем появилась большая скала с шероховатой поверхностью, с постоянно меняющимися рисунками. Позже Сёстры переделали скалу в пещеру с костром и кузней. Спустя несколько миллионов лет кузня превратилась в исполинский станок, создающий бесконечную ткань судьбы.

Ныне же это место больше напоминало остров. Большой скалистый остров с лесами и водопадами, с дикими животными и руинами, пробивающимися сквозь деревья. Остров, вокруг которого простиралась бесконечность космоса. В его центре, на ровной поляне располагалась огромная печатная машинка с бесконечно длинным, уходящим в самую суть мироздания, бумажным гобеленом. Любой, кому удавалось прибыть сюда, мог заглянуть в бесконечную летопись. Те, у кого хватало времени, мог пройти к самому началу и прочитать слишком длинный пролог, узнать всю историю, познакомиться с каждым из героев или сразу забежать вперёд и увидеть ещё ненаписанные страницы. Можно было узреть свою судьбу, прошлое каждого из предков, историю звёзд, полукровок, Титанов, любых других существ, живших ранее или ещё не рождённых. Всё, что было, что происходит и будет происходить.

Сёстры знали заранее о приходе странного гостя. Они знали, что в поисках своего отца Висельник пройдёт сквозь множество миров, преодолеет огромное количество преград и в итоге найдёт путь в их обитель. Сёстры показали ему будущее и прошлое, ответили на все вопросы. Гость остался недоволен. Сёстры, видящие прошлое, настоящее и будущее – узники своего проклятия, прекрасно знали, что Висельник убьёт их. И они подчинились судьбе.

До конца не ясно, что для них было важнее: судьба мироздания или доказательство собственной правоты. Простому смертному не понять всех секретов, но для Сестёр смерть стала освобождением. Они приняли её и оказались в изгнании, лишившись непостижимой мудрости и способностей.

С тех пор они блуждали в смертных мирах, пытаясь добиться своих целей. Ныне их видения и пророчества отличались: каждая из дев имела своё видение будущего, и каждая стремилась воплотить его в жизнь. Из созидателей они превратились в вершителей. Возможно, именно власти они желали, или им было скучно прозябать в глуши, на краю вселенной? Кто их знает?

Под ликом смертных Сёстры влияли на судьбы миров, разрушая или спасая их. Одной не терпелось видеть конец Вечности, ей были невыносимы песнь звёзд и насмешливая улыбка Чёрного кота. Видения абсолютной тишины и пустоты не давали ей покоя. Другая Сестра, всегда отличавшаяся оптимизмом, всячески противилась первой. Она вдохновляла смертных, пытаясь воззвать к их благородству и героизму, воодушевляла в трудную минуту и поддерживала. Младшей же из Сестёр, кажется, было наплевать на всё. В редких случаях без особого энтузиазма некоторым она помогала, другим мешала, но о своих видениях ничего не говорила.

Отчаяние, Надежда и Смирение. Так их именовали.

Теперь, стоя в очередном мире смертных, они смотрели на горящий город. Горели дома, кричали солдаты, над столицей витал запах насилия и реформ. Старшие из Сестёр, закончив очередной спор, обратили внимание на старенький фургончик, проехавший прямо перед ними. Сангумный двигатель дымился и опасно шипел, готовый вот-вот взорваться.

– Вы же понимаете, к чему это приведёт? – уточнила Смирение, глядя на пустую улицу и дома с разбитыми окнами.

В отличие от центральных и северных районов Арраса, западная часть города была застроена обычными домами, а не инсуломами.

– Мы всё прекрасно понимаем! – рявкнула в своей обычной резкой манере Отчаяние. – Этот мир будет погружён в пучину мрака. И вскоре он захлебнётся в собственной скверне!

– Не будь же столь категоричной, – мягко улыбнулась Надежда, мечтательно глядя на ночное небо столицы. – Грядёт новый день, новая жизнь. Я ещё не проиграла бой. Нам столько предстоит сделать.

– Зло уже укоренилось в мир смертных. Оно множится. И твой принц никак не сможет победить его!

– Возможно, архонту необходима поддержка. В любом случае... – Надежда обошла свою раздражённую сестру, – время покажет, кто из нас прав. А пока, прошу, посмотрим на очень интересные события, которые через каких-то пару десятилетий заставят нас вернуться в Серру.

И Сёстры последовали за ней.

Фургон тем временем остановился на дальнем конце улицы, перед одним из красных кирпичных домов.

– Господин! Господин! – кричал молодой дворецкий.

– Что случилось, Лу... – иглоликий не успел договорить. Прогремел взрыв, смётший парадную дверь и толстяка.

Когда он поднял голову, перед ним уже стояли трое непрошенных гостей. Дворецкий и иглоликий застыли на месте.

– Спаси его! – прокричал мужчина, который был самым старшим в троице.

– Но... но... – начал было возражать иглоликий. Слова застряли в гортани, как только он увидел направленное на него оружие.

– Что задумался, толстяк?! – крикнул мужчина, тыча ему в лицо паровым пистолетом. Он явно был не в себе от возбуждения. На воротнике его кителя виднелась кровь, а на лице застыло раздражение.

Иглоликий узнал мужчину. Они пересекались на каком-то балу в Солнечном дворце. Теперь там шла бойня.

Кроктор Менъес был предприимчивым и крайне осторожным учёным, знатоком по Ощущениям, памяти и эктоплазме. Он перевёл взгляд и посмотрел на раненого мужчину. Синяя преторианская форма на нем была изорвана и окровавлена. Третий гость, на плечах которого и держался раненый, скрывал лицо под капюшоном. Но Менъес узнал его почти сразу и с трудом скрыл свою радость.

«Пророчество сбудется, – подумал про себя хозяин дома, вспомнив далёкий вечер, когда он повстречал странную девицу, предсказавшую ему бессмертие. – Неужели сегодня?! Но я не готов! Машина ещё не готова!».

На улице прогремел очередной взрыв, совсем недалеко, кажется, на другой стороне улицы. По всей столице завершались заключительные акты гражданской войны. Последние перестрелки, последние выкрики. Этой ночью решалась судьба целой страны. Старая Империя умирала. Как и многие жители, оказавшись в эпицентре страшных событий, Кроктор Менъес сидел дома, плотно закрыв окна. Ему казалось, что двойная дверь спасёт его от любых вторжений. Как выяснилось, он ошибался.

– Спаси его! Или я прострелю твою башку! – крикнул мужчина, вернув иглоликого в реальность.

– Заносите его...

Они прошли вглубь дома, в личный кабинет учёного. Он и молодой дворецкий положили раненого мужчину на большой стол из красного дерева. Бумаги, счета и отчёты теперь были заляпаны кровью и разбросаны по всей комнате. Иглоликий осматривал раны молодого человека, который уже потерял сознание. Дворецкий растерянно моргал, не зная, что ему делать. А захватчик с пистолетом стоял у окна и поглядывал на улицу. Третьего и самого желанного гостя иглоликий упустил из вида.

– Кто победил? – осмелился спросить хозяин дома, занятый делом.

– Император мёртв, – глядя в окно, ответил Альбер Вельмас.

Иглоликий на мгновение застыл, прикидывая все плюсы и минусы новых изменений. Его расчётливый мозг тут же начал продумывать новый план действий: какие банковские счета закрыть, какие перевести за границу.

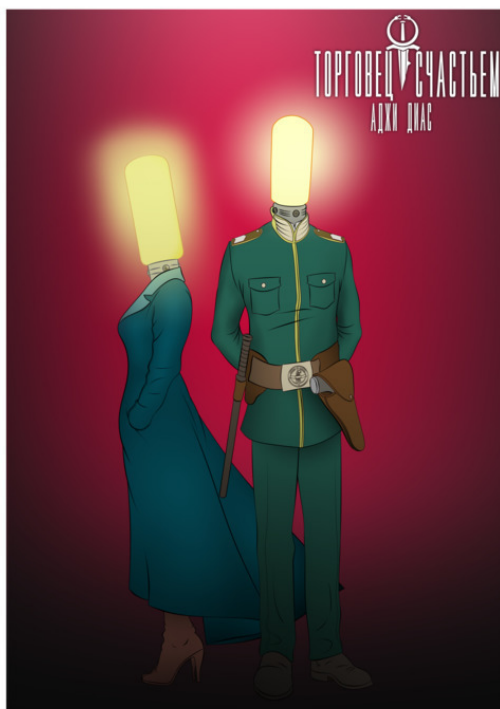
– Не об этом тебе сейчас надо думать, – бросил Вельмас, словно прочтя его мысли. – Спаси моего друга. От этого сейчас зависит твоя жизнь.

– Он не выживет... – тихо сказал учёный. – Слишком много крови потерял...

– Спаси Феликса! – взорвался мужчина и, подойдя вплотную, приставил пистолет к виску иглоликого. – Спаси его! Или я убью тебя!

– Хорошо-хорошо!.. – закричал иглоликий, искренне перепугавшись. – Только не стреляй! Есть один выход...

«С одной стороны – бесславная смерть, с другой – безграничная власть архонта», – подумал про себя Кроктор Менъес и посмотрел на юношу в капюшоне, вошедшего в комнату. Потом иглоликий перевёл взгляд на дворецкого, и в его сознании возникла чудовищная мысль...

-ПОЛУКРОВКИ-
ЛАМПАДЫ

Интерлюдия 1

Старик снова закричал, перебирая инструментами. Я видел его лишь со спины: сутулый, худой, в белом халате – светлое пятно в полутьме лабораторной пещеры. Старик сравнивал анализы, читал бумаги, чертыхался и сотрясал воздух тихими проклятиями. Он считал себя великим учёным, пророком алхимии, биологии и каких-то-там-ещё-логии. По мне так, он был просто очередным сумасшедшим ублюдком. В Империи их всегда хватало.

Я его боялся. На то имелось несколько веских причин. Первое – я был прикован толстыми ремнями к железному столу в центре до жути мрачной лаборатории. Кажется, этот стол называется «операционный». Я никогда не был силён в медицинской терминологии. Всю жизнь меня учили правилам этикета, разным языкам, игре на скрипке и вальсу. Я знаю своих предков до десятого колена, знаю, чем отличается граф от барона, знаю, какой вилок нужен есть креветок, а какой – моллюсков. Но всё это, чёрт подери, бесполезно! Вернись я в прошлое, не стал бы противиться воле отца и пошёл бы в военное училище. Меня бы научили стрелять и драться на мечах. Вспомнил, кажется, это называется «фехтование». Может быть, всё сложилось бы иначе, умей я драться. Кто знает? Судьба – странная штука. Всю жизнь ты живёшь, не зная бед, в богатстве и роскоши, а потом, беспомощный и голый, лежишь на железном столе в ожидании своей участи, не в силах издать и звука.

Второй причиной моего страха являлся сам старик и его тёмная репутация. Среди заключённых частенько ходили слухи о том, что этот старый урод ставит эксперименты на людях, полукровках и магах. Раз или два в месяц тюремщики приходили в переполненные камеры и забирали нескольких заключённых. Никто из них не вернулся обратно. Скорее всего, они умерли на этом же самом столе.

Несмотря на всё, я не боялся самой смерти. У меня ничего не осталось. Отец меня ненавидел до своей кончины, мать, которая боялась его, куда-то исчезла, воспользовавшись всеобщей суматохой. О богатстве и своём знатном имени я и мечтать не смел. Моё имя было замечено цифрами на тюремной робе. Я был заключённым №1121 – всего лишь одним из многих политических преступников. Одним из забытых, покинутых всеми, обречённых на гибель.

Тогда я думал, что умру, и никто меня не станет оплакивать, никто не вспомнит моего имени. Смерти я не боялся. Боялся я лишь боли и неизвестности.

Вот и третья причина – лаборатория. Стены помещения были закрыты многочисленными шкафами и полками с колбами и банками, в которых плавали глаза, руки и ещё что-то из человеческих внутренностей. Недалеко, на маленьком столике, находилась куча медицинских инструментов. Тогда, в первый раз оказавшись в той лаборатории, я боялся, что меня разберут на части, и того, что мои глаза будут плавать в одной из местных баночек.

Когда старик обернулся, я впервые увидел его морщинистое худое лицо.

– Ну, что? Начнём? – спросил старик, согнувшись. С этих слов началось моё знакомство с безумным учёным по имени Дедал.

И тут я снова понимаю, что это всего лишь воспоминание. Кошмар, случившийся наяву, но только не со мной, а с кем-то другим. Сейчас всего и не вспомнишь, но тот вечер я запомнил на всю жизнь. Спокойный хриловатый голос старика, его острые инструменты, запах крови и спирта. Но боли я не помню, помню лишь страх и слёзы. Я часто отключался, а приходя в себя, не знал, сколько прошло времени. Всё было таким размытым, нереальным, словно в тумане. Когда всё закончилось, безумный старик смеялся и аплодировал. Гораздо позже я узнал, что на операционном столе я пролежал чуть больше месяца.

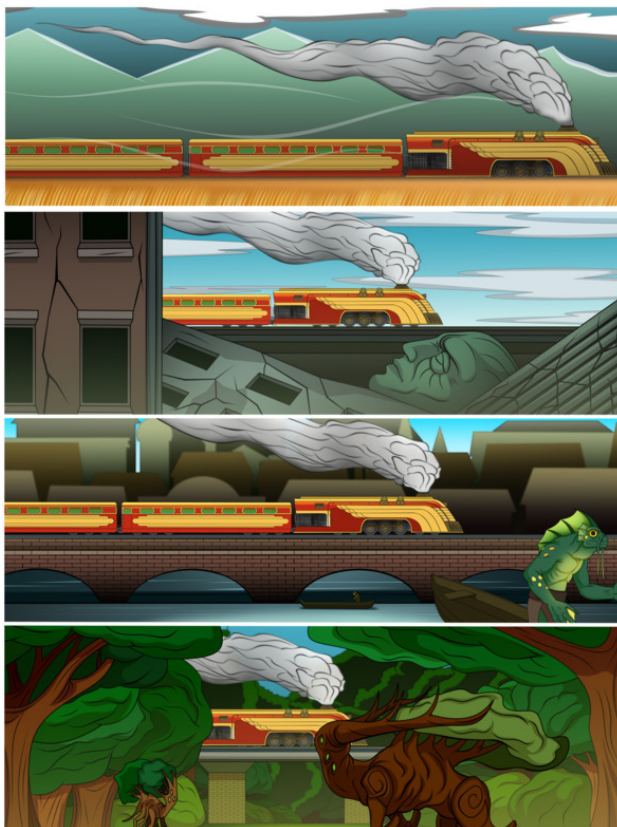
Сейчас я смотрю на свои руки и тут же вспоминаю когти. То, как впервые увидел своё извращённое, испорченное тело. Шерсть, клыки и своё сердцебиение, столь сильное, громкое, словно оглушительная барабанная дробь. Этот звук мог побороть только назойливый сви-

сток старика. Безумные, холодные щупальца страха вонзаются в моё измученное сознание, и я издаю рык. Старик при этом смеётся громче. Хохочет. Он счастлив. В руках у него проклятый свисток.

Заключённый №1121 остался в живых, первый, кто вернулся в камеру. Эксперимент удался.

-КУУЛ ДРИМ-
СИРОТА, ЗАДИРА, ЛЮБИТ КУРИТЬ

Глава 1

– Клиент нас убьёт! – выпучив глаза, прошипел Блимдан.

Его партнёр ничего не ответил. Мужчины посмотрели на лежащую в центре комнаты девушку в потрёпанной мужской одежде. Голова запрокинута назад, глаза скрыты под чёлкой недлинных светлых волос, а рот и подбородок испачканы в белой жиже. Стулья и стол были опрокинуты, а весь пол покрыт осколками разбитых стаканов, тарелок и бутылки Иезинского бренди. Из приоткрытой занавески в комнату пробивался свет уличного фонаря. Там снаружи что-то праздновали: громкая музыка и голоса людей уже несколько часов не давали никому сна. Блимдан не являлся любителем городских празднеств и мало интересовался ими. Сейчас все его мысли были заняты другим.

В этой старенькой съёмной квартире произошло убийство. Случайное, непредумышленное, но убийство. Так они думали.

– Что будем делать? – спросил Блимдан шёпотом, как будто их кто-то мог услышать. – Что мы скажем клиенту?

– Правду! – мрачно ответил Секатук, почесав костяные отростки на щеке.

Иглоликий был на пол головы ниже партнёра, но гораздо шире в плечах.

– Правду? Ха! Правду? – рассмеялся Блимдан скрипучим голосом и нервно провёл по пышным усам. – Ты понимаешь, что мы должны были доставить её в Аррас! Живой и здоровой! А что сделал ты?

– Я не знал, что люди умирают от выпивки. Мы просто праздновали.

– Праздновали?! – Блимдан чуть не задохнулся от возмущения. – Какая тебе радость? Что ты с ней праздновал?! С этим... с этой тварью!

Он с нескрываемым отвращением глянул на тело и пошёл закрывать окно.

– Я оставил вас всего на пару часов, и что сделал ты? Ты её убил!

– Он попросил, чтобы я сходил за выпивкой. Мы выпивали, и он просто упал.

– Схватившись за сердце, пачкая ковер пеной изо рта и кровью из ушей?! – язвительно уточнил Блимдан. – И кстати, это женщина! Говори «она»! Понятно?

Иглоликий ничего не ответил, виновато глядя на тело.

– О Люциэль! Признайся честно, ты же её не трогал?

– Нет. Это вышло случайно. Мы просто пили. Я виноват. Я всё сам объясню клиенту. Будь что будет.

– Ты с ума сошёл!? – Фирр Блимдан с трудом заглушил в себе крик. – Даже не думай! Я поручился за тебя перед ним. Твой провал – мой провал. Дай подумать...

И он начал ходить взад-вперед по комнате, стараясь не смотреть на труп.

– Так. Имя и фамилия клиенту неизвестны. Младенцу дали другое имя в приюте, так?

Секатук кивнул.

– Крит отправил нас найти человека, которого никогда сам не видел. Заплатил нам хорошие деньги. Но если мы провалим дело, то мы...

– Клиент убьёт нас, и никто не найдет наши тела.

– В точку! – цокнув языком, ответил Блимдан и вдруг остановился. – С пустыми руками мы не можем вернуться, ибо придётся отдать деньги. С этим трупом мы тоже не можем поехать. А что, если не было трупа?..

Секатук нахмурил брови, оканчивающиеся по краям острыми отростками.

– Что, если мы найдем другого наследника, отдадим ему письмо и пригласим в Аррас? Мало ли этих безумных Врабье в этом городе.

– Заменим наследника? – указав на тело, спросил иглоликий. – Думаешь, выйдет?

– Да! Почему бы и нет? Избавимся от тела. Точнее, ты избавишься от тела. Потом, найдём сироту, примерно того же возраста и всё. Новый наследник готов.

– И отвезем её клиенту?

– Нет! – помотал головой частный сыщик. – Поступим хитрее. Только расскажем про дом, а сами вернемся в Аррас. Скажем клиенту, что девчонка не захотела приехать, у неё дела и все такое. Дадим её данные, фамилию, адрес и пускай сам дальше разбирается. А мы получим вторую часть гонорара и будем готовы исчезнуть в любую минуту. Если повезёт, никто ничего не узнает.

– Если повезёт, – сказал Секатук, почесывая костяные отростки на подбородке. – Если.

***

Первое, о чём подумал Коул, открыв глаза, это – завтрак. Точнее спешка. А если быть максимально точным, то ему вспомнился приют. Необходимость просыпаться рано, одеваться быстро и скорее бежать в столовую. Как можно быстрее, иначе ничего не останется, и будешь ходить голодным до обеда. Теперь, конечно, еды и свободного времени хватало, но, каждый раз просыпаясь, хотелось бежать в столовую.

Коул протёр глаза и огляделся. Вместо сиротского приюта он находился в вагоне поезда «Мансель – Аррас». Вместо немых, коротко стриженных детишек здесь находились приличные на вид граждане: мужчины в костюмах и пальто, в цилиндрах и котелках, женщины в платьях и юбках, в милых накидках и шляпках.

– Ещё не приехали, – любезно сообщила женщина, сидевшая напротив.

Коул ничего не ответил и снял криво надвинутую кепку. Вагон был почти полон. Кто-то смеялся над очередной пошлой шуткой, иные читали газеты с большими заголовками, третьи лакомились сладостями, что продавал бочкообразный конструктор, разъезжавший на маленьких колёсах. Стоило кинуть монетку в специальное отверстие, и из люка сверху появлялись бокал сладкой газировки, лимонный сироп или леденцы на длинной палочке. При мыслях обо всём этом в животе Коула жалобно заурчало.

– Как спалось? – снова заговорила женщина.

Коул нахмурил брови, присмотрелся и только сейчас заметил девочку лет шести-семи рядом с женщиной. На ней было платьице того же синего цвета, что и одеяние матери. Её светлые волосы были собраны в хвостик, а в руках красовалась кукла с фарфоровым личиком. Решив, что сказать ему нечего, Коул уставился в окно.

Поезд нёсся по бескрайнему полю пшеницы. На горизонте яркое золото превращалось сначала в зелёную полосу леса, затем – в синее безоблачное небо. Вдали виднелись призрачные вершины гор. Коул сильно удивился тому, насколько наполнены красками земли за чертой города. Вся его жизнь прошла в серых стенах сиротского приюта. Но даже простирающийся за его высокой оградой Мансель являлся царством серости, сумерек и уныния. Небо города было вечно затянуто грязными тучами и дымом заводских труб. Большинство жителей промышленного гиганта носили респираторы или противогазы. Повезло лишь немногочисленной элите, живущей в облачных башнях, возвышающихся над вечным смогом Манселя.

Стоило поезду выехать из города, и взору Коула предстали зелёные хвойные леса, тихие деревушки вдоль железной дороги, спокойные озёра с рыбацкими лодками, поля и луга, на которых мирно пасся скот. И всё это было таким живым, таким цветастым, не как в городе или приюте. В Манселе не было такого солнца, не было этого чистого воздуха и прекрасного горизонта. Коул даже задумался о том, чтобы бросить всё и остаться жить в одной из этих маленьких деревень. Стать фермером, рыбаком или лесорубом. Кем угодно. В силе, выносливости или трудолюбии Коул не уступал ни одному из крестьян, работавших сейчас на пшеничном поле. Он бы мог водить один из этих шагающих тракторов, от которых вдали шли чёрные

полоски дыма. Мог бы пасти скот, приглядывая за тем, чтобы безмятежных овечек не утащили волки или иные хищники.

Но, нет.

Коул отвлёкся от лицезрения пейзажа и посмотрел на девочку с куклой. Она что-то лепетала, разговаривая с игрушкой. При виде фарфорового личика и аккуратного платья куклы Коул усмехнулся и вспомнил те предметы, с которыми они играли в приюте. Детское воображение превращало старый башмак в боевой дирижабль, носки становились небесными червями, а покорёженные ложки и вилки заменяли солдатиков.

В редких случаях детям удавалось поиграть и с настоящими игрушками: с солдатиками, куклами, мячами и плюшевыми медведями. В преддверии особых дней воспитатели освобождали детей от работ, давали игрушки и разноцветные угольки.

– «Рисуйте свои мечты», – говорила мадам Врабие, и сиротки часами увлечённо рисовали, почти одно и то же: солнце, дом, родителей, семью. Причина внезапной доброты воспитателей была проста. Коул понял это очень рано. Иногда, раз в несколько месяцев, приют посещали местные меценаты, директора и хозяева местных фабрик и заводов. За несколько дней до прихода важных гостей детишек переодевали в чистую и новую одежду, сытно кормили, угощали сладостями и учили, что можно говорить, а о чём стоит молчать. Богачи видели на что тратятся их пожертвования и, довольные видом счастливых детишек, возвращались в свои особняки-мельницы и облачные башни.

Как только гости уходили, новая одежда, угольки и игрушки возвращались в сундуки Врабие. Нет сладостей, нет улыбок на лицах воспитателей, порции еды уменьшались почти вдвое, становились стандартными, а вместо беззаботных игр приходило время работы. С утра до ночи.

– «Вы рождены в грехе. Через труд вы очиститесь», – сухим голосом говорила мадам Врабие, заходя в подвал, где около пятидесяти детей и подростков от пяти до семнадцати лет, не покладая рук, «очищались».

Сколько себя помнил Коул, он вечно был чем-то занят: стирал чью-то одежду, чинил чью-то мебель, шил что-то, таскал, поднимал, готовил. Подвал приюта, обычно закрытый во время визитов покровителей, представлял собой многофункциональное производство. Если одна часть помещения являлась прачечной, где в огромных чанах стиралась одежда, то другая была мастерской, где чинили мебель, обувь, конструкторов и часы.

Коул взглянул на свои ладони, кожа на которых была жёсткой и покрытой множеством мозолей.

«Теперь я чист», – подумал Коул без всякой радости.

Теперь он мог отправиться куда угодно, стать кем угодно. Но вопрос – куда и кем? Зачем нужна свобода? Как ей распорядиться, если нет мечты, если вообще не веришь, что можешь выбиться в люди? Хотя недавно появился довольно заманчивый вариант.

Да, Врабие зарабатывала на сиротках немалые деньги, жестоко наказывала и вбивала им в голову религиозную чепуху. Но за годы тяжкого труда дети набирались опыта и приобретали множество полезных навыков. Никто из выпускников Врабие не давал себя в обиду. Их так и называли в Манселе «Сиротки Врабие». Точно неизвестно, когда и как появилась эта община. Но почти все выходцы «Государственного детского приюта №17», направлялись на юг города, где жили «свои». Прачечные, мастерские, лавки, магазины, швейные. Всё это принадлежало им. Почти четверть целого района в управлении двух поколений сироток Врабие.

Мечты, которые они рисовали в детстве воплотились их же собственными руками. Большая дружная семья из десятков «братьев», работающих вместе и живущих бок о бок. Именно туда Коул отправился после выпуска. Его приняли в общину, устроили на работу, помогли с жильём. Он даже нашёл себе девушку. Жизнь начала налаживаться.

Многие из «братьев» Коула недолюбливали старую монахиню. Но в душе каждый знал, что Врабие была права. Лишь её строгое воспитание подготовило их к испытаниям жизни в городе. Никому не было дела до сирот рожденных в годы революции. Когда они выпивали в пабе, кто-нибудь из «братьев» восклицал: «За здоровье старой ведьмы Врабие! Да хранит её Люциэль!». И все без исключения поддерживали этот тост. Коул прожил среди них полгода уже и привык к мысли, что всю жизнь проведёт со своей большой семьёй. Но в глубине души он понимал, что ему этого мало. Коулу не хотелось верить, что жизнь ограничивается одной лишь работой и пьянками по выходным.

В один из вечеров за стол Коула присел усапый мужчина в дорогом костюме. Он был «чужим» и сильно выделялся среди других посетителей паба. Уточнив имя и фамилию Коула, гость передал ему письмо.

«Теряешь одно – получаешь другое», – вспомнил Коул одну из многочисленных изречений мадам Врабие.

Как оказалось, его ждало наследство, оставленное родителями. Родителями! Люди, о прошлом которых он вообще ничего не знал. Кем они были и как умерли? Почему оставленный ему дом находится в столице, а не в Манселе? Почему ему никто ничего не рассказывал?

Слишком много вопросов. Коул терзался сомнениями. А вдруг обман? Вдруг какая-нибудь афера? На решение ушла целая неделя.

Вокзал, касса, билет и, вот, Коул в поезде, который должен привезти его домой.

«Дам, — повторил про себя Коул. — Даже в моих мыслях это звучит странно».

***

Ни облачка. Ни тучки.

Кера чертыхнулась, скрывая жёлтые глаза под плотным капюшоном. Она не любила жару, солнце и яркий свет. Те были вредны для её кожи, белой с голубоватым оттенком, и ограничивали способности восприятия. Но существо, за которым она пришла, солнечный свет делало ещё слабее. В этом она видела свой козырь. На родине Керы, в стране теней Киддер, всегда было туманно, сыро и дождливо. Ночи там длились по четырнадцать часов, а в дневное время царили блёклые сумерки.

Кера шла по пшеничному полю и всем сердцем мечтала вернуться на родину. Охотница на беглые души носила только чёрное. Кожаные брюки и сапоги выше колен подчёркивали её худые и длинные ноги. На широких бёдрах Керы висело два чёрных револьвера. На ремне красовались пухлые кармашки с магическими безделушками, помогающими ей в охоте на беглецов. Под пелериной с капюшоном Кера носила облегающий пиджак, короткий спереди и с длинными фаладами сзади. Свои белые волнистые волосы Кера никогда не собирала.

До одинокого, скрюченного дома, посреди пшеничного поля, было недалеко идти. Кажется, когда-то это была мельница, правда от её крыльев ничего не осталось, половина шиферной крыши провалилась внутрь, а вокруг валялся самый разнообразный мусор: старые заржавевшие запчасти трактора, покорёженные бочки, сломанный трёхколёсный велосипед и прочая мелочь.

Очень многие ошибочно считали Керу и ей подобных всеильными и бессмертными. Правильно было говорить «бездушные». Имморалисты отличались невероятной силой и быстрой. Они не старели, и болезни их обходили стороной. Но всё же, их можно было убить. А после смерти их ждало вечное проклятие, ибо Жнец не жалел никого.

Над входом в хибару бледнела кривая запись: «УХОДИ! ЗДЕСЬ ДЬЯВОЛ!».

«Ага, как же», – фыркнула Кера про себя, входя в блаженную темень здания, если эту развалюху можно было так назвать.

– Калео Вагадар! – громко произнесла женщина. – Некромонтул. Морталист. Более известный в народе Киддера, как «Вижский гробовщик». Вы обвиняетесь в нарушении зако-

нов Киддера: незаконное занятие некромантией, вандализм, порча имущества государства, несанкционированное убийство живых граждан Киддера...

– Бездна! Сейчас же день! – послышался хриплый голос в глубине хибары. – Отстань, женщина! Дай поспать. Приходи ночью, тогда и поговорим.

– Я в такую даль не разговаривать пришла, – вздёрнув бровь, ответила женщина и быстро вытащила два пистолета. – Ты вернёшься в Киддер, где тебя осудят, или окажешь сопротивление, и я вернусь домой с тем, что от тебя останется.

– В обоих случаях... – существо встало со своего наседа и почти по-человечески потянулось, – я окажусь у Жнеца. А это, милочка, в мои планы не входит.

– Значит, второй вариант, – Кера уже собралась стрелять, выставив оружие вперёд, но существо остановило её жестом.

– Стой-стой-стой! У меня есть встречное предложение.

Со стороны это выглядело достаточно странно. Женщина в каком-то сарае, с громадными пистолетами, разговаривает... с псом. Старый колдун скрывался за Аурой. Простой человек, без помощи магии или анимаскопа, никогда не смог бы увидеть это скопление тел, нагромождённых друг на друга и грубо сшитых толстыми нитями. Ещё при нежизни в Киддере старый некромонтул любил приделывать себе лишние конечности, но общественное неодобрение и закон сдерживали его. Теперь, вдали от родины, он наслаждался наличием четырёх пар скрюченных рук и трёх гнилых голов, торчавших из одной толстой шеи. Ноги некромонтула были слишком короткими, а руки слишком длинными...

«Как наук», – подумала Кера, целясь в боковые головы существа, взиравшего на мир мутными, белыми глазами. Эти головы молчали, а говорила та, что была посередине, без губ, без носа, с торчащими кривыми зубами.

– Вот, посмотри на нас! – развёл всеми восемью руками Калео Вагадар. – Мы – две стороны одной монеты. Противоположности. Душа, заключённая в мёртвое, гнилое тело, и бездушная оболочка, в которой бьётся сердце. Нам необязательно сражаться. Я могу дать тебе то, о чём мечтают все имморталисты. Я могу вернуть тебе твою душу.

– Что только не скажешь, чтобы не быть уничтоженным? – усмехнулась Кера и навела оба пистолета на среднюю голову.

– Нет-нет! Стой! – попросил некромонтул. – Хорошо. Я не могу этого сделать, признаюсь. А вот мой новый господин... Тот, кому я с недавних пор служу... Он может помочь тебе. Присоединяйся к нам. Этот мир ждёт большие перемены. Скоро Великая Тень снова возрастет, и Спящий пробудится.

– Старая байка, – бросила Кера.

– Клянусь своей нежизнью! Мой господин готовит масштабные изменения всего мира.

– То есть, его разрушение? И ради этого ты сбежал из страны?

– Это первый этап, – уточнил Калео Вагадар. Будь у него губы, он бы наверняка улыбнулся. – И да, именно ради этого! Так, что скажешь, милочка? Что будет, когда души кончатся? А? Жнец заберёт тебя саму и всех своих охотников. А можешь мне поверить, закончив с этой проклятой страной, мой господин направится в Киддер, и наступят поистине мрачные времена!

Кера задумалась. Верить словам беглого некромонтула – дело сомнительное. Но в последние годы шёпот о возвращении Спящего звучал всё громче. Да и про Жнеца некромонтул говорил правду. Может, через сто или двести лет Кере найдут замену. От проклятия никуда не деться. Но гнев Жнеца ужасен, и горе тому, кто имел глупость предать его или его законы.

Кера выстрелила из обоих пистолетов. Калео отбросило назад почти на два метра. Все его руки судорожно задёргались, словно лапы паука, на которого капнула вода. Прозвучало ещё два выстрела. Некромонтул наконец замер, лёжа на спине и скрючив все конечности. Но стоило женщине сделать шаг вперёд, и нечто набросилось на неё. Этим нечто являлась верхняя часть

тела Калео. Одна голова, грудная клетка и пара рук. На них некроментул, словно лягушка, перепрыгнул через женщину и в следующую секунду уже оказался снаружи.

Кера выбежала за ним следом и не переставала стрелять. Калео оказался слишком быстрым, а солнечный свет слепил ей глаза. Существо то исчезало в пшеничном поле, то появлялось, выпрыгивая на несколько метров вдаль. Вагадар вырвался далеко вперёд. В течение минуты он оказался в доброй сотне метров от своей преследовательницы.

Свет бил в глаза, летний воздух жалил лёгкие. Кера, щурясь и кашляя, на бегу пыталась попасть в гнилую шуструю тварь, чьё тёмное очертание маячило впереди.

Но всё оказалось напрасно. Впереди показалось нечто большое и тёмное. В полсотни метров полным ходом проезжал поезд: громадная железная стена, демон пара и дыма.

Крестьяне, работавшие в окрестностях, бросили свои дела и начали оглядываться, гадая, кто и зачем вдруг начал палить.

Кера остановилась у железной дороги. Поезд гремел и продолжал ехать. Калео Вагадар исчез.

– Чёртов ублюдок! – выкрикнула Кера, тяжело дыша.

Она посмотрела вслед удаляющемуся поезду. Размытое чёрное пятно становилось всё меньше. На крыше одного из вагонов, прицепившись когтями, сидел Калео Вагадар – беглый морталист.

– Первый этап, – задумчиво произнесла Кера, понимая, что именно со столицы этой жутко солнечной страны начнутся «масштабные изменения мира».

***

Принцип Альмар стоял перед витриной винного магазина и курил помятую сигарету. На дороге плотное движение паромобилей не останавливалось ни на минуту. За его спиной шли пешеходы, торопящиеся по своим делам. Юношу в коричневом пальто и мятой кепке, никто не замечал.

«Отличное место для продуманного акта насилия во имя благой цели», – холодно подумал Принцип.

Молодой человек не верил в эту самую цель. Остальные его сверстники из Совета масок фанатично чтители слова родителей, ветеранов этой радикальной организации. Но только не он. В отличие от других, у Принципа Альмара имелось своё собственное мнение по поводу происходящего. Совет когда-то мог влиять на ход событий в стране, имел разветвлённую сеть шпионов и участвовал в многочисленных махинациях и манипуляциях для получения большего влияния. Но то, чем являлся Совет масок сегодня, удручало. Фанатичная, маленькая группа, тщетно лелеющая свою мечту о былом могуществе. Каждый раз, слушая горячие речи своей матери, Принцип закатывал глаза и с трудом сдерживал смех.

«Какое величие? Какое могущество? Оглянитесь! Откройте глаза», – думал он, но ничего не говорил. Принцип Альмар понимал, что переубеждать фанатиков – дело бесполезное.

Революция зарождается в умах великих манипуляторов, а в Совете их не было. Остались лишь измученные репрессиями старики, которых когда-то лишили высокого имени и богатства, отчаянные ортодоксальные мечтатели, чьи умы были заполнены ложными идеалами, воспеваемыми когда-то их собственными родителями-заговорщиками.

«Какая глупость!».

Революция уже произошла. Империя пала. Воцарился мир и коррумпированная Республика с ложными лозунгами о свободе, равенстве и патриотизме. Ложь во благо сработала. Но Совет масок всё не унимался. Их бесило, что двадцать лет назад все их планы по государственному перевороту провалились. Когда начались массовые аресты, большая часть членов подпольной организации сбежала за границу. Других же посадили или казнили.

«Труссы и неудачники».

Не желая спорить с руководством, юноша просто махнул рукой на идеологию Совета и делал, что приказано. Убить старого антиквара и вернуть фамильную реликвию? Пожалуйста. Подорвать машину сенатора, который когда-то предал Совет? Не вопрос. Напомнить о Совете, прикончив парочку жандармов? Рискованно, но почему бы и нет?

Этим он и занимался. Принцип Альмар и ещё несколько десятков юношей и девушек, чьи имена оставались скрыты.

«Дети завистливых глупцов!».

Юноша посмотрел на карманные часы и направился к узкому переулку слева. Спустя несколько минут появилась девушка в зелёном платье и вручила ему сумку. Никто не заметил передачу. Принцип ушёл вглубь переулка, где валялся всякий ненужный хлам. Девушка тем временем исчезла в потоке пешеходов. Раскрыв сумку, он достал звуковую бомбу. Небольшая деревянная шкатулка с маленьким рычагом и узким рупором с виду напоминала музыкальную шкатулку или карточный проигрыватель, однако под деревянной панелью скрывался смертоносный механизм. Достав из кармана специальную карту, юноша установил её в небольшое гнездо в передней части шкатулки, раскрутил рычаг и, не торопясь, отправился к выходу из переулка.

Подобную бомбу он взрывал уже не раз и всегда вдали от инсуломов, чтобы живые дома не вычислили его. Столичная жандармерия до сих пор не смогла разобраться с этими бомбами и это казалось Принципу подозрительным. Нет, Дедал, конечно, – гений и создал большую часть оружия Совета, но ведь и в правительстве хватало своих учёных-оружейников. В газетах Совет масок представляли, как ужасных злодеев, чем-то невероятно зловещим и таинственным, преувеличивая их возможности и нагнетая страх среди населения. Данный факт не предвещал ничего хорошего. Своими опасениями Принцип не раз делился с руководством Совета, но никто не внял его словам. Хуже этого, почти все в организации искренне верили в свою вседозволенность и могущество. Они верили газетам!

Прошло около пяти минут, когда далеко позади прогремел взрыв. Люди вокруг вскричали от ужаса, кто-то побежал вызывать жандармов, кто-то поспешил к месту взрыва, готовый помочь пострадавшим. Но неприметный юноша в простецкой одежде и старой кепке шёл всё дальше, думая о будущем.

-КАЛЕО ВАГАДАР-
БЕГЛЫЙ НЕКРОМОНТУЛ

-ЖНЕЦ-

Глава 2

Сначала это были частные дома, раскинутые тут и там, с огородами, с высокими заборами и сараями. Пригород тысячеликого Арраса представлял собой настоящую идиллию. Тихое, спокойное местечко с крестьянским рынком, где продавали скот и овощи. Уютный уголок, совсем непохожий на весь остальной город, возвышавшийся впереди. Далеко на севере Коул заметил раскинувшееся на километры пятно серости. Оно напоминало гигантское кладбище, где вместо надгробий возвышались многочисленные заброшенные дома из бетона и кирпича.

– Ржавое королевство. Плохое место! – тонким голоском произнесла девочка. – Туда нельзя ходить. Папа рассказывал, что, если я буду себя плохо вести, он меня отправит туда.

– Родная, не бойся. Папа просто шутил, – умиляясь дочерью, произнесла женщина.

Спустя несколько минут, когда поезд проезжал по мосту над чёрными водами Лейдса, Коул встал с места, чтобы лучше разглядеть существ в реке. Внизу мелькали, словно призраки, то ли плавники, то ли щупальца многочисленных рыболовов.

Молодёжь резвилась в прохладной воде, пока взрослые в человеческом облике следили с мостовой. О полукровках в приюте ничего толком не рассказывали, там жили только человеческие дети. Коул был поражён, впервые узнав о существовании огромного количества столь разных народов.

– «Они дети дьявола», – с призранием говорила мадам Врание о представителях нечеловеческих рас.

– «Но разве Отец-Создатель не сотворил всех живых существ на земле?», – когда-то имел глушость спросить Коул.

– «Полукровок он создал, уже сойдя с ума. Они искажённые версии нас. Людей. Истинных его детей. Благо, Светлейший Люциэль вовремя остановил его и низверг в Геенну».

Фанатизм и ксенофобия. Коул усмехнулся про себя, представив выражение лица старой монашки, увидь она, как бок о бок с людьми живут полукровки. Двое лампидов в засаленных комбинезонах шли с толпой рабочих-людей в такой же одежде. Видимо, строители или ремонтники. На крышах домов сидела парочка шестилапов – медлительных и немного пугающих существ, обожающих лакомиться голубями. Уже при въезде в самую столицу Коул заметил смешанную группу детей иглоликих, дымников в громоздких скафандрах и олирков с неокрепшими крыльями, играющих в кости в глубоком переулке.

Чуть дальше от них нёс тележку с пирожками пухлый квиругот, являвшийся по сути прямоходящим пауком. Громила-курай на гигантском петухе выделялся на фоне других паромобилей и повозок. Недалеко от него на шагахое с открытой крышей ехали трое миников.

Полукровки Манселя жили в пригородах, в закрытых гетто и выходили из них нечасто. Но здесь они были повсюду. Серокожие кураи, рыболовы в истинном облике и в человеческом, неспешные кагута, таинственные, еле заметные форсимы, шестилапы, передвигающиеся исключительно по стенам домов, олирки носящиеся над крышами домов. Все они и многие другие, столь непохожие друг на друга, разные и неповторимые, жили и работали здесь, в этом громадном городе.

Их было так много, что Коул таращился в окно вагона, как мальчишка, пришедший в какой-то музей посмотреть на кости драконов.

– Непохож на Мансель? – спросила женщина.

Коул бросил на неё короткий раздражённый взгляд и продолжил любоваться городом. А посмотреть было на что. В сотне метров от железной дороги раскинулись многочисленные заводы и фабрики промышленного района Солкток, где работа шла круглыми сутками. Громадные трубы торчали вверх, но из них не валил ядовитый дым, как в предприятиях Манселя.

Всякого рода отходы проходили через многочисленные очистительные фильтры и перерабатывались. Как именно всё это работает, для Коул оставалось тайной.

Следом шёл небольшой лес. За деревьями ничего не было видно, но среди них по аккуратным дорожкам гуляли горожане и какие-то непонятные существа.

– Это ксилемы, – пояснила женщина.

Коул не стал оборачиваться и к своему удивлению заметил, что кусты под деревьями передвигаются с места на место: некоторые по-человечески, на двух толстых конечностях, заканчивающихся корнями, другие – на четвереньках, словно собаки или кошки. Странные создания с виду напоминали растений с ветками и бледно-зелёными листьями по всему телу. Коулу они показались жутковатыми. Лес ксилемов являлся их районом и в то же время парком для остальных горожан. Два раза в год – в день весеннего и осеннего солнцестояния – весь Лес окрашивался светящимися спорами самых невероятных цветов. Два раза в год тысячи горожан и туристов собирались в Лесу ксилемов полюбоваться этим прекрасным, волшебным процессом.

Историки говорили, что ксилемы, ныне безобидные и дружелюбные, некогда были созданы в процессе неудачного эксперимента одного могущественного мага, несколько веков назад. Маги тех времён только и мечтали о безмерной власти и могуществе. Многие из них пытались захватить власть в стране своими методами и оспорить права императора на престол. Так создатель ксилемов мечтал об армии живых деревьев, однако план его провалился. Первые из этого рода были слишком дикими и тут же убили своего создателя, чьё имя не сохранилось в истории.

Через несколько минут за окном появилось непрерывное полотно жилых многоэтажных домов из красного и серого кирпича, с черепичными и шиферными крышами, со множеством подъездов и стоянок для машин или карет. Все дома казались разными, но объединяло их присутствие громадных человеческих лиц на фасадах, сразу выдававших их принадлежность к инсуломам.

«Интересно, какой у меня дом», – подумал Коул, глядя на физиономии стариков, девушек и мужчин из кирпича.

Тут везде были вывески, рекламные плакаты, всякого рода лавки, магазинчики и уличные кафе. Горожане шли по широким тротуарам, а рядом проезжали многочисленные виды машин: двухместные пароциклы, странные шагоходы, напоминающие пауков или слонов, обычные паромобили на четырёх колёсах, гусеничные автобусы и кареты, запряжённые конструктами с большой сферой вместо ног и громадными ящерицами. Машины разнились своими формами, строением и размерами, но почти все они были выпущены с многочисленных заводов Гильдии купцов.

Коул присвистнул, когда вдалеке над крышами домов показались шпили Солнечного дворца, а мгновение спустя и само здание. Некогда обитель императоров, а ныне резиденция правительства Республики Серра, громадное, вытянутое вверх здание возвышалось над всем городом, не стесняясь своего величия. Многие годы в стенах этого древнего сооружения принимали послов из соседних стран, рождались и умирали императоры, объявлялись войны и издавались новые законы.

Дворец, сильно пострадавший во времена гражданской войны, ныне был отреставрирован, и лишь отсутствие одной из шести башен свидетельствовали о той жуткой бойне, случившейся пару десятилетий назад.

Внимание Коула быстро переключилось на множество круживших над городом летательных аппаратов. Столько дирижаблей Коул никогда не видел. Тут были и громадные грузовики, только-только поднимающиеся в небо с Вадмарпорта; туристические баржи, на которых гостям Арраса с высоты птичьего полёта демонстрировались красоты города; частные канонерки, шныряющие туда-сюда, словно воробы, и хлипкие на вид винтолёты. Одни были гро-

мадными и неспешными, другие – совсем мелкими и шустрыми. Здесь имелись почти все известные Коулу виды воздушного транспорта. Небо Манселя не могло похвастаться подобной «оживлённостью», оно всегда было затянуто хмурыми тучами.

Патрульные фрегаты жандармов с прожекторами и грозными многострелами по бортам, готовые в любой момент спустить на канатах взвод бойцов, сейчас кружили недалеко от Ночи – самого мрачного района столицы. С удивлением Коул заметил, что на юге небо неестественно чёрное. Казалось, что какой-то маг заставил в том месте время замереть на полуночи. За крышами домов Коул не смог разглядеть красоты Ночи, но уже понял, что репутация у этого района не самая благополучная. Другой жандармский фрегат плыл вблизи Острова, увидев который, Коул буквально потерял дар речи. Десятки многоэтажных домов, сросшихся друг с другом, тянущиеся вверх и вниз, парили в двух сотнях метрах над землёй.

- Сколько чудес в этом городе, – с восхищением произнесла женщина.
- Я хочу туда! – тонким голосом заговорила девочка.
- Мы уже туда ходили, – ответила ей мама, улыбнувшись. – И ты плакала.
- Высоко было...

Коул, немного отойдя от шока, присмотрелся и увидел большое белое здание с колоннами у входа и какими-то статуями на крыше. Оно было гораздо меньше Солнечного дворца, но в архитектуре узнавались знакомые черты.

– Вам стоит туда сходить, – посоветовала женщина. – Арена Доблести. Там проводятся гладиаторские бои, гонки и прочее. Истинно мужское развлечение.

Коул снова проигнорировал её.

Вскоре замедление поезда стало гораздо заметным. Впереди появился вокзал, напоминающий приземистую круглую гору с десятью пещерами.

– Господа, мы прибыли в Аррас. Добро пожаловать, – заговорил проводник, стоявший в конце вагона. – Прошу быть внимательными со своими вещами, не оставляйте багаж без присмотра. В свете последних событий, всё, что останется после вашего выхода из вагона, будет отправлено на осмотр и уничтожено. Хозяева оставленных вещей будут найдены и наказаны в соответствии с новым указом Сената.

– Из-за чего это? – тихо спросил парень, сидевший за спиной Коула.

– Из-за бомб! – тут же ответил великовозрастный сосед. – Из-за этих чёртовых анархистов. Совет масок, будь им не ладно! Чего же им не хватает? Империю развалили, теперь и против Республики гавкают! Жили бы себе нормально. А не взрывали дома. Придурки!

– Кажется, вы ошибаетесь, революция начали Освободители, а не Совет.

– Много ты знаешь, сопляк.

Коул, слушавший этот разговор, удивлённо поднял брови: ведь в Манселе нет никаких анархистов, и про взрывы ничего не было слышно. В тамошних газетах наоборот писали, как всё хорошо, о новых достижениях в науке, о росте населения и прочей ерунде, которой кормят народ.

«Значит, дела не так хороши, как нас в этом уверяет правительство», – криво усмехнулся Коул.

Поезд, наконец, остановился, пытая паром и громохоча множеством поршней. Пассажиры один за другим направились к выходу. Коул шёл одним из последних, накинув на плечо сумку и опустив козырёк кепки пониже. За ним следовала приставучая женщина с девочкой.

Выйдя на перрон, Коул заморожено взгляделся в потолок. Перед его взором предстало настоящее произведение искусства. Масштабная фреска в потускневших тонах являлась ещё одним отголоском дореволюционной Империи. Рыцари на конях, облачённые в треснувшие доспехи, бились с шипастыми змеями.

– Впечатляет, правда?

Коул вздрогнул от неожиданности и резко повернулся к женщине из поезда. Теперь она стояла, сложив руки за спиной, и улыбалась. Дочка прижималась к её пышной юбке.

– Первые преторианцы. Герои, ставшие легендой.

– Мадам, что вы хотите? – наконец заговорил Коул, поправив сумку.

– Я хочу предупредить тебя, – ответила женщина. – Большой город меняет людей.

– Я из Манселя.

– Этот город не похож на Мансель. Здесь всё иначе. Не доверяй никому, – не мигая, говорила женщина. Голос её был спокоен, но за этим что-то скрывалось. – Тебя ждут великие деяния. Ужасные и великие. Сможешь ли ты забыть обо всём и с головой уйти в погоню за счастьем, богатством и славой?

– Чего? Кто... откуда?..

– Слушай внимательно, Коул Дрим, – резко перебила незнакомка. – От судьбы не уйдёшь! Тебе предстоит нелёгкий выбор: пожертвовать человечностью и воплотить свою мечту, или отказаться от всего и вернуться в Мансель. Твой выбор повлияет на жизни многих людей. Сделай правильный выбор, иначе твоя душа не обретёт покой. Береги себя, и всё же... – женщина улыбнулась, – осторожнее с мужчинами.

– Идите в бездну! – чуть было не выкрикнул Коул и поспешил уйти.

Женщина осталась стоять на месте, поглаживая голову дочери.

Выругавшись, Коул вошёл в поток людей, направляющихся к выходу. Мало ли на свете безумных мамаш, раздающих советы и предостережения направо и налево? Перечитают глупых романов и несут всякую чушь! А имя и фамилию она могла подглядеть в паспорте, пока Коул спал. Много таких аферистов-предсказателей!

У высоких дверей среди нескольких встречающих стоял мужчина лет сорока в строгом костюме и с куском картона в руках. На картоне большими буквами было написано: «Коул Дрим». Лицо мужчины было худым, со впалыми щеками и полосками морщин на лбу. За очками с тонкой оправой находились уставшие голубые глаза. Седые волосы незнакомца были зачёсаны назад.

– Здравствуйте, – буркнул из-под кепки Коул, подойдя к нему.

Он никак не ожидал, что его кто-то будет встречать. В письме имелся адрес его нового дома, и Коул планировал добраться до него своим путём. Но раз уж кто-то побеспокоился его встретить, так тому и быть.

Мужчина смерил странного шуплого юношу сдержанным взглядом и кивнул. Странность заключалась в одежде Коула. Большое серое пальто имело кучу складок, слишком длинные штанины брюк были свёрнуты несколько раз. Грубые ботинки, казалось, были велики Коулу на несколько размеров.

– Прошу, ваш паспорт, – тихим спокойным голосом попросил мужчина. – Меры предосторожности.

Коул, молча, достал из внутреннего кармана документ, открыл его и показал чёрно-белую фотографию себя с печатью в углу и с установочными данными сбоку.

– Снимите кепку и опустите воротник пальто, пожалуйста, – попросил вновь мужчина.

Сдерживая раздражение, Коул сделал, что требуется, показывая крайне короткие светлые волосы, напоминающие щетинки обувной щётки, бледное веснушчатое лицо и тонкую шею.

– Благодарю. Следуйте за мной, – сказал мужчина.

Выйдя из здания вокзала, Коул был в очередной раз удивлён. Раздражение улетучилось, как только он увидела машины, больше похожие на железную печь на колесах, шагоходы, напоминающие сороконожек и вытянутые пароциклы, скорее предназначенных для гоночных трасс, чем для улиц Арраса.

– Нам туда, – указал мужчина.

Они перешли через дорогу, затем пересекли вокзальную площадь, центр которой занимала статуя какого-то рыбоголова-писателя с бородой из запутанных щупалец, и оказались у припаркованной перед высоким инсуломом машины. Коул и раньше видел подобное. Вроде бы обычный дом, ничем не отличающийся от остальных, только фасад как-то ненавязчивого напоминает человеческое лицо с закрытыми глазами. Органика, скрытая под кирпичом, бетоном и черепицей. Живой дом, имеющий свой собственный разум и характер, организм, загнанный в рамки архитектуры. Однако в Манселе инсуломы исполняли роль не жилых домов, а заводов и фабрик. Громадные чёрные здания, пропитанные сажей, работали днём и ночью, производя самые различные вещи.

– Садитесь, – попросил мужчина, сев за руль синего «Маркла-7», машины, признанной одной из самых безопасных среди современных паромобилей. Машина была приземистой и вытянутой вперёд, с усиленным каркасом, толстыми колёсами.

– Кто вы? – решил спросить Коул через несколько минут.

Тем временем машина выехала с вокзальной площади и оказалась на улице, где все дома были покрыты цветами.

Фиалки, ромашки, орхидеи и ещё десятки видов разных цветов разводились шестилапами, прирождёнными эстетам и ценителями всего прекрасного.

– Я Стром Фустофер. Я с недавних пор являюсь вашим дворецким, – рассказал мужчина.

– Мой кто?! – рассмеялся Коул.

– Ваш дворецкий, – учтиво повторил мужчина. – Господин Крит велел доставить вас в ваш дом.

– Дом моих родителей, – тихо поправил Коул, глядя на шестилапа, поливающего свои драгоценные цветы.

– Как скажете.

– А кто этот Крит? – спросил Коул.

– Заместитель наместника Арраса, один из самых влиятельных людей в нашей стране.

Коул приподнял бровь.

– А причём тут я и эта важная шишка? – задал он очередной вопрос.

– Он был знаком с вашими родителями, – вежливо ответил мужчина. – Остальное он расскажет сам.

– Подождите, а откуда вы знали, когда меня нужно встречать? – с сомнением спросил Коул.

– За вами следили люди господина Крита, с того самого дня, как вы получили известие о наследстве, – ответил Стром Фрустофер, поглядывая в зеркало заднего вида.

Следующие двадцать минут Коул, молча, смотрел на мелькающие за окном витрины, дома и людей. Как оказалось, большая часть городских домов в центре являлись инсуломами, то есть живыми. Целые улицы и кварталы из кирпичных голов.

«Жутковато. Это место не похоже на Мансель», — думал Коул, разглядывая прохожих.

Здесь было слишком ярко, слишком... разнообразно. Улица, покрытая цветами, живые дома, водоёмы, Остров и Инсектариум, чей купол красовался на юге. Каждый район, каждый квартал не были похожи на другие. Складывалось такое ощущение, словно кто-то оторвал по кусочку с десятков разных городов и пришил лоскуты районов и кварталов в одну большую несуразную скатерть.

«Самое главное, чтобы моим наследством не оказался живой дом или дом с приведениями, — думал Коул. — Кто знает, кем были мои родители? Но если они были знакомы с заместителем городского наместника, значит... ничего это не значит! Хватит голову забивать всяким мусором. Скоро я итак всё узнаю».

Они долго ехали на запад. Инсуломы сменились обычными домами, последних сменили высокие здания различных учебных заведений с обширными территориями. Спустя двадцать

минут они оказались в районе, где были только отдельные особняки, скрытые за высоким забором.

Машина остановилась, сангумный двигатель затих. Коул вышел первым и даже снял кепку, глядя на трёхэтажный мрачноватый особняк, видневшийся за решётчатыми воротами. Вся улица была усеяна подобными особнячками, некоторые были мрачными, другие приветливой, с красными или синими стенами и с цветущими садами. Где-то в начале улицы стоял дом, разукрашенный в самые немыслимые цвета.

– Это... тот дом? – спросил Коул.

Провожатый кивнул и прошагал к воротам.

– Это дом рода Марсов, оставленный вам по наследству, – рассказывал мужчина, открывая ворота. – Вся мебель, земля и иное их имущество ныне принадлежат вам. Вы имеете полное право распоряжаться им, как вашей душе будет угодно.

– Продать могу? – тут же спросил Коул, заходя за ворота.

Его встретили запущенный сад с живой изгородью, выросшей выше человеческого роста, и дорожка из гравия.

– Конечно. Продать, заложить, подарить, – отвечал Стром. – Но я думаю, что вам для начала стоит поговорить с господином Критом.

– А когда я могу с ним поговорить? – уточнил Коул.

– Он ждёт вас в доме.

Дорожка привела их к давно не работающему фонтану с грязной водой. Проходя мимо, Коул увидел своё мутное отражение в «водоёме», который давно захватили лягушки. Подойдя к крыльцу особняка, Коул заметил кривую надпись на парадной двери. «Предатель!» было написано красной краской – яркая точка на мрачном фоне.

– Мародёры, – пожал плечами дворецкий.

– Краска не старая, – заметил Коул, знавший в этом толк.

– Раз в пару месяцев кто-то пробирается сюда и оставляет эту надпись, – рассказал Стром. – Прислуга господина Крита очищает краску, но мародёры возвращаются снова.

– Значит, дом пустует?

Дворецкий кивнул.

Как оказалось, внутри особняк был мрачней, чем снаружи. Приглушённый свет, серые стены, скрипучий пол и запах пыли напомнили Коулу о приюте. Он проследовал за дворецким вглубь дома и оказался в гостиной. Из-за плотно закрытых занавесок единственным источником света здесь служил огонь в камине. Перед ним, сгорбившись в кресле, с тростью в руках сидел господин Крамар Крит.

– Господин Крит, я привёл... его, – сообщил дворецкий и жестом пригласил гостя пройти вперёд.

Коул бросил на него недоверчивый взгляд и всё же прошёл в гостиную. Мужчина, опираясь о трость, поднялся, повернулся к нему и улыбнулся. Крамар Крит был в чёрном костюме и длинной накидке, скреплённой у шеи серебряной брошью. Драгоценность имела форму скрученной в круг двуглавой змеи. Коулу показалось странным наличие у ящерицы второй головы вместо хвоста. Его всклокоченную, короткую бороду и зачёсанные назад волосы Крамара Крита давно захватила седина. Из-под густых бровей, на фоне испещрённого морщинами, угловатого лица выделялись серые, хмурые глаза. На вид Крамару Криту было около шестидесяти лет.

– Здравствуйте. Я – Крамар Крит, – представился мужчина мягким хриловатым голосом. – Подойдите, пожалуйста.

Коул посмотрел на дворецкого, стоявшего в дверях, и подошёл к Криту.

– Пожалуйста, засуньте вашу руку в камин, – вежливо попросил Крит.

– Чего?! – Коул оторопел и тут же стал пятиться.

– Это просто проверка, – улыбнулся господин Крит. – Дом признает только своего хозяина. Если вы являетесь таковым, с вами ничего не случится. А если нет, то огонь обожжёт вас.

Коул нахмурил брови, осторожно подошёл к камину, нагнулся и медленно протянул руку к огню. Он почувствовал лишь лёгкое покалывание. Удивлённо улыбнувшись, Коул поиграл с языками пламени, возникающими и исчезающими между его пальцев.

– Невероятно. Наконец-то! – прошептал Крит взволнованным голосом. – Столько лет поисков. И ты вернулся домой!

– Что?

Коул не успел опомниться, как оказался в крепких объятиях Крита, который чуть не потерял равновесие, ступив на хромую ногу.

– Наконец-то! – повторил дрожащим голосом старик.

Коул сильно удивился, но всё же отталкивать незнакомца не стал. Ему это показалось невежливым.

– Нам очень многое стоит обсудить, – сказал Крит, отстранившись, но по-прежнему держа одну руку на плече гостя.

– Может, начнём с родителей? – подсказал Коул.

– О, да. Конечно. Сразу после обеда. Ты, наверное, проголодался и устал с пути.

– Не особо! – буркнул Коул.

– Мне нужно срочно отъехать по делам, – продолжил говорить Крит, захваченный своими собственными мыслями. – Пока можешь остановиться у меня. Вечером обо всём и поговорим.

– Нет. Я останусь здесь, – возразил Коул.

Лицо Крита на мгновение скривилось, застыло, и он всё же кивнул. Крит, видимо, не ожидал отказа, но спустя секунду засиял улыбкой.

– Конечно, – кивнул он. – Располагайся. Дом твой. Просто в Солнечном дворце тебе было бы уютней.

– И так сойдёт, – бросил Коул. – И, кстати, я не намерен оставаться здесь надолго. Я продам дом и вернусь в Мансель.

Крит приподнял бровь, затем снова улыбнулся.

– Послушай... Коул, – сказал он мягко. – Я слышал, что с вами делали в приюте и что вбивали вам в голову те безумные монашки. Не надо торопиться. Я искал тебя двадцать лет не для того, чтобы просто поздороваться. Конечно, об этом я хотел поговорить вечером, но... твои родители были моими близкими друзьями. Твой отец, Феликс Марс, был моим соратником, братом по оружию. Мы являлись членами рыцарского ордена, преторианцами, личной гвардией Императора. Ты его наслед... наследник. Смотри на тебя, я вижу его. И твоё возвращение домой ознаменует новую эпоху. Эпоху преторианцев...

– Гвардия императора?! – резким голосом перебил Коул. Ему никогда не нравились речи, взывающие к благородству, патриотизму, долгу и прочей ерунде, которую агитировали военные вербовщики. – Эм... Вы не справились со своей задачей. Император умер ещё до моего рождения. И участвовать во всех этих подпольных играх я не собираюсь. Не знаю, кем были мои родители. Признаю, интересно, но не более. Дом я продам и уеду. Точка. Никакого триумфального возвращения не будет.

Крит закрыл глаза и вздохнул. По его мимике было видно, как он гасит внутри себя раздражение.

– О каких подпольных играх ты говоришь? – искренне удивился Крит.

– Анархисты! Собрание масок или вроде того, – раздражённо ответил Коул. – В Манселе нет всего этого. Я не желаю быть причастным к политическим преступлениям. И как вам не стыдно, с вашей-то должностью...

– Хорошо, – перебил Крит. – Будь по-твоему. Только... погости в городе несколько дней, пока не подыщешь достойного покупателя. И я надеюсь, у нас ещё будет время узнать друг

друга получше. Ведь всё же ты мне... почти как... сын. И «Совет масок», а не «собрание». Ты ошибаешься, думая, что я на их стороне.

И, не попрощавшись, мужчина направился к выходу. Дворецкий последовал за ним.

– Вам будет тяжело, – сказал Стром, когда они вышли из дома.

– Плохо ты меня знаешь, дружище. Когда-то и Феликс был таким же, но мне же удалось затаскать его в Орден, – усмехнулся хромавший Крамар Крит. – Оставайся здесь. Выполняй все поручения. Можешь даже провести экскурсию по городу. Покажи Аррас, всю его красоту.

– Задержать и завлечь? – уточнил дворецкий.

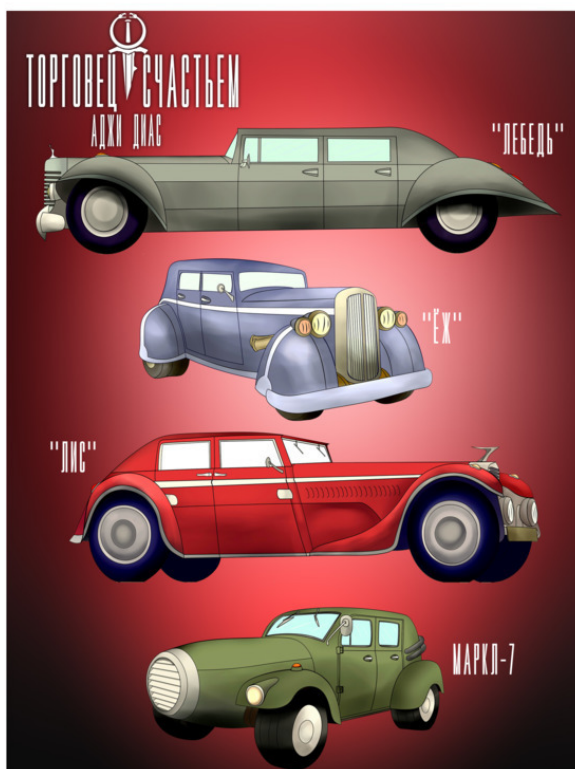
– Именно! – кивнул Крит, выходя за решетчатые ворота. – Я пока займусь подарком.

– Что по частным сыщикам? – спросил Стром. – Они уже отправились в Мансель?

– Да. Они заняты его подругой.

Крамар Крит криво ухмыльнулся, довольный догадливостью своего помощника.

В это время к воротам подъехали четыре чёрные машины с длинным кузовом. Крамар Крит сел в одну из них.

-ТАЧКИ-

-КЕРА-
ОХОТНИЦА ЗА ДУШАМИ ГРЕШНИКОВ

-ЛЕГИОН-
КОЛЛЕКТИВИЗМ СПАСЕТ МИР

-ИЗМЕРЕНИЕ ЖНЕЦА-

Глава 3

Она жестоко ошиблась, недооценив возможности некромонтула, посчитав, что днём он будет слабее.

«Надо было палить сразу, – корила себя Кера. – Хитрец тянул время, готовя своё гнилое тело к расчленению».

Кера подумала о своих пистолетах, длинных и чёрных, с древними рунами на стволах. Это было зачарованное оружие, обладающее особой силой против всяких магических тварей. Но они не сработали, хотя попаданий было достаточно. Калео Вагадар должен был скрючиться и стремительно сгнить, а его душа отправилась бы напрямиком к Жнецу, как это случалось сотни раз с другими преступниками.

Отправившись в ближайшую деревню, странная женщина в чёрной мужской одежде хорошенько позавтракала в местном трактире и в полдень села в телегу фермера, направляющегося в город.

Прячась в скудной тени телеги, с трудом перенося жару, Кера начала жалеть, что не согласилась на предложение некромонтула. Нет, она не собиралась служить очередному культу фанатиков Спящего, её просто мучило любопытство. Какой силой обладает таинственный господин Калео Вагадара, если он смог уберечь его от зачарованных пуль? Или старый колдун придумал очередную хитрость? Наверняка его новый хозяин действительно обладал каким-то могуществом.

«Или у старика просто мозги в конец сгнили, и он сошёл с ума», – подумала про себя Кера.

От размышлений её отвлек каркающий ворон. Кера попросила фермера остановиться и, прыгнув с телеги, скрылась за ближайшими кустами. Мужчина громко усмехнулся, подумав совсем о других вещах. В какой-то момент в его голове проскользнула мысль проследовать за ней. А вдруг это знак? Но вспомнив о пистолетах, красующихся на пышных бёдрах женщины и жёлтых кошачьих глазах, скрытых в глубине капюшона, фермер мысленно махнул рукой на сомнительные утехы.

Тем временем за кустами Керу поджидал ворчливый толстый ворон. Он был больше своих сородичей, обладал мутными серыми глазами и был слишком умён для обычной птицы. В данный момент его карканье подозрительно напоминало издевательский смех.

– Заткнись! – раздражённо бросила женщина, присела на одно колено и закрыла глаза.

Перемещением это нельзя было назвать, ведь она всё ещё пребывала там, в кустах у дороги в Аррас. Но открыв глаза, Кера не увидела серо-зелёную степь, окружавшую дорогу, редкие кустарники или телегу фермера, запряжённую крупной серой ящерицей. Вокруг царил чёрная пустота. Кера встала и пошла по древнему каменному мосту. Впереди стоял алтарь, а за ними возвышались громадные врата. Из чего именно сделаны последние, было непонятно. Врата были покрыты с множеством трещин, напоминающих паутину, и имели постоянно меняющиеся символы. Что именно они означают, знал лишь сам Жнец, страж и хозяин этого измерения.

Жнец стоял перед алтарём. Слишком высокий для человека, ростом почти в три метра, сгорбившийся, в багровой ветхой мантии и с громадной костяной косой, рукоять которой некогда являлась чьим-то хребтом. Руки Жнеца, выглядывающие из глубоких рукавов мантии, были иссохшими и когтистыми, а головой ему являлся большой череп какой-то доисторической птицы с полуметровым клювом, торчавшим далеко вперёд. Черноту пустых глазниц Жнеца можно было сравнить лишь с вороньим опереньем, занимавшим его грудь, плечи и горб.

Кера не любила Жнеца. Никто не любит главного слугу смерти.

Имморалистка бросила короткий взгляд на древние врата за спиной своего хозяина. Врата, через которые проходят души, что она и многие подобные ей приносят Жнецу. Кера

знала, что именно находится за воротами. Те, кто проходят через них, никогда не возвращаются, разве что избранные единицы. Женщину передёрнуло при мысли о пространстве за воротами.

– Он ушёл, – сказала Кера, переводя взгляд на пустые глазницы Жнеца. – Калео был под защитой сильных чар. Моё оружие и даже солнечный свет не смогли его остановить. Он бежал в Аррас. Я преследую его. Вагадар говорил о своём новом господине и Спящем. Знаю, что и раньше были попытки пробудить Титана, но, мне кажется, перед нами серьёзный враг.

Жнец выслушал её. Молча, простоял около минуты и, наконец, провёл левой рукой перед собой. Камень затрещал, и из него вырвались струйки чёрного дыма. Ещё пара секунд, и дым сжался в клубок, превратился в отвратительное вязкое нечто, напоминающее грязь. Булькая и капая на камень, это нечто обросло сначала головой с множеством мелких лап, а потом приобрёл в человеческие руки и ноги. Когда трансформация закончилась, перед Керой стоял мальчик лет восьми-девяти на вид, с большими голубыми глазами и аккуратно причёсанными чёрными волосами. Жнец сотворил даже одежду для существа: белая рубашка, бабочка, чёрный костюмчик, короткие штанишки и ботинки.

Сердце женщины сжалось, к горлу подошёл ком. Она бы заплакала, если могла.

«Не может быть! Не может быть! Чёртов урод», – кричала про себя Кера, но внешне оставалась спокойной.

– Зачем мне он? – спросила женщина, пытаясь не смотреть в эти большие и такие знакомые глаза мальчика.

Жнец не ответил. Он не разговаривал на языке смертных.

– Я буду помогать тебе, – радостно произнёс мальчик.

Женщина вздрогнула, узнав этот голос.

«Слишком жестоко! Даже для самой смерти! Ублюдок!»

– Я справлюсь сама. Мне он не нужен, – обратилась женщина к Жнецу.

Но смерть не терпит возражений.

Кера неожиданно открыла глаза и встала с колен. Степь, кусты, просёлочная дорога и солнце. Ей не хотелось оборачиваться назад.

– Не волнуйся, я не твой сын, – сказал мальчик. – Жнец не обманул тебя. Его душа не прошла через ворота и отправилась в другое место.

Кера резко повернулась, выхватила пистолет и выстрелила мальчику прямо в лицо. Лёгкое тело отбросило почти на два метра, но след на земле оказался гораздо больше, чем положено. Где-то на юге ввысь вспорхнули стайки птиц.

– Как грубо! – улыбнулся мальчик, поднимаясь на ноги и стряхивая с себя пыль.

Улыбка вышла жуткой, учитывая то, что верхняя часть его головы, начиная от носа, отсутствовала. Ни мозгов, ни крови, лишь чёрная жижа, булькая, снова формировала голову мальчика.

– Что произошло?! – спросил прибежавший фермер.

Увидев лицо мальчика, он выпучил глаза и начал орать во весь голос.

– Человечина! – улыбнулось существо и резко накинулось на мужчину.

Вскоре крики прекратились. Кера, не захотев быть свидетелем мерзкого представления, села в телегу бедняги и поехала дальше. Спустя минут десять существо присоединилось к ней.

«Он не мой сын. Он не мой сын», – повторяла себе Кера, глядя вдаль, где на горизонте виднелся город.

– Жёсткое мясо. Люблю молодых, – признался мальчик, севший рядом с ней. – Кстати, меня зовут Марк. Шучу, конечно, меня зовут иначе, правда, на языке смертных его не выговоришь. Мне просто нравится это имя. Как-то мне достался один путешественник с этим именем. При нём имелись различные специи. Он был невероятно вкусным.

***

Первый час Коул провёл, осматривая дом. Стром с лампой в руках водил его по всем комнатам. Начал он с подвала, вонявшего чем-то едким и захваченного целой ордой пауков, комаров и прочей мелкой живностью. Затем последовали многочисленные спальни для гостей, гостиная, столовая, кухня, уборная, библиотека и галерея. Стром лишь называл, какая это комната, открывал дверь, светил лампой, показывая застеленную белой материей мебель, и шёл дальше. Коул следовал за ним, прислушиваясь к скрипу половиц и странным звукам где-то под стенами.

– В доме есть крысы? – спросил Коул, когда они поднимались по лестнице на третий этаж.

– Сам дом издаёт такие звуки, – ответил дворецкий, осторожно поднимаясь вверх. – Дом живой. Конечно, сейчас он дремлет. Но с вашим возвращением он пробудится.

– Инсулом? – уточнил Коул. – А с виду обычный дом.

– Вы знаете о природе живых домов? – спросил Стром.

– Не особо.

– Инсуломы – это существа, созданные с помощью алхимии и магии, – рассказывал дворецкий. – По своей природе нечто схожее с грибами и... человеком. Строители сначала создают каркас дома, фундамент, стены и прочее. А потом в дело вступают микологи и алхимики. Они, как бы это сказать, сеют споры. Те произрастают под панелями дома, формируя все свои органы, и в нужный час дом, наконец, пробуждается.

– Вам надо было работать учителем, – буркнул Коул.

– Приму это за комплимент, – улыбнулся Стром. – У инсуломов есть сознание. Каждый дом имеет свою индивидуальность, схожую с личностью хозяина. Но все они связаны между собой многокилометровой сетью корней, растянувшейся под городом.

– Какой человек – такой и дом? – уточнил Коул.

– Правильно. Если хозяин меняется, со временем дом подстраивается под него.

Третий этаж, как и остальные, пребывал в темноте. Окна, закрытые занавесками, не пропускали ни единого лучика солнечного света.

– Хозяйская спальня, – сказал Стром, открыв очередную дверь.

– Спальня моих родителей? – спросил Коул, не скрывая волнения.

Дворецкий кивнул, ступая внутрь. Коул не сдержался и, быстро подойдя к окну, сорвал пыльные занавески. Солнечный свет хлынул в комнату. Пылинки судорожно поднялись вверх. Обернувшись, Коул увидел большую кровать. Сделал несколько шагов и начал срывать белые куски ткани, которыми была накрыта вся мебель. Шифоньер, большое зеркало, картина, часы, прикроватный шкафчик и фотографии в серебряной рамочке... Коул замер. Он осторожно взял в руки две рамки. На одной фотографии присутствовали молодой парень и девушка в белом платье, на другой – те же люди, только чуть старше и в другой одежде. У обоих были светлые волосы, оба улыбались. Как заметил Коул, на втором снимке у девушки выступал живот.

– Это они? – спросил он.

– Да, – кивнул дворецкий, заглядывая ему за плечо. – В день свадьбы и чуть позже, уже дома, за несколько месяцев до вашего рождения.

– Они кажутся счастливыми, – прошептал Коул.

– Вы похожи на них.

Коул бросил короткий взгляд через плечо и спешно вернул фотографии на место.

– Продолжим, – сказал он и вышел из спальни.

Через пар минут дворецкий остановился у очередной комнаты.

– Личный кабинет вашего отца... – уже начал было Стром, но Коул жестом остановил его.

– Нет. Так не пойдёт, – сказал он, хмурясь. – Нужна уборка. Этот дом спал слишком долго. Пора бы его разбудить.

Стром встревожился, но, вспомнив слова господина Крита, кивнул. Они спустились на первый этаж, взяли из кладовки швабры, вёдра и тряпки.

– Начнём с окон! – провозгласил Коул и принялся открывать все шторы в доме.

– Может, позвать прислугу? – с надеждой спросил дворецкий, бегающий за ним следом. – Нам двоим не справиться с этим домом! И, тем более, я не занимаюсь уборкой.

– Ой, перестань. Управимся до вечера! – бодро произнёс Коул, поправив кепку.

Дворецкий жалобно заскулил, не желая мараить свои руки грязной работой. Он слишком привык раздавать приказы служащим в Солнечном дворце и выполнял лишь личные поручения господина Крита, но деваться было некуда. Он следовал за Коулом, приносил то, что нужно, делал, что велели, мастерски скрывая раздражение. Сначала были открыты все окна в доме. Затем уборщики, повязав платки на лица, не желая задохнуться от вселенской пыли, принялись подметать. Сломанная мебель, многочисленные пустые бутылки, какие-то бумажки, тряпки, давно сгнившие объедки фруктов и трупы тараканов, павших смертью храбрых – всё это не могло поместиться в двух больших мусорных урнах, выставленных перед входом в дом. Коул велел найти какую-нибудь бочку, и Стром, закатив глаза и тихонько вздохнув, отправился в подвал. На второй час работы дом издал странный утробный звук, напоминающий кошачье урчание. К этому моменту на его крыльце красовались уже четыре бочки с мусором.

– А ему нравится! – усмехнулся Коул, орудовавший метлой в библиотеке.

Дворецкий, возможно, что-нибудь да ответил бы, но был слишком занят, оттирая щёткой грязь с пола. Слишком разгорячённый работой Коул скинул с себя пальто и кепку. Лишь через минуту он понял, что Стром, сидевший на четвереньках со щёткой в руках, тарашится на него. Дворецкий словно забыл, кто именно стоит перед ним и опомнился лишь, когда Коул бросил на него раздражённый взгляд. Слишком тонкая шея, наигранно грубый, прокуренный голос, мягкие черты лица и узкая талия, просвечивающаяся под рубашкой...

– Что-то не так?! – с вызовом спросил Коул, поджав пухлые губы.

– Нет-нет-нет, – быстро ответил Стром, но было поздно.

Его тут же отправили убираться в уборных, а их было всего три, по одному на каждом этаже. Всхлипывая от возмущения и негодования, бедняга Стром Фрустофер поплотней привязал свою повязку и вошёл в первую из страшных комнат.

Час за часом количество мусора перед дверями особняка росло. Две урны, шесть больших бочек, целая гора из четырёх мешков и кучка сломанной мебели. Глядя на всё это Коул, снова облачившись в пальто, улыбнулся. Позади, кряхтя, показался Стром, волочивший что-то тяжёлое.

– Вам не кажется, что... пора бы... – пыхтел Стром, который, согнувшись пополам, нёс на руках разбитый унитаз. – Как-то... мне... ах...

– Перекур! – объявил Коул, сев на крыльцо.

В этот же момент серый фарфор сорвался с рук Строма и с грохотом упал на половицы крыльца. Дворецкий с трудом выгнул спину и, схватившись за поясницу, произвёл целую серию жалобных вздохов.

– Видно, редко ты занимаешься уборкой, – хмыкнул Коул, достав из кармана мятую пачку сигарет и спички.

– Для этого есть прислуга, – ответил Стром, глядя на плоды своих трудов.

– А ты у нас кто? – усмехнулся в ответ Коул и закурил сигарету.

Дворецкий ничего не нашёл ответить. Он сел рядом и достал из кармана жилета серебряный портсигар.

– Оу! – удивился Коул. – Не боишься ходить с этим?

– С чем? – спросил дворецкий и чиркнул спичкой.

– Это ведь не просто сувенир, – Коул указал на дорогой портсигар. – У нас мало кто ходит с такими драгоценностями в кармане.

– Это фамильная реликвия, – задумчиво произнёс мужчина, проведя пальцем по гравировке портсигара.

– Перевернутая корона и... лук? – спросил Коул, пытаясь рассмотреть. – Герб каких-нибудь аристократов?

– Луна в короне, – ответил дворецкий и спрятал портсигар в кармане. – Просто подарок.

– В Манселе, чтобы ходить с таким подарком, нужен ещё и пистолет, – усмехнулся Коул.

– Вот этим и отличается Аррас от Манселя, – выдохнув дым, сказал Стром. – В городе, в котором вы росли, такие вещи, как грабёж и разбой, случаются сплошь и рядом. Это город заводов и пабов, рабочих и бандитов. Часто и те, и другие – один человек. В этом плане Аррас совсем другой.

– Ага, – фыркнул Коул и выпустил кольцо из дыма. – Зато у нас никто не взрывает бомбы.

– Это редкий случай, – тут же уточнил Стром, целью которого было доказать, что Аррас много лучше города-завода, покрытого дымом и сажей. Ведь этого добивался господин Крит – оставить наследника в Столице. – Совет масок – дураки, мечтающие о вещах, которых никогда не будет. Но дураков и в Манселе предостаточно.

Коул сразу понял, о чём говорит дворецкий. Его наверняка проинформировали о странностях воспитания мадам Врабие.

– Я верю в нашу жандармерию и поэтому могу ответить на ваш вопрос, – продолжал Стром. – Нет, я не боюсь ходить с серебряным портсигаром за четыре тысячи марок. Я знаю, что никто на меня не нападёт, даже не подумает. Аррас – это оплот безопасности.

– И всё же моих родителей никто не защитил, – заметил Коул, глядя куда-то вдаль. – Если я попал в приют ещё во младенчестве... кем были мои родители? Как они умерли?

– Этого я сказать не могу, – Стром прочистил горло. – Вам об этом лучше поговорить с господином Критом.

Они докурили и, выкинув окурки в мусор, вернулись в дом.

***

Добраться до господина оказалось гораздо сложнее, чем думал Калео Вагадар. Некромонтулу пришлось сначала сбежать из-под стражи своих бывших коллег, скрыто одобрявших его эксперименты, но не способных перечить законам Жнеца. Долгий путь, занявший несколько месяцев, был полон опасностей и курьёзов. Калео Вагадар уприходилось скрываться за Аурой, выдавая себя за одинокого путника. Люди, не подозревая ничего, здоровались с ним, пытались завести разговор или продать какой-нибудь товар. Некромонтула забавляло это и иногда, когда очередной сосед по каюте или попутчик слишком донимал его разговорами, он на мгновение являл ему своё истинное обличье. После короткого представления многие просто убежали, теряли дар речи или, как это случилось с одной старушенцией, схватившись за сердце, умирали. Так продолжалось от города к городу, от одного порта к другому, от вокзала к вокзалу.

Калео Вагадар всегда был на чеку, ожидая, что преследователи вот-вот возникнут за следующим поворотом или на борту очередного дирижабля. После встречи с имморталистом на одном из грузовых суден, окончившейся смертью недруга и крушением всего корабля, некромонтул решил путешествовать по земле. Последние недели он обходил города и селения стороной, пользуясь охотничьими домами в лесах или заброшенными портами, которых в Серре оказалось великое множество.

Солнце, столь непривычное и ненавистное некромонтулу, мучило его. Свет заставлял магию, хранившую в мёртвом теле непокорную душу, таять. Тело Вагадара начинало гнить и распадаться на части. Некромонтулы являлись существами Тени, детьми, перерождёнными в сумраке, где никогда не было солнца. Природа их силы была чуждой этим землям. Видимо, та имморталистка хотела воспользоваться этим фактом и напала на него при свете дня. Глупая женщина! Не учла, что солнце вредно и ей самой. Будь Калео Вагадар готовым к битве,

он бы пришёл её седую голову к своему телу, но времени было мало, и на риск он не решился. Было бы глупо проделать столь долгий путь и быть пойманным, почти дойдя до цели.

Теперь можно было вздохнуть спокойно. Конечно, если бы некромонтул испытывал нужду в воздухе. Его сердце давно перестало работать, как и прочие органы, а кровь превратилась в вязкую чёрную жижу – эссенцию смерти. Перебирая длинными руками, ужасное нечто в виде головы и грудной клетки, из которой торчали остатки позвоночника и сгнившие внутренности, ползло в тени переулков, скрываясь от опасного солнца. Калео не был знаком с устройством этого города, не знал, в какой его части находится. Он шёл к зову хозяина. Непрерывный, настойчивый, неразборчивый шёпот из тысяч голосов звучал в его сознании, обещая бессмертие, власть, новое тело и многое другое. Взамен нужно было лишь немного послушать.

Калео замер. Впереди возникли люди в синей форме с дубинками на поясе. Двое патрульных, разговаривая о чём-то, прошли рядом. Они не знали, что именно затаилось в нагромождении мусора, оставленного здесь много недель назад. Стражи закона видели лишь бродячего кота, копающегося в отходах.

Запрыгнув на тот поезд, Калео понял, что лишился большей части своих сил. Попади в него ещё пара пуль, ждала бы встреча со Жнецом. Оказавшись в пригородах, прислушиваясь к зову, толстая ворона спрыгнула с крыши вагона. Милый, тихий край частных домов с огородами и садами, вскоре уступил место заброшенным кварталам, заражённым унынием и запустением.

Ржавое королевство – рассадник пороков, скрытых за полуразрушенными домами и грязными улицами. Обитель одной из крупнейших банд тысячеликого Арраса, банды нищих, попрошаек, бывших проституток, бездомных и калек. Выброшенные, ненужные, нелицеприятные. Изгнанники, которых демонстративно игнорировало правительство и другие горожане. Их тайно ненавидели и боялись. Ведь тем, у кого ничего нет, нечего терять. Бродяги ничего не стыдились и не боялись. Ни своего внешнего вида, ни того, ни чужого мнения. Это был их маленький мир, выстроенный на руинах старого города, разрушенного двадцать лет назад.

Калео Вадагар глядел вслед жандармам. Те не боялись, что на них нападут жильцы многочисленных «заброшенных» домов. Патрульные делали вид, что там никто не живёт, хотя хорошо знали, что в данный момент за ними следит множество глаз. Дело было в негласной договорённости между жандармами и Ржавым королём. У властей не было ни времени, ни желания разбираться с делами бездомных, чем бы те не занимались, а нищие пытались не попадаться лишним раз им на глаза и каждый месяц выплачивали дань местному отделу жандармерии. На бумаге Ржавое королевство являлось образцово показательным районом, где всё тихо и спокойно. А на деле, за стенами брошенных домов, бродяги производили наркотики, оружие, убивали провинившихся, торговали проклятыми артефактами и экзотическими животными, нарушая все известные законы. Целая армия попрошаек бродила по всему Аррасу, одновременно кланча деньги у прохожих, торгуя наркотиками и шпиона за всеми. Схема была продуманной и практичной. В Ржавом королевстве крутились миллионы марок, и слишком многие из чиновников были связаны с этими деньгами.

Калео Вадагар продолжил путь, скрываясь под Аурой и размышляя о предстоящих событиях. Что от него потребуется новому господину? Возможно, рецепт зелья неслерти или, может быть, знания о Спящем? Хотя нет. Всё это итак известно ему, существу, чью силу Калео ощущал даже на расстоянии тысяч километров.

Некромонтул перешёл из одного переулка в другой, ничем не отличающийся от предыдущего. Разруха, кирпичи, арматура, горы мусора. И тут шёпот прекратился.

– Стой, – прозвучал глубокий, холодный голос позади.

Некромонтул вздрогнул от неожиданности. Он оглянулся и к своему удивлению понял, что рядом стоит кто-то очень высокий. Глаза его были скрыты под чёрными очками. Облачён

незнакомец был в серое пальто до самой земли, а на голове его комично высился длинный цилиндр.

– Это вы? Господин? – уточнил некромонтул.

Высокий мужчина склонился над Калео и расплылся в жуткой ухмылке, обнажив острые зубы.

– Это же вы? – переспросил Калео, сжавшись в землю.

– Да. Мы! – ответил Шляпник.

***

Уборка длилась до самого вечера, пока в доме не стало намного чище и свежее. Коул вскоре обнаружил, что многолетняя пыль и грязь в комнатах, до которых он ещё не дошёл, исчезли, будто сами собой.

– Дом пробуждается, – с нескрываемым облегчением объяснил Стром. – Жилые инсуломы способны и сами убираться.

– А еду готовить он умеет? – усмехнулся Коул.

– Проголодались? – с усталой улыбкой спросил дворецкий. – А мы ведь даже не обедали. Сейчас. Тут неподалёку есть хороший ресторанчик. Я привезу поесть.

Пока дворецкий отсутствовал, Коул с удивлением наблюдал, как медленно меняется интерьер дома: комнаты с тихим треском расширялись, становясь просторнее, половицы еле заметно вибрировали, а стены буквально впитывали в себя пылинки, паутину и прочий мелкий мусор. По всему дому многочисленные шкафы, столы и кровати, скрипя ножками по полу, вставали на свои места. Дом оживал.

После сытного ужина дворецкий приготовил ванну. Коула насторожила такая забота. Он вообще был недоверчивым и подозрительным. Обследовав овитую паром комнату, Коул только сейчас почувствовал усталость и решил расслабиться. Закрыв защёлку на двери, как будто дворецкий мог осмелиться войти к нему, Коул принялся снимать одежду. Кепка, пальто, ботинки и мешковатые штаны оказались на полу. Всё на пару размеров больше, помятое, сплошь в складках и заплатках. По виду можно было принять Коула за одного из мальчишек, торгующих газетами на улицах, зарабатывавших на жизнь своим трудом и донашивавших одежду кого-нибудь из старших родственников.

Стоя перед большим мокрым зеркалом в одной лишь рубашке, Коул смотрел на своё отражение. Лицо в веснушках, бритая голова на худой шее, синяки под глазами, а губы... Коул провёл тонкими пальцами по ним, понимая, что это губы не мужчины. А тело... оно было слишком хрупким для парня его возраста, слишком... немужественным. Именно это имел в виду Стром, говоря о дураках Манселя. Он говорил о Врабие, о её нелюбви к мужчинам и презрении к женской слабости. Государственный детский дом №17, которым заправляли воспитательницы-монахини, предназначался только для девочек, но выпускниками были только парни. Странная старая традиция.

Коул скинул с себя рубашку и с нежеланием опустил взгляд на плотные повязки, под которыми была скрыта женская грудь.

– «Вы были рождены в грехе», – любимая фраза Врабие.

Коул криво улыбнулась, вспомнив одну из фанатичных речей старушки.

– «Снаружи вас ждёт жестокий мир. Мир мужчин, которые лишь жаждут воспользоваться вами. Никому нельзя верить. Для них вы лёгкая нажива. В мире мужчин слишком мало места для женщин. Вы будете им нужны либо в постели, либо на кухне. Даже не думайте, что я этого допущу!».

И ведь не допустила. С самого детства Коул и других девочек растили, как мальчиков. Одевали в мужскую одежду, коротко стригли волосы, учили работать, разговаривать и драться по-мужски, чтобы, повзрослев, они ни в чём не уступали мужчинам. Никаких женских слабостей, слёз, истерик и капризов. Тяжёлая работа, крепкая выпивка, табак, пошлые шутки и раз-

говору вперемешку с отборной руганью, от которой у приличной дамы из ушей кровь пойдёт. Всё как у простых рабочих мужиков. Единственное, что сдавало Коул, это – паспорт. Днём, когда Стром попросил её показать документы, дворецкий увидел в графе с именем «Кларисса Дрим», дату рождения и в графе пола надпись «женщина». Он не подал вида и только во время уборки забылся на какое-то время. Видимо, тот сыщик, что разыскал Коул, заранее сообщил Криту о её необычном воспитании.

«Стром говорил обо мне. Я «Мансельский дурак», – подумала Коул.

Собственно говоря, «Коул» являлось её мужским именем. Таковое имелось у всех сироток Врабие, не желавших быть Мариями, Розами или Викторিয়াми. Вместо них были Марвины, Роберты, Викторы и многие другие, с именами традиционными для серран или придуманными ими самими.

– Нет. Ты – мужик! – сказала Коул грубым голосом, снимая слой за слоем повязки с груди. – Женщины слабы. Я не слабый.

– Не зря я тебя впустил, – ответило отражение.

Коул вздрогнула и, закрыв руками грудь, отскочила назад. Но её отражение в зеркале осталось на месте.

– Что за чертовщина?! – выругалась девушка, прячась от своего двойника в зеркале. – Что ты, бездна забери?!

Одной рукой Коул закрылась своим пальто, а другой – старалась натянуть штаны.

– Я – дом, – произнесло отражение. – А ты – самозванка. Но я рад, что ты здесь. Спасибо, что вычистила меня. Будет неплохо, если ты меня покормишь.

– Инсулом?! – скривилась в удивлении Коул. – Какого хера, мать твою?! Зачем же так пугать?!

– Извини, – улыбнулось отражение и превратилось в Строма.

– О, нет. Убери! – сразу же велела Коул. – Только не это!

Стром улыбнулся и превратился в светловолосого молодого парня, облачённого в чёрный военный мундир с красным нашивками.

Коул высунула голову из-под воротника пальто и шагнула вперёд.

– Это же ведь мой...

– Да, – ответил парень в отражении мягким баритоном. – Феликс Марс. Предыдущий владелец этого дома.

– Я... эм... – Коул прочистила горло, в глазах зашипало. – Ты... кхм... ты мог бы оставить меня одного.

– Одну...

– Одного! Проклятый дом!

– Хорошо-хорошо, – хмыкнул парень в зеркале. – Мы поговорим позже. Было приятно познакомиться, самозванка. И ещё раз спасибо.

После этих слов зеркало «очистилось». Коул тут же сняла его со стены, накрыла своей одеждой. Конечно, этого было недостаточно, чтобы спрятаться от инсулома. От него невозможно было спрятаться, находясь в нём же.

Наконец, успокоившись и сняв последние бинты, прихватив из кармана пальто сигареты, Коул улеглась в пенящуюся ванну и закурила.

– Я не самозванка, – буркнула Коул, пуская кольца дыма. – Я – мужик.

-СТРОМ ФРУСТОФЕР-
ДВОРЕЦКИЙ, ВЕРНЫЙ ПОМОЩНИК

Глава 4

Где-то глубоко под Ржавым королевством, где было темно, сыро и непрерывно капает вода, по винтовой каменной лестнице спускались двое – Шляпник, чьи шаги были беззвучны, и разваливающийся на ходу некромонтул, с трудом ковыляющий на длинных руках.

Калео Вагадар не знал, что думать. Не такого владыку тьмы он себе представлял.

С момента их встречи Шляпник ничего не сказал и не ответил ни на один из вопросов некромонтула. Тот, поняв, что лучше помалкивать, просто шёл, а точнее уже волочился, покорно отставая на пару шагов.

«До чего ты дошёл? Посмотри на себя. Позор Киддера», – корил себя некромонтул.

Он рассказал про преследование, про то, что его уже заждался Жнец, обо всех трудностях путешествия и имморталистке, но новый хозяин лишь молчал и бесшумно шёл вперёд. Он не был человеком, магом или представителем какой-нибудь другой расы, известной Калео Вагадару.

«Архонт, – подумал некромонтул, вспомнив о редких, могущественных существах, вершавших волю Титанов. – Нет. Он нечто более мрачное и могущественное. Тогда кто? Какой-нибудь демон или мелкий бог?»

В своих сладких грёзах, вызванных зовом, Калео Вагадар представлял себе всякое: гигантского монстра-демона, могущественную колдунью с лицом невинной девушки или ворвавшегося в мир смертных полубога из иных измерений.

За последние месяцы Калео Вагадар спланировал своё будущее на долгие годы вперёд. Первым пунктом в этом длинном списке значилось новое, живое тело, которым он мог пользоваться всласть и наверстать всё упущенное...

Шляпник вдруг улыбнулся, будто прочтя грязные мысли нового слуги.

Лестница вскоре кончилась, приведя их к тяжёлой двери, которая со скрипом открылась, стоило Шляпнику протянуть свою когтистую руку.

– Пришли, – тихим, хриплым голосом произнёс он.

Войдя в комнату, Калео Вагадар удивлённо и несколько боязливо начал озираться по сторонам. На высоких полках у стен виднелись странного вида колбы, банки и мензурки. Большая часть из них были довольно внушительных размеров.

«Алхимия», – с презрением подумал некромонтул и тут же пригляделся.

Некоторые из жидкостей светились болезненно зелёным, красным или синим. Но другие Калео Вагадару показались более интересными. В формалине, под толстым стеклом на него взирало множество разных глаз. Большие, маленькие, целые или почти иссохшие, покрытые белой пеленой гниения. В соседней банке находилась чья-то хорошо сохранившаяся голова с торчащим языком. Чуть правее красовалась какая-то непонятная рыба-ящерица, сверху – не рождённый младенец, когда-то умерший ещё в утробе матери. Всему разнообразию этих экспонатов Калео Вагадар мог только позавидовать. Ядовитые железы мантикоры, эмбрионы шестилапа, крылья олирка, щупальца длиной в человеческий рост. Мёртвое уродство несовершенных, изменённых магией и результаты алхимических экспериментов по выведению новых видов. Примеры сочетания несовместимости, как крохотное тело человека с громадными скрюченными лапами паука и жвалами на лице или собаки-змеи-краба. Грубое сочетание голых мышц, чешуек, хитина и клешней. Экспонатов было так много, столь разных и безжизненных, что хоть на выставку вези. Но эта коллекция не предназначалась для хвастовства или для городских зевак, что приходили в музей или анатомический театр поглазеть на заспиртованную мертвечину.

От такого даже Калео стало не по себе. Нет. Отвращение его не трогало. Некромонтула начали одолевать странные подозрения. А не станет ли он сам одной из местных достоприме-

чательностей? Не за этим ли его так сильно призывали? Чтобы он занял своё почётное место в этой страшной и восхитительной коллекции?

– Ну, наконец! Явились! – прокряхтел кто-то с дальнего конца мрачного зала.

Засмотревшись на всё это мёртвое великолепие и мучаясь подозрениями, Калео Вагадар не обратил внимания на человека, сидевшего за столом, заваленного всякими бумагами, алхимическими приборами и устройствами. Это был седой скрюченный старик, взиравший на них через комично толстые линзы очков и улыбающийся кривой ухмылкой.

– Это всё ваше? – вкрадчиво спросил Калео Вагадар, немного осмелел и вышел вперёд.

Как он заметил, на большей части пожелтевших листах, валявшихся на полу у стола учёного, изображались всякого рода формулы и руны.

– Да! А как же?! – проворчал старик, встал из-за стола и подошёл к гостю. – Ты чуть не опоздал!

Он нагнулся и начал оглядывать некромонтула, его прогнившую серо-чёрную плоть, из-под которой виднелись рёбра и остатки позвоночника.

– Гниёт, – заметил старик, приняв хавшись. – Он точно подойдёт?

Шляпник, стоявший у входа, медленно кивнул.

– Что значит «подойдёт»? – переспросил некромонтул, чьи страшные подозрения казалось, вот-вот подтвердятся. – Ты хоть знаешь, смертный, кто стоит перед тобой. Я Калео...

И тут старик пнул его прямо в лицо, заставив дряблое тело опрокинуться назад.

– Передо мной ещё один выскочка! – выплюнул старик. – Если бы не твои знания и гнилая кровь, я бы никогда не стал вести дела с подобными тебе!

Некромонтул, как мог, резко поднял голову, чтобы... возможно, попытаться бежать, хотя сейчас это уже было бесполезно. Но Калео Вагадар внезапно замер, увидев раскрытый листок бумаги в руке старика. Странного вида символ с изогнутыми краями захватил всё его внимание. Соединённые спирали закружились между собой, словно змеи, и взор некромонтула потемнел.

«Западня», – подумал он, теряя сознание.

***

Вокруг высились дома с обветшалыми крышами, пустыми окнами и опавшей штукатуркой. Большая часть местных стен были покрыты ругательными надписями, бессмысленными рисунками черепов или гениталий. Дома, старые, брошенные, мёртвые, будто стоячие скелеты из кирпича и бетона, казалось, вот-вот должны рухнуть. Обычные дома, хозяева которых пали в очередной волне революционной войны.

«Свобода требует жертв» – один из излюбленных лозунгов, которым оправдывали себя Освободители народа.

Двадцать лет назад, когда эти пустые улицы имели названия, именно здесь вспыхнула первая искра революций. Один молодой маг убил двух жандармов, возможно, случайно, а может, и нет. Кто-то говорит, что это была самооборона, якобы жандармы избивали юношу, нарушившего комендантский час, и ему ничего не оставалось, как испелить их. Кто-то говорит, что маг начал первым и безумно хохотал, мучая представителей закона. К сожалению, доподлинно неизвестно, кто прав, а кто твердит лживые слова иных лиц. Возможно, и те, и другие в чём-то правы. Казалось бы, обычное дело – взбунтовавшийся маг, в истории Серры таких были сотни. Но считается, что именно с того бедного юноши и начался бунт. Впервые горожане восстали против власти. В то же время в зловещей тюрьме магов и политических преступников, в другой части страны, произошёл массовый побег заключённых, ставших в последствие Освободителями.

В Серре магов не любили издревле, и права их сильно ущемлялись. Все, кто обладал магией, считался отбросом общества, чуть ли не прокажённым. Их регистрировали в правительственных органах и отправляли в специальный интернат или закрытое гетто, по сути,

в тюрьму, в которой их долгими годами пичкали таблетками, пытаясь «избавить от проклятия». Им давали препараты, подавляющие их потусторонние силы, убеждали, что так они станут нормальными и что демоны не смогут проникнуть в их сознание. Также имелись жёсткие ограничения в законе, запрет на создание семьи, личного предприятия и комендантский час – никаких прогулок после восьми вечера. Магов, нарушивших закон, отправляли в ссылку на сангумные рудники, откуда никто не возвращался, или сразу на Северную площадь, где их, на радость публики, разрывали на части. И всё это считалось необходимым злом, мерой предосторожности для безопасности общества. Нужды большинства – общественное спокойствие и порядок – важнее нужд меньшинства – свободы всеми ненавистных отбросов.

Конечно, если сравнивать с тем, что творилось сто лет назад, когда бедных магов сжигали на кострах сотнями или всю жизнь держали в темницах почти с самого рождения, это являлось относительно цивилизованными мерами. В своей жестокости Империя, возможно, была права, ведь многие маги в своё время навлекли на головы простых серран ужасные беды. В поисках могущества, бессмертия или величия, эти мудрые мужи с умным выражением лица, абсолютно уверенные в своей правоте, открывали порталы в иные миры, освобождая жутких тварей, создавали новые виды болезней и вызывали природные катаклизмы. Счёт их жертвам шёл на десятки тысяч. А закончилось всё это бесчинство несколько веков назад, когда один слишком высокомерный маг убил одного неосторожного императора. На следующий день его сын, занявший престол, издал страшный указ, перечеркнувший многовековой союз с западными соседями и переменявший мировоззрение миллионов серран. Этим указом был создан Орден преторианцев, которые впоследствии сражались с магами и их ужасными творениями.

Даже спустя столетия многие серране, будь то люди или полукровки, побаивались магов. В дореволюционной Империи граждане ненавидели магов настолько, что даже сдавали своих новорождённых детей в специальные интернаты, стоило им узнать об их «проклятии». Другие шли на более... радикальные поступки в страхе перед позором общественного порицания.

В нынешнее время подобной практики не имелось. Конституция Республики дала магам равные с остальными права. Маги жили и работали, как все. Однако страх и недоверие, передавшиеся через поколения, всё же остались в сердцах простых граждан.

Некоторые говорят, что тот юный маг пошёл против правил, потому что влюбился в обычную девушку, и шёл к ней на свидание. В ту ночь влюблённые якобы хотели сбежать из города и поселиться где-то в глубинке, пожениться вопреки запретам родителей и общества, жить ради самих себя. Но не вышло. На пути появились жандармы, которые определили мага по клейму, нанесённому на его лицо. Юноша противился, просил, умолял, чтобы его отпустили к любимой, и когда не осталось выбора, ему пришлось пойти на крайние меры. Или это вышло случайно. Никто не знает. Это лишь ещё одна версия случившегося.

Факт в том, что именно на этой пустынной улице, по которой сейчас шла странная женщина в чёрном и маленький мальчик, начался крах целой Империи. Маленькая песчинка обвалила целую гору. Никто не любил вспоминать об этом. Никто не помнил имени того мага и то, что с ним случилось потом.

– Сколько еды! – облизнув губы, сказал мальчик. – И все смотрят на нас. Прячутся в тени.

Час назад они въехали в город и, оставив телегу, продолжили путь пешком. Марк завёл запряжённую ящерицу в тёмную подворотню и тут же сожрал. Всё их совместное времяпровождение монстр в облике мальчика, не переставая, продолжал рассказывать истории о прошлых визитах в этот мир. Как оказалось, ему было несколько тысяч лет. Как поняла Кера, её спутник являлся свидетелем Войны ведьм, исчезновения Киликий и даже несколько раз встречался с самим Адамом в разных его воплощениях.

– Тоже мне пророк! – фыркнул мальчик, говоря о человеке, поступки которого изменили историю если не всего мира, то этого континента уж точно. – Десятый Адам был высокомерным ублюдком, седьмой был слишком добрым – всё пытался искоренить рабство. А вот четвёртый

вообще был женщиной! Но больше всего меня впечатлил тринадцатый. Тиран, прикрывшись религией, захапал себе полмира. Хорошо, что он исчез, и жаль, что не я это сделал.

Марк говорил, а Кера молча шла рядом. Иммуралистка была слишком умна и понимала, что эту тварь рано или поздно необходимо уничтожить. Пули его не брали, а значит, Марк был существом из иного измерения, о чём он упоминал при каждом удобном случае. Возможно, он находился сразу в нескольких измерениях одновременно. Случалось и такое. Оружие из мира смертных мало подойдёт, и поэтому нужно было слушать этот детский голосок, рассказывающий о страшных зверствах, о людоедстве и геноциде, чтобы, наконец, выудить слабое место монстра.

– О, наконец-то показались! – улыбнулся Марк, прервав свой рассказ о драконах. – Какие-то они неаппетитные.

Говорил он о людях, неспешно появляющихся тут и там из подвалов и пустых окон заброшенных домов. Местные жители следили за ними достаточно долгое время и пропустили гостей вглубь своего «царства», откуда те не смогут сбежать. Смердящие оборванцы, бродяги в дырявых обносках, хромящие калеки и покрытые шрамами здоровяки осторожно вывалились из своих укрытий и окружали гостей.

– Вас всех я не съем! – признался Марк с ухмылкой, когда люди окружили их плотной стеной.

– Вы забрели не в тот район, дамочка, – улыбнулся самый большой из бродяг, показывая свои гнилые зубы. – Неудачное это место для прогулки. Дай присмотреться. А ты красавица! Пожалуй, мы оставим вас в живых. Дамочку – нам, а мальчика – нашему королю. Такие в его вкусе! Хе-хе. Да здравствует Ржавый король!

– Да здравствует Ржавый король! – повторила толпа и разразилась мерзким смехом.

То были мужчины и женщины с грязными лицами, с жадными похотливыми глазами, отражавшими их порочную суть. С мотыгами, вилами, факелами и дубинками в руках. Пропавшие души, никому ненужные, брошенные, сломанные и злые.

– Какие глазки! – произнёс здоровяк, подошёл вплотную к иммуралистке, снял её капюшон.

Седые волосы и жёлтые глаза женщины будто светились в свете редких факелов бродяг.

– Она какая-то странная, – прошептал кто-то из них.

– Неместные. Сразу видать! – ответил другой.

– У неё оружие! – возопил третий, заметив пистолеты на выпирающих бёдрах женщины.

Толпа оживилась, зашумела. Но это был вовсе не страх. Бродяги только обрадовались перспективе лёгкой наживы.

– Давай так. Тебе – их души, а мне – тела, – предложил Марк, маленьким пальчиком считая присутствующих.

– Ведите нас к вашему главному, – велела Кера.

– Я и есть главный, – ухмыльнулся здоровяк перед ней.

Толпа взорвалась очередной волной смеха.

Кера одним резким движением вытащила пистолет из кобуры и выстрелила. Бродяга схлопотал пулю в живот и свалился наземь. Остальные его товарищи резко отпрянули назад, казалось, убегая врассыпную, но спустя мгновение направились на чужаков, готовые разорвать их в клочья. Вдруг все бездомные застыли на местах. А остановил их истинный облик Марка: рост больше двух метров, тёмно-серая кожа, худое тело с торчащими рёбрами и горбом, тонкие «собачьи» ноги, длинные когтистые руки и зубастое рыло без глаз, с четырьмя узкими ноздрями. Это было неполное превращение – большая часть его сил дремала где-то за пределами далеко, в ином измерении.

– А теперь слушайте сюда! – заговорила властным голосом Кера, бросив на монстра короткий взгляд. – Мы ищем одно существо. Не человека. Нам нужен такой же чужестранец,

как и мы. Мы знаем, что он где-то здесь. Либо скажите, как его найти, либо не мешайте и тогда не пострадаете.

Люди оглядывались друг на друга и тупо таращились на монстра. Никто не хотел умирать, но и помогать тоже желающих не нашлось. За считанные секунды толпа рассосалась. Люди спрятались в своих заброшенных домах, убегая без оглядки.

– ТЫ СЛАБАЯ! – произнёс рывкающим голосом монстр, возвышавшийся на полметра над Керой.

«Так вот какой ты», – подумала женщина, смерила его взглядом и пошла дальше. Чёрный медальон, скрытый под одеждой, тихонько вибрировал, сообщая, что Калео Вагадар рядом. Но где именно некромонтул спрячется, ещё предстояло узнать.

Где-то позади Марк приступил к очередной трапезе. Кере не хотелось слышать хруст ломающихся костей и чавканье разрываемой плоти, но прикрыть уши руками или убежать было бы глупо. Вместо этого она просто накинула на голову капюшон и проверила свой револьвер. Ещё одна душа была поглощена.

– А ты знаешь, из нас выйдет отличная команда! – воскликнул Марк, когда догнал её на повороте.

Монстр снова был в облике мальчика. Того самого ребёнка, за душу которого Кера заключила контракт и обрекла себя на вечную охоту.

– Не вкусно. Но сойдёт! – сказал Марк, вылизывая свои крохотные розовые губки. – А ты знаешь, я больше не чую нашего беглеца.

Кера остановилась. И действительно! Она больше не чувствовала присутствия Калео Вагадара. Такое могло случиться лишь в одном случае. Кере и ей подобным давалась крохотная частица тела или души беглеца. Волосы, палец, кольцо, книга, неважно что. Главное, чтобы эта вещь принадлежала человеку достаточно долгое время. Таким образом имморталисты могли найти свою цель, где бы она не находилась, пока эта самая цель была жива, а точнее, пока её душа находилась в этом измерении. Теперь же медальон, некогда принадлежавший некромонтулу, перестал вибрировать.

– Не может быть! – прошипела женщина.

– Странные вещи происходят... – задумчиво произнёс Марк, глядя вниз на свои ножки. – Я чувствую что-то иное. Кого-то более... интересного.

***

– Ну-ка, ну-ка. Открывай глазки. Вот, хорошо.

Старик в толстых очках засмеялся. Его морщинистое бледное лицо сначала было каким-то размытым, раздвоенным, но вскоре зрение нормализовалось.

– Как дела? Ты меня слышишь, мертвяк? Киваешь? А-а-а. Сейчас. Подожди.

Он в чём-то ковырялся, что-то настраивал, смеялся и задавал вопросы. Руки старика были в резиновых перчатках, а из одежды на нём была только странная широкая шляпа и докторский халат. Было слышно, как он босыми ногами шлёпает по мокрому полу.

– Знаешь ли, люблю простор, – объяснил старик, вкалывая какой-то укол с жёлтой жидкостью. – Продувает, но ничего. Холод – это хорошо для органики, верно? Ой, слишком много! Что-то заболтался с тобой.

В следующий раз старик принёс с собой металлическую сферу с жужжащими механизмами внутри. Под тонкой решёткой виднелись шестерёнки, пружинки и стрелочки, двигающиеся безостановочно.

– Это чтобы ты был быстрым, – объяснил старик. – А ты спи. Спи, говорю.

Мёртвым не снятся сны. Мёртвые вообще не спят. Но...

– Ты знаешь, я же учёный, – говорил старик, сидя на краю железной кровати и раскуривая трубку. – Я столько им дал, столько сделал. Кристальные двигатели, сосуды душ и прочее. Такова работа Дедалов. Наш Орден издревле радовал человечество своими изобретени-

ями. У каждого Дедала должен быть свой Икар. Самое лучшее изобретение, которое он смог создать! У кого-то это корабль или оружие. Мой же Икар будет самым опасным из всех! Я столько им дал! – кажется, старик был пьян. – А потом их украли Гильдия купцов и распродала всем остальным странам, стравив их друг против друга. Вот раньше были времена, при Империи! Я столько экспериментировал! Император так боялся магов, что хотел, чтобы я нашёл лекарство, которое могло бы их сделать нормальными. Я скажу тебе ещё больше: его собственный сын родился магом. Не просто магом, а архонтом! Это чуть не убило его. Хе-хе! Принц-маг! Такого Серра ещё не знала. Ведь из-за него и началась эта грёбаная война. Ах, мои эксперименты над магами... то был невероятный опыт! Но я ведь пытался их вылечить! Ха-ха! А ещё этот Кроктор Менъес! Толстый упырь, будь он не ладен! До сих пор пытается со мной тягаться! Но ничего, скоро я ему покажу. Скоро я закончу свой эксперимент! Мой Икар...

Старик громко рассмеялся. Смех вскоре превратился в кашель, и, успокоившись, Дедал продолжил свой монолог.

– Понимаешь, никто меня не заставлял. Я не монстр. Я – учёный. А наука требует жертв. Как, впрочем, и свобода, благополучие, счастье и всё остальное. Сожри, или тебя сожрут! Придумай что-нибудь, докопайся до истины, узнай, как всё работает! И жертва всегда одна – совесть. Либо ты жертвуешь своими моральными принципами, творишь страшные вещи, нарушаешь все законы, и впоследствии твои изобретения спасают тысячи жизней. Или же! Испугавшись непостижимых знаний и оберегая свой душевный покой, живёшь, как обычный человек, не привнеся в этот мир ничего полезного, – старик плюнул на пол. – Как ты понимаешь, я не испугался.

А потом настала долгая, гнетущая тишина. Кажется, старик расплакался. Разглядеть было сложно.

– Я тебе рассказывал, как работал на Гильдию купцов? – заговорил он снова, спустя несколько минут. – Эти ворюги украли, присвоили мои идеи о новых двигателях дирижаблей! Чёртовы капиталисты! На всё пойдут ради денег.

Дальше слушать было невозможно. Стало темно и тихо.

Когда Калео Вагадар открыл глаза в следующий раз, он, как выразился старик, был «Готов на все сто».

– Ты меня слышишь, великий некромонтул? – саркастично спросил Дедал, снимая резиновые перчатки.

Калео Вагадар кивнул и первым делом посмотрел на свои руки. То были обычные руки, человеческие, без когтей, без удлинённых пальцев.

– Что ты сделал? – спросил некромонтул и не узнал свой голос. – Во что ты меня превратил? А что?.. – он присел и огляделся вокруг. – Мне... холодно!

Старик, кряхтя, засмеялся.

– Что, не нравится? Могу в тело собаки приделать тебя, – предложил Дедал и отошёл к углу комнаты. Оттуда он притащил большое зеркало с колёсами. – На, любуйся!

Калео не мог поверить своим глазам. Из него сделали некое подобие Защищенных – представителей особой касты из его родины. Он увидел обнажённое тело совсем юного подростка лет шестнадцати-семнадцати, с тонкими руками и ногами. Калео спрыгнул с операционного стола и, чуть пошатываясь, подошёл к зеркалу. Опустив взгляд на свою грудь, прикрытую стальными пластинами, Калео понял, что механическое сердце качает по его венам искусственную кровь.

– Я установил твою душу в небольшую алхимическую капсулу, – объяснял старик. – Она у тебя в черепе, а в груди – насос. Это ненастоящее сердце, да и тело неживое уже несколько дней. Так что будешь бледным, как труп. Хе-хе!

Калео погладил своё лицо, начиная привыкать к новым ощущениям. Он смотрел на своё юное лицо с большими голубыми глазами, длинным носом и потрескавшимися губами. Чёр-

ные волнистые волосы торчали в разные стороны. Пощупав затылок, некромонтул обнаружил маленькую пластину, под которой и скрывалась капсула с его душой.

– Что вы со мной сделали? – спросил Калео, пытаясь вспомнить, как он выглядел, когда ещё был живым.

В памяти возникли далёкие образы глупого крестьянского мальчишки, мечтавшего о бессмертии. Времена, когда билось его сердце, когда он пас овец и помогал родителям по хозяйству. Вспомнилась и чума, унёсшая жизнь всех жителей его маленькой деревушки. Потом он очнулся в холодном мёртвом теле, пробуждённом жрецами Третьего совета. Жрецы выбрали только Калео Вагадара, оставив гнить тела его родителей в земле. Некромонтул вспомнил неприятные события столетней давности, но вот вспомнить своё собственное лицо не смог.

– Я дал тебе новое тело, – ответил Дедал. – Старое уже изжило своё. Кстати, капсула скрывает след твоей души, так что о преследователях можешь не беспокоиться.

– Но как? Это тело... живое, – говорил Калео, не веря в происходящее. – Раньше я мог вселяться только в тела мертвецов. Но этот парень ещё тёплый.

– Хм! – старик ухмыльнулся. – Этот парень тёплый, потому что механизмы качают кровь по венам. Он был лунатиком, то есть без чувств и сознания. Пустая оболочка.

– Но что с душой? – спросил Калео, опустив взгляд ниже пояса.

– А что душа? Душа – это лишь энергия, без воли и сознания. Ты можешь жить в этом теле сколько хочешь.

– А я ведь действительно живой! – улыбнулся Калео, глядя на свою эрекцию. – Господин не обманул меня. Он подарил мне живое тело! Теперь я могу чувствовать! Многое предстоит попробовать: сладости, вино... женщины, – некромонтул задумался. – Я умер девственником.

– Тогда тебе надо в Ночь! – засмеялся Дедал, от которого несло алкоголем. – Только не переусердствуй. Ты нам ещё нужен.

– Господин не обманул меня, – повторил Калео.

– С чего ты решил, что тебя кинут? – удивился Дедал.

– Просто я думал, что вам нужно только моё тело... – Калео обвёл взглядом банки с мертвечиной, – как экспонат.

– Дурак! – выплюнул старик и громко рассмеялся. – Экспонат?

– Зачем я нужен господину?

– Спросишь у Шляпника сам. Хотя... – Дедал кивнул в сторону двух больших вёдер с какой-то зловонной чёрной жижей. – Твои прошлые останки послужат для великой цели.

-ДЕДАЛ-
БЕЗУМНЫЙ ГЕНИЙ

Глава 5

– Нам ещё долго ходить? Я не устал. Просто надоедает, – признался Марк. – Скоро солнце поднимется. А мне, стесняюсь признаться, кушать хочется.

Они всю ночь бродили по просторам Ржавого королевства, но больше не встретили никого. Люди прятались в своих разрушенных домах и больше не желали преграждать путь странным гостям. Лишь бездомная собака маячила где-то вдалеке, то появляясь, то исчезая между переулками.

– Наш друг не так прост, – сказал Марк, когда пёс показался в очередной раз. – Это ведь Аура, так вы называете этот приёмчик? Конечно, я могу видеть его истинный облик, но запах... м... пахнет душой, старой, злой душой.

«Много душ», – поправила про себя Кера. Ей по-прежнему недоставало желаний разговаривать с монстром. Присутствие могучего и потустороннего существа не давало ей покоя. Но сейчас Керу больше волновало столь громадное скопление беспокойных душ в одном месте. Их здесь не должно было быть. Наверное, Жнец отправил её именно за этим? Возможно, помощь Марка всё же пригодится. В памяти также всплыли слова некромонтула о каком-то господине и пробуждении Спящего. Всё это складывалось в страшную, опасную мозаику. Возвращение мифического бога, который некогда захватил полмира, не сулило ничего, кроме разрушений и хаоса. Керу нельзя было назвать пацифисткой или доброй, ей было всё равно на людей, что живых, что мертвых. Но подобного исхода она допустить не могла. А хотя...

Женщине в голову пришла странная мысль: «*а что, если помочь Спящему, и в награду попросить вернуть сына? Жизнь одного мальчика взамен на миллионы душ. Почему бы и нет?*»

Но вот в чём загвоздка: легенды говорили, что Спящий слеп и глух к молитвам подданных. Титан ничего не давал и ничего не просил, он только забирал.

«Глупая затея».

– Этот пёс меня нервирует. Можно я его съем? – спросил Марк, когда они шли по свалке развалившихся дирижаблей.

Вокруг высились целые пирамиды мусора, состоящие в основном из ржавеющего металлолома, запчастей, громадных шестерёнок, древних двигателей, сломанных крыльев и каркасов. Бочкообразные трупы дирижаблей ржавели в утренних сумерках, испуская зловония машинного масла, керосина и негодного сангума.

– А ты сегодня немногословна, – улыбнулся Марк и побежал к одной из куч мусора.

Сердце Керы ёкнуло, когда мальчик чуть не упал, взбираясь на останки сломанного ветрокрыла. Она чуть не сказала: «Осторожно! Берегись!». Материнское сердце, любящее даже после стольких лет, делало её уязвимой. Кера заглушила инстинкты и попыталась прийти в себя. Любовь, забота и страх за своё дитя – три составляющих материнского чувства. Теперь они жгли память имморталистки.

«*Он не мой сын! Он не мой! Он – монстр*», – твердила себе женщина. Но как обмануть глаза и слух, когда маленький неуклюжий мальчик стоит на сломанном крыле и напевает детскую считалку? Женщина смотрела на него из-под капюшона и с болью думала, что всё могло сложиться иначе. Этот детский голос, эти большие глаза, эта улыбка. Всё было таким настоящим... Кера вспомнила, как укладывала сына спать, как играла с ним или кормила невкусной кашей, после которой обязательно следовали всякие сладости. Он так радовался...

– Бездна! – выкрикнула Кера и, выхватив оба пистолета, начала палить по Марку.

Ни одной осечки! Все пули попали в цель! Маленькое тельце мальчика откинуло назад. Женщина кричала и стреляла. В её жёлтых глазах горела боль и ярость. Крови не было, только чёрная вязкая жижа. Всё почти так же, как и вчера на той просёлочной дороге.

Отгремели все четырнадцать выстрелов, патроны кончились, но женщина продолжала нажимать на спусковые крючки.

– За... кон... кон... чила? – спросил Марк, вставляя челюсть обратно. – Ты снова взялась за старое? Нехорошо, подруга.

Глаза, голова, руки, грудь – всё маленькое тельце мальчика медленно восстанавливалось. Раны затянулись, кости с хрустом встали на место и снова срослись, а чёрная жижа вернулась в тело. Вся, до единой капли.

– Ну, перестань, ты же знаешь, что это меня не берёт, – сказал Марк, вытряхнув пыль с одежды. – Это глупо – тратить свои патроны на меня. Чтобы убить меня, тебе понадобится... ха! – Марк хитро улыбнулся и погрозил Кере пальчиком. – Я понял. Хитро-хитро. Не поспоришь! У тебя почти получилось. Я понимаю твоё негодование, но Жнец впустил меня в этот мир, и именно он определил мне такую внешность. Я не могу взять другую.

Кера поняла, что затея разболтать монстра не удалась. Она резко отвернулась и замерла. Перед ней, в паре метров, стояла собака. Тот самый бродячий пёс, следивший за ними издали, весь лохматый, с чёрно-серой шерстью. Кера пригляделась и смогла увидеть истинный облик стоявшего перед ней существа. Маленькая, с бледной кожей, похожая на лысую обезьяну тварь имела острые зубы и большие чёрные глаза. Нет. Не обезьяна, это был младенец. Исковерканный, обезображенный, испорченный...

Кера отскочила назад и быстро начала заряжать пистолеты. Тем временем Марк, вставший рядом, согнувшись, начал подзывать к себе псину:

– Приветик, пёсик. Иди ко мне. Давай-ка поиграем. Я тебя не трону. Ну... почти.

– Это не собака, – быстро сказала Кера, заключая последний патрон в барабан пистолета. – Чёрт...

– Хе-хе. Заговорила! – засмеялся Марк и медленно пошёл вперёд. – Я вижу, что ты. Только понять не могу, вкусный ты или нет.

Кера выставила перед собой пистолеты, готовая стрелять, если существо нападёт.

– Ой-ой. Не надо. Мы же не хотим спугнуть наш обед, – засмеялся Марк.

Пёс начал громко лаять и вилять хвостом, но уходить явно не собирался. А лысый уродец, скрытый за Аурой, неподвижно сидел на месте, взирая на них своими пугающими глазами.

– Вот видишь. Хороший пёсик, – говорил Марк. – Хи-хи. Иди ко мне.

– Акхад Аш Арр Некхерот, – заговорил вдруг пёс. – Пожиратель городов. Голодный бог. Демон междуирья. Наёмный охотник из мира зловонных болот и хищных лесов.

Марк замер с глупым выражением лица.

– Друзья иногда меня так зовут, – признался мальчик, выпрямившись. – Знаешь ли, геноцид и разрушения всегда в спросе. А ты у нас кто? Мы знакомы? На кого ты работаешь? Астарот? Молох? Скитальцы? Титаны? Или тебя мой старый друг Обжорство отправил?

– Мы похожи, – сказал уродливый младенец. – Мы часть чего-то большего. Мы неназванные.

– О, что-то новенькое!

– Мы – Легион! – послышалось сзади.

Кера резко обернулась, взяв под прицел высокого мужчину в длинном цилиндре и пальто. Пёс обошёл имморталистку с Марком и исчез под одеждой бугая. Кера увидела, что за тварь стоит перед ней, и тихо выругалась. Истинный облик Шляпника был ужасающим, невообразимым уродством, которое могло свести с ума любого, кто мог это увидеть. Но имморталистка уже побывала за воротами Жнеца. Сотни тысяч душ младенцев, взрослых, людей и полукровок, испорченных странным проклятием, бушевали в едином вихре. Маленькие прожорливые твари, пребывающие сразу в нескольких измерениях, скрывались под видом Шляпника. Тот являлся их воплощением в материальном мире и неким порталом.

– Приятно познакомиться! – хлопнув в ладоши, сказал Марк. – Значит, твоё присутствие мы чуем со вчерашнего дня? Запах, скажу я тебе, специфический. Я и раньше видел подобных тебе. Души, собранные в одном теле, в один... Как это говорят? Коллективный разум. Но, чтобы столько... Вас целый рой.

– Легион, – поправил Шляпник. – Мы то, что мы есть. Мы сами создали себя. Мы собирали себя, блуждая по пустошам. Мы – Легион.

– Как в книге Люциэля! – хмыкнул Марк. – Иными словами, он аномалия. Души – это энергия. Сила. Но собравшись вместе, столько душ каким-то образом сумели слиться в один общий разум. Так, дай угадаю, тысяча жертв какой-нибудь войны? Нет. Чума? Кстати, мы как-то с ней работали. Хорошие были времена!

– Жертвоприношения, – ответил Шляпник. – Вначале.

– Ты и есть новый хозяин Калео Вагадара? – спросила Кера, наблюдая своё отражение в чёрных очках Шляпника.

– Мы, да, – ответил тот.

– Зачем он тебе? – спросила Кера, прекрасно понимая, что её оружие никак не сможет навредить собеседнику.

– Для ритуала, – ответил Шляпник.

– Какой ритуал? Вы хотите вернуть Спящего? – Кера тянула время, обдумывая свой следующий шаг. Из этой ситуации целой ей выбраться удастся лишь чудом.

– Нет. Спящий сейчас нам не интересен, – ответил Шляпник. – Он заперт в своём мире и пробудет там ещё какое-то время. Мы хотим иного. У нас другое предназначение.

– Какое же?

– Рост. Распространение. Самосовершенствование, – перечислил Шляпник. – Мы поглотим этот город, как и другие города. Эти души. Станем больше, сильнее. Мы станем сильнее Спящего и иных. Мы поглотим все души. И когда настанет момент, продолжим путь по другим мирам.

– Пугает, верно? – улыбнулся Марк. – Будоражит воображение!

– Зачем тебе это? – спросила Кера.

– Как любое живое существо, мы должны развиваться, расти. У нас нет другого предназначения. Мы не знаем другого смысла для существования.

– Постой-ка! – поднял руку Марк. – Вопрос! А ты в курсе, что так называемые боги будут против тебя? Если ты заберёшь себе все души, они умрут.

– Выживет сильнейший, – невозмутимо ответил Шляпник.

– Ещё вопрос! – воскликнул Марк. – Когда ты поглотишь, как ты говоришь, всех, то, что ты собираешься делать дальше?

– Мы поглотим Титанов.

– И поглотив Титанов, ты хочешь стать Единым? – уточнил Марк.

– Возможно. Мы об этом не думали.

– Что ты делаешь?! – прошипела Кера.

Марк махнул рукой и вышел вперёд.

– Очень перспективное вы существо, господин Легион, – произнёс мальчик. – Я восхищён вами! А ведь мы с вами действительно похожи в чём-то.

– Именно, Голодный бог, – согласился Шляпник и улыбнулся. – Ты являешься малой частью старого предка. Но ты поглощаешь плоть и материю. А нам нужны только души.

– Великолепно! – засиял Марк. – Какие точные познания обо мне! Я польщён.

– Отдай нам Калео Вагадара, и мы уйдём, – потребовала Кера, бросая тревожные взгляды на своего спутника. – Делай, что хочешь с этим городом. Но беглый некроментул мой.

– Нам он нужнее, пустая, – ответил Шляпник. – Его предназначение в помощи нам. Мы предлагаем сотрудничество.

– Нет, – отрезала Кера. – Мне плевать, что ты такое. Я пришла сюда за преступником и уйду, только забрав его.

– По-моему, сейчас ты не в том... – начал было Марк.

– Заткнись, тварь! – рявкнула женщина.

– Хорошо-хорошо, – заулыбался Марк.

– Отдай мне некроментула!

– А что скажет Голод? – спросил Шляпник, обратившись к Марку. – Подумай, сколько плоти будет в твоём распоряжении. Города, наполненные мёртвым мясом. Ты мог бы править наравне с нами.

– Угу, – закивал Марк. – А потом ты съешь меня.

– Нет. Твоя душа нас мало интересует, – возразил Шляпник. – Она слишком... мала.

– Нормальная у меня душа! – притворился возмущённый Марк. – Города с мясом говоришь?

– Именно.

– Марк, не смей, – велела Кера. – Даже не думай. Жнец отправил тебя на Землю, чтобы ты помог мне.

– Уверена? – уточнил Марк и хитро улыбнулся. – Может, он отправил меня за душами, которые интересует его? Да и какая разница? Мне плевать. Он мне не хозяин, а лишь очередной наниматель. Предложение господина Легиона мне больше нравится. Я не связан со Жнецом контрактом, как ты, милочка. Так что...

Он шагнул в сторону Шляпника.

– Бездна... – прошептала Кера.

– Я согласен, господин Легион. Вам – души, а мне – тела! – просиял мальчик и повернулся к Кере. – А тебя я съем, а то надоело жевать твои пули.

Рот мальчика неестественно растянулся от уха до уха, обнажив острые клыки.

Кера выпустила две пули: одну – в лоб Шляпника, а другую – в лицо Марка, и сорвалась с места. Бессмертный, всеядный обжора, до жути любящий человечину и вихрь из тысяч проклятых душ, возможно, являлись самыми страшными врагами, которых могла себе представить Кера!

Ругаясь отборной бранью и бросая быстрые взгляды назад на своего преследователя, имморталистка бежала по лабиринтам свалки. Чёрно-серое существо бежало за ней на четвереньках, разинув громадную пасть и свесив длинный язык. Глаз не было, только тупая морда с клыками и четырьмя полосками ноздрей. Если бы не пули, он бы давно настиг её. Кера на бегу палила из пистолетов, заставляя тварь задержаться на несколько драгоценных секунд. Несмотря на свою мощь и скорость, мягкое тело монстра быстро повреждалось пулями, а на восстановление ему требовалось какое-то время. Всего несколько мгновений, но этого было достаточно Кере, чтобы отбежать на десятки метров. Легиона нигде не было видно. Видимо, он решил не участвовать в этой охоте.

– Чёртов монстр! Чёртов Легион! – пыхла Кера, забежав в очередной «проулок» между фрахтовщиком и древней шхуной. – Чёртов Калео! Чёртов Жнец!

Впереди появился просвет – открытая местность, поросшая скудной жёлтой травой, а вдаль журчал Лейдс. Несколько рыбоголовов на берегу реки, завидев Керу, поднялись на ноги, но, заметив гнавшуюся за ней тварь, не задумываясь, прыгнули в воду. Голос был совсем близко. Кера уже не оборачиваясь, выстрелила три раза и тут же услышала, как тот, заскулив, повалился на землю. Нельзя было мешкать, нельзя было останавливаться, она могла только бежать. Вскоре показался мост, за которым высились большие серые здания заводов Солктока.

Не успела Кера ступить на каменный мост, как нечто большое и сильное отшвырнуло её вперед. Удар оказался настолько сильным, что она, пролетев несколько метров, рухнула

на грязную кладку моста. Один пистолет выскочил из её рук и пропал из виду. Через мгновение послышалось бульканье воды.

– Лепра! – прыснула Кера и, обернувшись назад, выстрелила из оставшегося пистолета.

Пуля угодила в пасть монстра, летевшего на неё с огромной скоростью. Тварь повалила женщину наземь и пыталась растерзать. Кера, придерживая левой рукой морду монстра, стрельнула ещё два раза в его брюхо. На третий раз, вместо выстрела, прозвучал неуверенный щелчок. Тварь резким движением громадной лапы убрала руку Керы и вонзила острые клыки в её плечо. Женщина пронзительно закричала от боли. Бросив пистолет и превозмогая ужасную боль, она достала нож из-за пояса и воткнула его в шею монстра. Тварь заревела от боли и ярости, но расслаблять хватку не собиралась. Женщина услышала, как ломаются её кости под жутким напором хищной челюсти. Ей не оставалось ничего, кроме как, бить ножом в одно место, снова и снова. Второй, третий, четвёртый удар. Чудище, впившись в свежую плоть, безумно замотало головой, разорвав хрупкое плечо женщины. Тёмная кровь полилась по мосту, словно вино из треснувшего кувшина. Теряя сознание, имморталистка ударила противника в последний раз. И именно этот удар взбесил монстра, заставив его поднять женщину над собой и отшвырнуть её в сторону.

Боль ушла, была заглушена адреналином и страхом. Кера боялась умереть. Страх смерти, как оказалось, присущ не только живым, но и тем, кто формально давно уже лишился души. Время замедлилось, Кера закрыла глаза, почувствовала странную лёгкость, свободу. Ей казалось, что она летит.

«Так вот что значит – умереть по-настоящему», – подумала Кера.

Наступили лишь тьма и холод. И почему-то всё стало таким мокрым и неприятным.

Пролетев несколько метров, Кера исчезла в Лейдсе. Голод свесил голову вниз, приносясь к запаху крови. Чудище простояло на мосту ещё несколько минут, выжидая, когда же всплывёт тело имморталистки. Вскоре появился Шляпник.

– УТАЩИЛИ ХИЩНИКИ, – сказал монстр и стал принимать облик маленького мальчика.

– Вполне возможно, – ответил Шляпник, появившийся сзади. – В любом случае, пустая нам не помеха.

– Она работала на Жнеца, – сказал Марк.

– Жнец – опасный противник. Он послал тебя за нами? – спросил Шляпник.

– Ну... да, – признался Марк, пристыжено улыбаясь. – Он сказал: «Приведи мне эти души! Бу-бу!». А дальше я не разобрал, птичий шлем просто ужасно коверкает его дикцию.

– Это его голова, – поправил Шляпник.

– Ну, да. Я знаю, – захихикал Марк. – Настоящая пропала! Но ваше предложение мне нравится больше, я готов сотрудничать. И что мы будем теперь делать?

– Мы не можем тебе доверять, – сказал Шляпник, немного помедлив. – Пока что. Тебе предстоит доказать свою верность. Мы думаем, ты будешь охранять некроментула.

– Что? Я не доказал свою верность? – удивился Марк.

– Ещё нет, – сказал Шляпник. – Ты не убил пустую.

– Да я же лучшего ловца душ загрыз почти насмерть! После такого Жнец явно захочет забрать и мою душу! Он не прощает предательства... – мальчик пристыжено опустил голову. – Ладно. Признаюсь, я просто не умею плавать. Ты доволен?!

– Вынужденная жертва, – возразил Шляпник. – Жнец всегда может вернуть её в мир смертных.

– Да брось, старик, давай дружить! – широко улыбнулся Марк, в глазах которого не было ни намёка на искренность.

– Мы – Легион.

– Ты всё понимаешь буквально?

***

– Благодарю, хозяин! – выдохнул Калео, увидев Шляпника.

Тот улыбнулся и погладил нового слугу по голове. Некромонтул впервые вышел на свежий воздух и всё не мог нарадоваться новому телу. Поставив Вагадара на ноги, Дедал вручил ему одежду и быстро ушёл, говоря что-то о делах невероятной важности. Впервые за сто лет, надев нормальную человеческую одежду, Калео, в сопровождении бездомной псины, прогулялся по пустынным улочкам Ржавого королевства. Пёс привёл его к каменному мосту, где он и встретил Шляпника.

– Это только начало, – сказал он. – Будешь верно нам служить, и мы одарим тебя несметными богатствами, властью... Мы исполним все твои мечты.

Они стояли на окраине Ржавого королевства, на том самом мосту, где недавно исчезла имморталистка. За мостом высились многочисленные заводские трубы и солнечные мельницы. В Лейдсе тут и там возникали любопытные рыбоголовы и квиребы. Им было интересно наблюдать за странным высоким человеком и его юным спутником, но подходить слишком близко они не решались.

– Как тебе новое тело? – спросил Шляпник, склонив голову.

– Великолепно! – просиял Калео, прикрывая лицо воротниками пальто. Он совсем забыл, что такое холод, и никак не мог согреться. – Я почти живой! Ещё эта одежда. Меня никто не отличит от простого горожанина! Столько ощущений! Это... великолепно!

– Мы рады, что тебе нравится, – сдержанно улыбнулся Шляпник. – Теперь нам нужна твоя помощь.

– Всё, что скажите, господин! – воскликнул Калео, действительно готовый служить.

– Отправляйся в город. Наблюдай, – приказал Шляпник. – С недавних пор наш враг ищет одну вещь. И ты должен разыскать её. Она очень важна для нас. Первая твоя задача – призыв мёртвых. Отправляйся на кладбища и распространяй силу Жнеца. Но будь осторожен. И ты должен приглядывать за нашим новым союзником. Мы ему не доверяем, но он будет полезен.

– Какой союзник? – спросил некромонтул.

В это время где-то справа послышались приглушенные крики рыбоголовов. Те в страхе ныряли в реку. Спустя мгновение, Калео заметил мальчика, идущего к ним.

– Голод, – ответил Шляпник. – По своей природе он охотник, но и от падали не отказывается. Болтливый. Слушай его внимательно, и наверняка мы узнаем кое-что интересное. Жнец отправил его шпионить за нами.

– Это он?! – спросил Калео, указав пальцем в сторону плевавшегося вдалеке мальчишки. – Я за ним должен следить?

– Не надо верить его внешнему виду. Посмотри на себя, – Шляпник ткнул его когтистым пальцем в лоб. – Чем безобиднее вы выглядите, тем опаснее являетесь.

– Её нигде нет! – ковыряясь мизинцем в ухе, сказал Марк, когда подошёл к ним. – Исчезла. Ни следа.

– А оружие? – спросил Шляпник.

Марк пожал плечами:

– Зря только этих жаб распугал.

– Ты никого не съел? – уточнил Шляпник.

– Нет. Совсем-совсем никого! – ответил Марк и посмотрел на бледного юношу. – А это кто? Он пахнет мертвечиной.

– Калео Вагадар, – представился тот и протянул руку вперёд. – Я – морталист и некромонтул.

– А, тот беглый мертвяк? – приняв рукопожатие, уточнил мальчик. – А я Марк, просто Марк.

– Думаю, мы подружимся, – улыбнулся Калео Вагадар.

– Вот! Наконец-то нормальный человек!

-КРОКТОР МЕНЬЕС-
БАНКИР, УЧЁНЫЙ, ЗАГОВОРЩИК

Глава 6

Крит не сдержал обещания и не появился прошедшим вечером в доме Марсов. Коул подумала, что это, скорее всего, часть плана хитрого старика, который не понравился ей с самого первого взгляда. Его наигранная улыбка, мягкий тон голоса и учтивые манеры явно скрывали что-то нехорошее.

«Если люди к тебе слишком хорошо относятся, значит, им что-то от тебя нужно».

Коул, проспавшая почти до полудня, проснувшись, не поняла происходящего вокруг. В голове не укладывалось, как за одну ночь изменилась её спальня. Все комнаты, деревянные панели, пол, оконные рамы и даже мебель преобразились, став новее. Особняк вырос в размерах и расцвёл. Не веря своим глазам и тихо чертыхаясь, Коул выбежала во двор. Посмотрев на особняк снаружи, она громко выругалась. На фасаде дома возвышалось огромное, немного несимметричное и бетонное лицо, с носом пуговкой, пухлыми губами и громадными закрытыми глазами. Несколько проводов, предназначенных непонятно для чего, подчеркивали контуры носа, бровей и глаз. А часть черепичной крыши свисала вниз, в виде козырька кепки.

– Это же вы, – заметил Стром, появившийся вскоре.

Немного шокированная подобными трансформациями, Коул не сказала ни слова. Молчала она и за обедом. Стром, наблюдая за этим, тихо злорадствовал.

«Лучше молчать, а то заставит опять убираться», – думал дворецкий, загадочно улыбаясь.

Хотя нужда в уборке уже отпала. Инсулом сам очистил себя, перестроился под новую хозяйку и даже запустевший фонтан привёл в порядок. На очереди стояли сад, изгородь и ворота.

После известия о том, что господин Крит, возможно, и сегодня не соизволит явиться, Коул закрылась в одной из гостевых комнат, где провела вчерашнюю ночь. В спальню родителей после «экскурсии» Строма она так и не заходила. Коул запрещала себе привязываться к дому и к умершим родителям. Вчерашняя встреча с отражением в зеркале до жути перепугала её. Однако интерес Коул к прошлому родителей никак не уменьшился. Папа. Мама. Сладкие слова, от которых становилось тепло и... грустно. Соблазн попросить дом показать их был так велик...

«Нет. Даже не думай», – запретила себе Коул, сидевшая на подоконнике и курившая одну сигарету за другой. – *Нельзя привязываться. Это не мой дом. Эти люди своими дешёвыми уловками пытаются задобрить меня. Странно, зачем? Ещё этот глупый дом. Даже не дом, а чудовище!»*

Коул украдкой оглянулась, подумав, не читает ли инсулом её мысли. А вдруг сейчас платяной шкаф накинется на неё, словно какой-то хищник и сожрёт. Или... воображение Коул на этом закончилось. Мебель неподвижно стояла на своём месте, и ничто не предвещало беды.

Докурив сигарету и выбросив окурки в окно, Коул подумала о Манселе, о своей работе в порту, о сиротках и о своей любимой. Коул твёрдо решила продать дом и вернуться обратно, к своей обычной жизни, но где-то в сознании подкрадывались мысли, что тут не так уж и плохо. План «Заработать достаточно денег и жить беззаботной жизнью с Мерил» появился сам собой в тот же день, когда ей сообщили о наследстве.

«О, Мерил! Маленькая моя девочка».

При мыслях о подруге на лице Коул проступила улыбка, а рука пропала в глубоких складках брюк.

Обычно Сиротки искали себе пару среди «своих». Большинству из них обычные женщины были противны, почти так же, как и мужчины. Первые – за свою слабость, глупость и нерешительность, а вторые – потому, что «Хотят использовать, обмануть, поиграть и бро-

сильно». Потому что мужчины лишь хвастаются своей силой, а внутри – ранимые и слабые, как дети. Потому что мужчины – это ЗЛО. Никчёмные и глупые создания. Не зря Врабие внушала всё это своим воспитанницам с самых ранних лет, сделав мужененавистничество частью их сознания.

Но были и исключения, как Коул и Мерил. Сиротка и простая девушка, жившая где-то недалеко от центра Манселя. Почти одного возраста и телосложения, одна в женской одежде, а другая – в мужской. Ревностно защищая любимую, Коул, не отличавшаяся особой силой или телосложением, не раз ввязывалась в драку, как с обычными мужиками, так и со своими «братьями». Не все сиротки одобряли подобную связь, и тем, кто выказывал своё недовольство, Коул вправляла мозги кулаками или любым другим предметом, попадавшим под руку. Ещё одна отличительная черта сироток Врабие заключалась в том, что они дрались отчаянно и до последнего, словно дикий зверь, не жалея ни соперника, ни себя.

Тех, кто связывался с мужчиной, Сиротки в лучшем случае просто выгоняли из своей общины. Это считалось предательством догматов Врабие. Отлучённые, изгнанные женщины с мужским взглядом на жизнь и мужскими привычками редко могли адаптироваться вдалеке от своего сообщества. Обычно одиночки заканчивали плохо: спивались, умирали в пьяных драках или шли в бордель. И даже на них имелся весьма неплохой спрос.

Стук в дверь прервал ход сладких мыслей о Мерил. «Замечтавшаяся» Коул чуть не свалилась с подоконника и зажала рот свободной рукой, чтобы, не дай Люциэль, дворецкий услышал её стоны!

– Эм... – судя по нерешительному голосу Строма, он всё-таки понял, что творится за дверью. – Извините за беспокойство. Господин Крит велел отвести вас кое-куда.

– Я сейчас! – крикнула Коул и, чертыхаясь, направилась к двери, по пути поправляя складки на брюках.

Поездка выдалась долгой и скучной. Целый час за окном мелькали главные достопримечательности центра столицы: Университет Урдани, Солнечный дворец, Площадь героев, Площадь поэтов и Красный сад. Коул молча наблюдала за всей этой красотой, не слушая рассказы Строма.

Её больше интересовало, зачем она нужна Криту? Но на все вопросы дворецкий отшучивался или говорил, что его господин сам всё расскажет при встрече. Раздражённая Коул велела не ездить кругами, а сразу вести её в Банк огня, куда изначально они и держали путь. Стром повиновался, но и тут схитрил, оставив машину почти за километр от Банка.

Аррас не переставал удивлять. Коул то и дело поглядывала вверх из-под козырька своей кепки, с непривычки ожидая, что многочисленные воздушные судна рухнут ей на голову.

Они прошли сквозь толпу, собравшуюся перед оперным театром. Большую часть собравшихся составляли журналисты. Хорошо одетые мужчины с ламповыми фотоаппаратами и блокнотами в руках, ждали выхода главной звезды этого сезона. Было странно видеть лампочкоголовых, сильно выделявшихся на фоне остальных. Ничего необычного – две руки, две ноги, костюм, галстук и большая лампа накаливания вместо головы.

«Жутковато», – подумала Коул, проходя мимо одного из них.

Странная раса полулюдей, полумашин появилась в стране относительно недавно. Об их родине и истории было известно немного. Кто-то считал, что лампы прокляты, иные, в частности, магофобы, что они являются результатом очередного неудачного эксперимента. Сами лампы редко говорили о природе своего происхождения. Известно, что появились они на континенте несколько веков назад, откуда-то с запада и сильно повлияли на многие страны. Основанная ими Гильдия купцов вела торговлю технологиями по всему континенту и даже за его пределами. Находясь в самых разных слоях общества, от простых рабочих до банкиров и крупных промышленников, лампочкоголовые рассеялись по всему известному миру, став гражданами многих государств. В последние годы, в связи с неизвестными причинами, лидер

лампов, легендарный Печатник, обитал в Аррасе. Некоторые историки и любители теории заговоров считали, что лампочкоголовые тайно руководят если не всеми, то большей частью стран мира, «вскармливая» им свои знания небольшими порциями и стравливая их друг против друга. Имелась версия ещё более фантастичная, что все лампы пришли из иного измерения и готовили известный мир к приходу своих ужасных хозяев. Немного странно, учитывая, что ксенофобы считали всех полукровок слугами того или иного божества из других миров.

– Что тут происходит? – спросила Коул, заметив, как один из газетчиков, черноволосый молодой человек в очках и клетчатом костюме пристально смотрит на неё.

– Сенсация, – бросил Стром, идущий впереди. – У молодой оперной певицы бесследно пропал престарелый и очень богатый муж. Есть версия, что он мёртв. Вот стервятники и налетели, дабы написать всякие гадости о певице в своих газетёнках.

Спустя несколько мгновений позади раздались громкие голоса и треск ламповых фотоаппаратов. Долгожданное появление заставило журналистов оживиться. Коул наблюдала за толпой мужчин, чуть ли не выкрикивающих вызывающие вопросы, щёлкающих своими фотоаппаратами и тут же записывающих что-то в блокнотах.

– Это вы убили мужа?

– Это было спланировано заранее?

– У вас есть соучастники?

– Вас часто видят с одним молодым человеком. Кто он?

– Его, кажется, зовут Альфонсо?

– Он ваш родственник или любовник?

– Или и то, и другое?

Приставучие газетчики немного расступились под напором крупных охранников-рыбоголовов. Зеленокожие громилы с жабыми мордами и мощными руками расчистили путь к подъехавшей машине. За ними на какое-то время показалась и сама виновница торжества, Констанция Доль. Высокая женщина в чёрном платье скрывала лицо за меховым воротником шикарной шубки и под широкополой шляпой с красным пером.

– Артисты, – хмыкнула Коул, когда женщина села в машину и уехала, оставив журналистов ни с чем.

– Слава – тяжкий груз, – хмыкнул Стром. – Не всякий с ней справится.

– Долго ещё? – буркнула Коул, закинув в рот сигарету.

Слева от них тянулись витрины с пышными платьями, надетыми на механические манекены, усердно расхаживавшим туда-сюда за стеклом с веерами в руках.

– Совсем немного, – учтиво ответил Стром и глянул на неё через плечо. – Неужели вам не нравится то, что вы видите вокруг?

– Мне бы больше понравилось, не оставь ты машину на другом конце улицы, – хмуро ответила Коул.

– Я решил, что небольшая прогулка вам не повредит, – усмехнулся Стром.

– Тебе Крит приказал таскать меня по городу? – с вызовом спросила Коул, затянувшись сигаретой и шмыгнула носом, морща лицо, как какой-то задира.

– Вот и пришли, – улыбнулся добродушно Стром. – Банк огня.

Перед ними стояло величественное белое здание с острыми башнями, статуями монстров и золотыми воротами. Коул присвистнула и последовала за мужчиной.

– А там что? – спросила она, указывая на почти такое же здание, находящееся через дорогу.

– А, это Архив. Городское хранилище воспоминаний и чувств, – ответил дворецкий, подходя к воротам, где стояли стражники-конструкты.

– Жуть, – бросила Коул. – У нас в Манселе такой же есть.

По спине пробежали мурашки при мысли о странных людях, способных в один миг стирать память или забирать все эмоции. Обычно клиентами Архивов становились несчастные, страдающие от безответной любви или всякого рода фобии, умирающие профессора и учёные, решившие оставить свои знания для будущих поколений, и те, кому срочно требовались деньги. Пришёл, подписал контракт и можешь продать всё, что тебе не нужно или не жалко: чувства, страхи и воспоминания.

Однажды Коул встречала лунатиков, безвольно бродивших по порту и в городских трущобах, грязных и избитых. На их лицах застыло жуткое спокойствие и пугающая умиротворённость. Чтобы заработать хоть сколько-то денег, люди от отчаяния шли на крайние меры. Бездомные, обанкротившиеся предприниматели, матери-одиночки или старые проститутки, которые уже не могли торговать своим телом, обращались в Архив. Вначале изменения не были особо заметны. Спокойствие и немногословность. Но с каждым походом в Архив, эти люди становились всё тише и медлительнее. Чем больше отдаёшь, тем хуже. Несчастные забывали, как улыбаться, теряли возможность радоваться и быть счастливыми. Они забывали имена своих близких, где живут и даже самих себя. В итоге от них ничего не оставалось, кроме пустого тела и карманов, набитых деньгами.

«Зачем нужны деньги, если забыл, что это такое», – подумала Коул, наблюдая за тем, как Стром показывает свои документы конструктам.

Стражники, вооружённые паровыми карабинами, с чёрными «лицами» и красными фоторецепторами, напоминали манекенов из магазинов одежды, но были бронированными и гораздо умнее.

Как же сильно изменился мир за последний век! И всё благодаря веществу под названием «сангум» и законам мироздания, открытых лампидами. Благодаря сангуму ездили машины, летали дирижабли и существовали конструкты. Ядовитое вещество получали из недр земли, выкачивали в виде жижи или добывали, как руду. В зависимости от места добычи, сангум имел разное состояние. На юге он был жидкий и вязкий, его вливали в двигатели теней, позволяющие паролётам противиться земному притяжению или двигающим колёса паромобилей. Северный сангум являл собой крепкий кристалл, который вырабатывал энергию из света и тьмы, даруя людям и конструктам электричество. В последние годы учёные пытались найти применение и газообразному сангуму, свойства которого не были до конца изучены. Обычный паровой двигатель после добавления этого вещества творил чудеса. Вместо десятков тонн угля или дров хватало нескольких кристаллов и полсотни литров сангума. Вещество бодро гоняло поршни, практически мгновенно меняло свою температуру, стоило потянуть за нужный рычаг, и, по сути, являлось многократным горючим. В большинстве транспортных средств Серры имелся сангумный генератор и сангумный двигатель: один – для кристалла, что накапливал энергию, другой – для движения. Схожий принцип действовал и в устройстве конструктов, которые лишь раз или два в год меняли кристаллы сангума.

Совсем по-иному обстояли дела с оружием. Парострелы могли быть простыми, с крупной твёрдой сангумной пулей. Маленькая пуля без пороха и гильзы выстреливала силой мгновенного давления. Прагматично и удобно. А вот паровые карабины, используемые стражами Банка огня, имели сферический генератор на прикладе и мощный конденсатор, предохраняющий оружие от незапланированных взрывов. В больших количествах сангум являлся материей весьма нестабильной и взрывоопасной. Приходилось страховаться и избегать повышенных температур. Крупнокалиберный ствол карабина был не по размерам велик для пули, которыми его заряжали. Ружьё выстреливало маленьким снарядом с сердцевиной из сангума, а та из-за гравитационных аномалий окружала себя сферой из давления. При попадании такой заряд разрывал цель в клочья.

– Будьте добры, покажите свои документы, – попросил Стром спутницу и бросил короткий взгляд карабины стражников. Он хорошо разбирался в парострелах и считал, что эти ружья слишком расточительны. – Им нужно проверить вас.

Коул с нежеланием предоставила паспорт и даже сняла кепку, чтобы стражник опознал её.

– Проходите, – глухим, металлическим голосом сказал тот.

– Благодарю, – улыбнулся Стром и вошёл в приятную прохладу здания.

Коул выразительно фыркнула.

– Они же конструкторы, – сказала она. – Всего лишь набор когнитивных перфокарт. К чему эти любезности?

– О, некоторые из них более человечными, чем вам кажется, – ответил Стром, уверенно шагавший впереди.

Стук каблуков тувель дворецкого эхом отдавался от далёких стен и высокого потолка пустого зала. К удивлению Коул, здесь, кроме колонн, почти ничего не было. Они остановились в центре зала, и вскоре из-за дальних колонн к ним навстречу вышел мужчина.

– Машины есть машины, – сказала Коул. – У них нет души. А вместо сознания лишь набор цифр. Или вы из тех, кто сохнет по машинам?

– Не совсем, – хмыкнул Стром. – Просто не все конструкторы такие простые, как те стражники. Есть и те, которых от человека не отличишь.

– Не может быть, – отмахнулась Коул. – В Манселе есть десять заводов по производству жестянок, и поверьте мне, я никогда не спутаю человека с машиной. Есть грузчики, шахтёры, уборщики, боевые механизмы. Но ни один из них не похож на человека.

– Уверены? – улыбнулся Стром и приветственно протянул руку господину в сером сюртуке и старомодном белом парике. – Здравствуйте, ТДР-6. Как ваши дела?

– Здравствуйте, господин Стром, – улыбнулся работник банка, пожав руку собеседника. – Вы же знаете, что большинство знают меня под именем «Теодор».

– Он машина?! Да быть такого не может! – не выдержала Коул и, нагнувшись вперёд, пригляделась к Теодору. – Как живой...

– Я живой, мадемуазель, – сдержанно улыбнулся конструктор с резиновым лицом. – Хотя вы можете со мной не согласиться, ведь у людей несколько иное мнение о жизни.

– Машина есть машина! – повторила разозлённая «мадемуазель». – И неважно, насколько он похож на человека. Просто чуть больше перфокарт.

– Я этого и не отрицал, – улыбнулся снова Теодор и обратился к Строму. – Всё готово. Прошу следовать за мной. Господин Кроктор Менъес уже заждался.

Они прошли в дальний угол зала, где обнаружился кабинет господина Кроктора Менъеса. Большое и светлое помещение было наполнено запахом лаванды, но гости не заметили никаких цветов. Их встретили книжные полки, удобные кресла, большой стол и печь в стене, закрытая тяжёлой железной дверью. На одном из кресел для гостей восседал Крит, а за столом находился тучный иглоликий в дорогом костюме. Часть острых коротких наростов, выступающих над верхней его губой, напоминали усы. Щёки Кроктора Менъеса свисали вниз, плавно перетекая во второй подбородок.

– О, здравствуйте, мадемуазель Марс! – приветствовал иглоликий, поправил редкие пряди волос на лысой макушке и сверкнул маленькими жадными глазками.

Стром еле сдержал улыбку, наблюдая скрытую злость Коул.

– У меня другая фамилия, – буркнула Коул.

– О, мы это исправили! – просиял банкир. – Все бумажные дела были улажены ещё вчера. Ваш новый паспорт скоро будет готов. Признание наследства и подтверждение вашей личности уже сделаны. Все печати поставлены и подписи собраны. Можете поблагодарить господина Крита за это. Иначе нам пришлось бы возиться несколько месяцев.

Иглоликий ткнул пухлым пальцем на стопку бумаг, лежавших на его столе.

– Здравствуй, Коул, – подал голос Крамар Крит и жестом указал на соседнее кресло.

Стром и Теодор, отвесив лёгкий поклон, удалились. Тем временем Коул села в кресло и стала представлять себе, насколько богатой она сегодня станет. С Критом она так и не поздоровалась, лишь коротко глянув на старика.

– Моё имя Кроктор Менъес, – представился иглоликий и продолжил с сочувствующим тоном. – Вас было очень сложно найти. К сожалению, мы не знали ни вашего имени, ни фамилию. История ваших родителей очень трогательна и трагична. Знаете, суть в том, что, когда вы родились, в стране бушевала гражданская война. Был полный хаос. Ваша мать, к сожалению, умерла, пересекая границу с Телосом, а вы ещё во младенчестве оказались в сиротском доме уже под другим именем. Понадобилось несколько лет, чтобы мы смогли отыскать вас. И теперь вы здесь, чтобы получить то, что вам оставили ваши родители. Они, Вальма и Феликс Марсы, были людьми из высших слоёв общества. Дочь аристократа и рыцарь преторианского Ордена.

«Да, начало хорошее, продолжай», – подумала про себя Коул.

– У них был крупный счёт в нашем банке. Около миллиона Серрских марок нынешним курсом. Также в их распоряжении имелось три дома. Два в Аррасе и один в Метифаре.

«Метифар?! О! Великолпно! Там и буду жить! Будем с Мерил плескаться в озере и нежиться на пляже».

– Они были людьми чести, героями. Но, к сожалению, выбрали не ту сторону.

«Куплю себе машину, а Мерил шубу из морской лисы...»

– К сожалению, и для вас...

«Что?! Нет, толстяк, даже не смей...»

– Всё это было до революции, – голос иглоликого изменился, стал чуть жёстче. – Ваши родители отказались сдаваться новой власти. А ваш отец был одним из немногих преторианцев, кто до последнего защищал императора. Новое правительство объявило его и вашу мать предателями, в принципе, как и всех, кто хоть как-то поддерживал прошлую власть. Банковские счета были... эм, скажем так, аннулированы. Все имеющиеся деньги были конфискованы Сенатом, а дома разрушены во время гражданской войны, кроме одного.

«Нет... не-е-е-е-т!»

Глаза Коул чуть не выскочили из орбит.

– Все эти двадцать лет этот дом находился на содержании у правительства города, – иглоликий сверился с бумагами, лежащими на столе. – Единственное, что у вас осталось – это дом в Жёлтой роще. Но содержание инсулома обходится достаточно дорого, и вы должны уплатить городу довольно круглую сумму, – ещё один взгляд на документы. – Триста тысяч марок.

– Чего?! – не выдержала Коул, вскочив с кресла. – Содержание дома? Да он был в упадке! Никто его не содержал! Все эти годы он медленно умирал! Что вы несёте?! Как Сенат мог забрать деньги моих родителей?!

– Успокойтесь, – взволнованно сказал иглоликий. – В те времена Сенат забрал деньги всех аристократов. Извините...

– Времена?! Да я тебя...

– Успокойтесь, мадемуазель Марс...

– Меня зовут Коул! – закричала горе-наследница, сжав кулаки.

– Меч, – тихо напомнил господин Крит.

Бросив быстрый взгляд на почтенного господина, Кроктор кивнул и спешно поднял свою тушу с удобного кресла. Он подошёл к той самой странной печи в стене и открыл её тяжёлую дверь. Коул увидела красные языки пламени настоящего огня и даже почувствовала жар, исходящий от печи.

– Марс, – произнёс Кроктор Менъес, засунул руки в печь почти по локоть и достал из пламени серый свёрток.

Коул вспомнила камин в инсуломе и то, как огонь не обжог её. Здесь происходило нечто схожее.

– И ещё, от вашего отца осталось это, – произнёс иглоликий, положил свёрток на стол и запер дверь печи.

Крит раскрыл серую материю одной рукой и взгляделся в лицо Коул.

– Меч? – удивилась та, подойдя ближе. – Так он же сломанный.

Отсутствовала большая часть клинка, и в нынешнем состоянии оружие больше походило на какой-то кинжал с широкой гардой и слишком длинной рукоятью.

– Преторианские мечи просто так не ломаются, – сказал Крит и, упираясь на трость, встал рядом с Коул. – Они не простые. Видишь руны? Такие мечи могут сломать только боги.

– Значит, Люциэль спустился с небес и сломал меч моего папаша? – с вызовом спросила Коул. – И что?

– Нет. Другой бог, – мрачно ответил Крит и развернул сверток полностью.

Рядом с двуручной рукоятью показался браслет из серого металла в форме двухголовой змеи. Коул заметила явное сходство браслета и брошки на груди старика.

– Надень, – велел Крит.

– Что? Зачем?

– Проверим, готова ли ты.

Сейчас Коул была готова наkostenять и иглоликому, и старику.

«Подарить надежду на безбедную жизнь, и жестоко отобрать её! Ещё и в долги вогнать?! Жулики!!!»

Теперь понятно, чего от неё хотел Крит, он хотел забрать себе дом. Но причём тут мечи и браслеты?

– Вы притащили меня сюда, чтобы содрать триста тысяч? – спросила с улыбкой Коул. – Могу вас огорчить, никогда у меня таких денег не было и явно не будет!

– Надень, – повторил терпеливо Крит.

Коул бросила взгляд на Кроктора, который стоял возле печи с непонимающим видом.

– И что будет? – спросила Коул.

– Надень, – снова повторил старик.

– Бездна...

Коул взяла браслет и просунула в него левую руку.

– Ну? Довольны? Это всё?

– Ещё нет.

Крит грубо схватил левую руку Коул и поднёс её к своему лицу. Та всхлипнула от неожиданности, но тут же успокоилась, понимая, в чём дело. Две змеиные головы, тянущиеся друг к другу, взирали на неё своими чёрными глазками, словно живые.

– Что-то не так! – прошептал Крит и, отпустив руку Коул, заговорил громче. – А теперь возьми в руки меч.

Коул было не по себе от серебряного браслета, но всё же она послушалась и подняла со стола ветхое оружие. Ничего не случилось, и это сильно удивило господина Крита.

– Быть не может! – произнёс он, прикрыв рот рукой.

– Может, объясните, в чём дело? – спросила Коул.

– Я... – Крит запнулся. – Меч преторианца передаётся по крови. Он хоть и сломан, но древняя магия в нём ещё присутствует. Хотя... Я... я должен идти. У меня срочное дело. Жду тебя вечером на Арене доблести.

– Чего? Я что, драться должен буду?

– Нет! – мрачно засмеялся Крит, направлявшийся к двери.

– Тогда зачем? – поинтересовалась Коул.

– Я должен кое-что уладить.

– А зачем мне меч? Мне нужны деньги.

– Деньги? Как это пошло! – снова рассмеялся старик. – Этот меч – настоящее сокровище, достояние Республики. Береги его. В нём наше будущее.

И после этих слов господин Крит покинул их, оставив Коул и Кроктора с удивлённо вытаращенными глазами.

– И что дальше? – нарушила тишину Коул.

– Вам придётся продать дом, – пожав плечами, ответил иглоликий. – Срок уплаты долга – один месяц.

– Вы хотите сказать, что дом я продам, а деньги отдам вам? А мне что останется?

– Во-первых, не мне, а скорее господину Криту, – поправил Кроктор Менъес. – А во-вторых, у вас есть меч, можете и его продать.

– Что с ним не так? Крит всегда такой?

– Он... великий человек, – произнёс Кроктор. По его голосу не было ясно, шутит иглоликий или говорит всерьёз. – Бывший преторианец. Один из Освободителей. Возможно, война несколько изменила его.

– Я думал, эти рыцари были на стороне Императора, – призналась Коул.

– Были и другие, те, что восстали, – рассказал иглоликий.

– Значит, старик был близок к моему папаше?

– Они были, как отец и сын, – задумчиво произнёс банкир, вспоминая давние события.

Перед глазами всплыло лицо, окровавленное лицо умирающего Феликса Марса.

В дверь постучали, и в кабинете показалась голова Теодора.

– Извините, господин, тут к вам особый посетитель, – сказал он.

– Скажи, что меня нет, – ответил Кроктор Менъес.

– Но это Торговец счастьем.

Иглоликий изменился в лице, помрачнел и быстро подошёл к конструкту.

– Отведи его в третий кабинет! – прошептал он быстро. – Я скоро буду.

Затем толстяк обернулся к Коул и скромно улыбнулся.

– Извините. Дела не ждут.

-ВЕРМАН ПОЛУМЕСЯЦ-
БОЕЦ И ЧУТКИЙ ПЕДАГОГ

Глава 7

Коул была потрясена и зла. Она уже представила себе горы золота и счастливую жизнь со своей любимой где-то на юге страны, где всегда солнечно и нет зимы. Изначально её планы были гораздо скромнее, но чем больше она узнавала о своих родителях, тем больше денег рисовало воображение. Теперь сладкие грёзы рассыпались, как пепел на ветру.

«Дурак! Как можно быть настолько наивным, – ругала себя Коул. – Крит притащил меня сюда ради этого проклятого дома, а я ведь его убирал, чистил!».

Она сидела на полу родительской спальни и курила. Прошло несколько часов, как иглоликий толстяк сообщил ей о долгах. Теперь она была Клариссой Марс, но какой в этом толк? Новая фамилия принесла ей лишь разочарование и долги. И да, были ещё старый сломанный меч и браслет, лежавшие сейчас перед ней.

«Старьё! Кусок старого металлолома. В ломбарде за них дадут не больше сотни».

Коул корила себя за легковёрность, злилась и курила. Её обвели вокруг пальца, а ведь старушка Вrabье учила их всю жизнь быть начеку. Но прекрасные перспективы и обещания вскружили ей голову.

– И что дальше? – спросила вслух Коул, держа в одной руке сигарету, а в другой – сломанный меч.

– Ты у меня спрашиваешь, самозванка? – раздался мужской голос от стен.

Коул вздрогнула от неожиданности. Дом явно скучал, раз уж стал отвечать на риторический вопрос.

– Не называй меня так! – сказала Коул, затянувшись сигаретой. – Скоро нам придётся расстаться, дружок. Мне надо расплачиваться с долгами родителей, и тебя придётся продать.

– Разве не за этим ты сюда явилась? – уточнил дом. – Продать меня и уехать в ту сточную канаву, где моих братьев используют, как живые заводы? Я слышал твой разговор с дворецким. Но рано ещё отчаиваться, скоро удача снова будет благоволять тебе.

– Может быть, – ответила Коул без энтузиазма. – Расскажи мне о родителях. Надо было ещё вчера спросить. Какими они были?

– Не самые лучшие хозяйка, – с явной неприязнью произнёс инсулом. – Я долгие годы принадлежал Марсам, изначально Тордалю Марсу, потом его сыну, а позже – внуку. После его смерти я достался твоему отцу. Он редко появлялся здесь. Но после женитьбы прятал жену в моих комнатах.

– Прятал? Мою... маму? – последнее слово далось Коул с трудом.

Она заметила в окне, в рамках с фотографиями и в зеркале множество своих отражений. Десятки её лиц, маленьких и больших, выражали разные эмоции: улыбались, корчили рожицы, показывали языки, хмурили брови или просто таращились на Коул немигающим взором.

– Непокойные времена, – заговорили лица голосом Коул. – Когда снаружи были слышны крики и выстрелы. Революция, гражданская война. Город сошёл с ума. Люди убивали друг друга. Богачи, простолюдины, жандармы, маги. Все против всех. Вальма Марс пряталась в этой самой комнате, когда её муж пытался защитить Императора и юного принца. Они попрощались здесь. Феликс обещал вернуться, обещал всё исправить, а беременная Вальма плакала и умоляла мужа остаться с ней. Они собирались уехать из страны. Сбежать. Рыцарю оставалось лишь вытащить молодого принца из дворца. Какова ирония! Он не смог спасти никого!

– Расскажи мне, какими они были? – с нажимом сказала Коул, которой осточертели рассказы о революции.

– Вальма Марс – красивая, добрая и глупая. Дочка какого-то графа, – рассказал инсулом. – Она любила рисовать. Одна из её картин висит в гостиной над камином. Я знал её мало. Но я помню одно, она безумно любила своего мужа и очень ждала своего ребёнка.

«*Меня она ждала*», – поправила про себя Коул.

– Феликс – гордый, смелый и глупый, – продолжал дом. – Рыцарская честь, верность императору, дружба с юным принцем. Доспехи и плащ, меч и браслет. К сожалению, он выбрал не ту сторону. Надо было ему согласиться на предложение учителя.

– Какое предложение? – спросила Коул.

– Такое же, какое ты услышишь сегодня из уст Крита, – немедленно ответил особняк.

Лица в отражениях нахмурились, исказились, будто всё стекло в комнате вот-вот лопнет.

Дом явно был зол.

– Может быть, расскажешь подробности? – Коул стало жутковато.

В этот момент в дверь постучали, и лица тут же исчезли.

– Извините, – сказал за дверью Стром. – Скоро вам ехать на встречу.

– Я в курсе, – бросила Коул. – Сейчас спущусь.

– Дело не в этом...

Коул ругнулась и пошла открывать дверь.

– Ну, что? – спросила она, глядя на дворецкого с большой коробкой в руках.

– У меня посылка для вас, – с ухмылкой сообщил Стром.

Коул открыла коробку и недоуменно воскликнула:

– Платье?!

– Не совсем, – хмыкнул дворецкий. – Скорее парадный костюм. Господин Крит хочет, чтобы вы пришли в этом.

– Да в бездну всё! – фыркнула Коул, нахмурившись. – Я не буду носить эту хрень!

– Ну... – пожал плечами Стром, чья наглая улыбка растянулась от уха до уха. – Решать вам, но господин Крит очень настаивал. Я бы послушался, особенно учитывая тот факт, что вы ему должны.

– Ему? – вздёрнула бровь Коул.

– Напомню, что он является заместителем городского наместника, – сказал дворецкий. – А должны вы городу. Если будете умнее и станете выполнять небольшие распоряжения господина Крита, то, возможно, дело с долгом можно будет замять. Просто совет.

Коул хотела накричать на дворецкого, а ещё лучше – избить его, содрать эту нахальную улыбку, заставить извиняться и умолять на коленях! Но вместо этого она прорычала что-то невнятное и с силой захлопнула дверь.

От бессилия хотелось кричать, но Коул не доставит мерзкому дворецкому такого удовольствия. Швырнув коробку на кровать, она уселась на пол, упираясь спиной к двери. К горлу поступил комок, хотелось домой, в Мансель, к сироткам Вrabье, к любимой! В данной ситуации Коул чувствовала себя заложницей. Сегодня платье, завтра косметика, а потом что? Даже представить было противно!

«*Может сбежать*», – проскользнула лукавая мысль в голове Коул. – *Скрыться. Переехать куда-нибудь далеко. Ага, попасться, а потом гнить на рудниках Шоллы, добывая сангум до самой старости! Какая ещё старость? Там мало, кто и пары лет может продержаться!*»

– Лепра! Во что я впутался? – шёпотом спросила Коул.

Дом молчал, и Коул была этому только рада.

Через несколько минут, собравшись с силами, она решилась открыть коробку. Каково было её изумление, когда наряд оказался не женским платьем, а чёрным костюмом с закрытым воротником. Под ним лежали брюки и белоснежная рубашка. Здесь же находились и чёрные блестящие туфли. И всё её размера! Никакого корсета, никакой юбки, чулок, бантов или ленточек, как ожидала увидеть Коул.

«*Чёрт подери, а Крит не так уж плох*», – с облегчением подумала Коул и принялась примерять обновку.

***

– А вам идёт, – без сарказма сказал Стром Фрустофер, когда Коул спустилась на первый этаж. – Только вот кепку вам придётся оставить.

Коул молча вручила дворецкому головной убор и последовала за ним к выходу. Костюм был удобным, но из-за малого размера Коул чувствовала себя немного неловко. К её неудовольствию, у нового наряда был большой минус – он плохо скрывал грудь. В этой одежде перепутать её с парнем мог только человек с очень плохим зрением. Брюки были слишком узкими и плотно облегали её бёдра, а под костюмом легко узнавалась тонкая женская талия. Теперь ей негде было прятать своё тело и лицо.

«Лучше так, чем в платье», — подбадривала себя Коул.

На освещённых многочисленными лампами улицах было по-прежнему многолюдно. Кто-то, ссутулившись, шёл домой после тяжёлого трудового дня, кому-то, наоборот, предстояло отстоять ночную смену. Все куда-то шли быстрой поступью или неспешным шагом, поодиночке или шумной компанией. В этом было единственное сходство с Манселем – пешеходы – кровь города, текущая непрерывным потоком по венам-улицам, неважно: днём или ночью.

– Хороший розыгрыш, – нарушила тишину Коул, сидевшая на заднем сидении. – Ты специально вручил мне коробку, зная о моей нелюбви к...

Стром ответил коротким смешком.

– Ко всему женскому? – уточнил он. – Я сам выбирал этот наряд. Извините, если размер не тот.

– Терпимо, – спокойно произнесла Коул.

Остальной путь она молчала, наблюдая за вечерними сумерками. Дворецкий общительностью тоже не отличался. Не было больше экскурсий, никаких «А вот это здание справа знаменито тем...» или «А этот памятник был воздвигнут в честь того...».

Вот от чего их оберегала мадам Вrabье, старая толстая монашка. Доверие – слабость. Надежда – яд. Слезы – смерть. Старуха выдавала много подобных «мудростей», настраивая маленьких девочек против всего мира.

– «Полагайся только на себя!», – твердила она постоянно.

«Она умерла бы от стыда, услышав мою историю», – с грустной иронией подумала Коул.

Узнать величественное строение с колоннами у входа и статуями на краю крыши не составило особого труда. При виде освещённой десятками прожекторов Арены доблести вспомнилась и безумная женщина с вокзала. Коул нахмурилась, размышляя о странном стечении обстоятельств, приведших её именно сюда.

«Может быть, та сумасшедшая действительно знала о чём-то, – подумала Коул. – Может, она работает на Крита, как тот сыщик, сообщивший о наследстве и банкир?»

На специальной стоянке были припаркованы десятки других машин. У входа за ограждениями толпились журналисты, ожидающие местных знаменитостей. На Коул и Строма они не обратили никакого внимания, и лишь некоторые присмотрелись, пытаясь понять, кто они: новые члены местной богемы или обслуживающий персонал? Среди них Коул заметила знакомое лицо. Молодой парень в очках и клетчатом костюме курил сигарету и разговаривал с каким-то рыбоголовом. Коул видела его днём, перед зданием оперы. Заметив её, журналист украдкой щёлкнул своим ламповым фотоаппаратом.

– Почему они стоят здесь? – спросила Коул, поднимаясь по каменным ступеням.

– Бои им не интересны, – ответил Стром, шедший впереди. – Они пишут о скандалах. О знаменитостях, артистах, политиках и богачах. Здесь есть чёрный выход, но те, о ком они пишут, никогда им не пользуются. Всё это – игра. Притворство. Если ты знаменит, ты делаешь вид, будто пытаешься скрыться от газетчиков, хотя заранее знаешь, что они будут тебя поджидать.

– Зачем? – засмеялась Коул.

– Игра, – пожал плечами дворецкий. – Известность и слава – наркотик. Увидишь свою фотографию в газете один раз и сделаешь всё, чтобы увидеть её снова.

– Как-то нелепо, – буркнула Коул.

– Подождите. Ваш час ещё настанет, – усмехнулся Стром.

Дворецкий показал приглашение портье, и стражники-конструкты, скрытые под тяжёлыми накидками, расступились. Пройдя по большому залу, где у стен возвышались статуи прежних чемпионов, они оказались на развилке, ведущей к трибунам.

– Нам на балкон, – сообщил Стром, как бы невзначай.

Туда вела винтовая лестница, которую стерегли ещё двое конструктов. Те посмотрели на конверт и отступили. И тут Коул услышала первый приглушённый гул толпы. Бои начались. На зрительские трибуны мог попасть любой желающий, купи билет и взирай на зрелище. Но вот чтобы посетить верхние уровни, нужен был особый статус или приглашение.

– Так здесь проходят гладиаторские бои? – спросила Коул.

– Не только, – ответил Стром, поднимаясь по лестнице. – Есть также Гонки доблести, Игры доблести и Испытания доблести.

– Доблесть-доблесть-доблесть, – фыркнула Коул. – Странное место. Оно отличается от других зданий.

– Чем же? – притворился удивлённым Стром.

– Никаких лиц, труб и проводов, – сказала Коул. – Только камень, мрамор, статуи и колонны. И признаться честно... мне здесь нравится.

– Оно многим нравится, – мягко улыбнулся Стром. – Прекрасное место для отдыха.

Винтовая лестница вскоре кончилась, и они вошли в длинный коридор с приглушённым светом и древними фресками на стенах.

– Пришли, – сказал Стром, остановившись перед дверью №131. – Желаю приятного времяпровождения.

– На кровь и кишки всегда приятно поглазеть! – мрачно съязвила Коул.

Она постучала в дверь, и вскоре ей открыли. Стром остался в коридоре, а Коул вступила в полумрак персональной ложи заместителя наместника Арраса. Юноша, открывший дверь, утончённым жестом указал вглубь зала и остался стеречь дверь. Почему-то крики толпы здесь не были слышны. Вместо них из приземистого конструкта-граммофона звучала спокойная оркестровая музыка. В полутьме Коул не сразу заметила роскошный интерьер ложи: дорогие ковры на полу, картины на стенах, буфет в углу с выпивкой в хрустальных бутылках, кожаные диваны и кресла. Как раз в одном из них на балконе сидел господин Крит. Коул молча подошла, ожидая, когда тот заговорит.

– Как думаешь, кто победит? – спросил старик, глядя вниз на арену.

Коул подошла поближе и только сейчас увидела, что балкон ограждён толстым стеклом. Зрители внизу сходили с ума! Сотни, а возможно и тысячи людей, скрытых в темноте, вскакивали с мест, махали кулаками и хлопали в ладоши, всячески высказывая своё возмущение или восхищение. Услышать их ругательства или увидеть лица было невозможно, но Коул хорошо представляла, что там творится. Окинув взглядом трибуны, Коул глянула на соседние балконы, установленные почти у самого потолка и так же защищённые от шума.

Под светом больших прожекторов на покрытой песком арене дрался маг и воин-иглоликий. Долгожданный бой непобедимых фаворитов этого года.

– Один с Телоса, другой родом из Аварры, но всю жизнь прожил в столице, – любезно пояснил Крит. – Бой только начался.

Маг в рунных перчатках и длинной мантии всячески избегал близкого боя, метал в соперника пурпурные молнии и сферы синего огня. Иглоликий тоже был не прост. Длинный двуручный меч воина горел призрачно-зелёным огнём. Он отбивался от магических зарядов, словно

от стрел, уходил от них с невероятной скоростью, обращаясь на несколько секунд в яркую вспышку, и подходил всё ближе.

– Он рассеивает магию врага, – пояснил Крит, внимательно следивший за боем. – Ты знаешь, что изначально преторианцы были созданы не для защиты императора, а для убийства различных монстров и магов? – он бросил на гостью короткий взгляд. – Каждый из них делал то же самое, что делает сейчас этот воин.

Бойцам на вид было около тридцати, достаточно опытные и сильные, чтобы не терять голову в пылу схватки. Для них самым главным сейчас являлась тактика.

– Они только разминаются, – наконец решила заговорить Коул. – Сейчас трудно сказать, кто победит. Я бы поставила на мага.

– Зря. Я думаю, победит Полумесяц, – поделился мыслями Крит. – Это прозвище того воина.

Крит жестом предложил сесть в соседнее кресло, и гостью не заставила себя ждать.

– Будешь чего-нибудь? – спросил Крит. – Алкоголь или еды?

– Нет.

– Извини, что откладывал наш разговор, – сказал Крит и задумчиво потеревил бровь у шеи. – Мне нужно было уладить дела.

– Ничего страшного, – буркнула в ответ Коул.

– Я сожалею, что так получилось с домом и твоим наследством...

– Нет, – перебила Коул.

– Что? – Крит отвлекся от боя и посмотрел на гостью.

– Не сожалеете, – Коул было сложно сдерживать свою злость, и она чувствовала, что сейчас наговорит лишнего. Она вспомнила странное ощущение, когда падаешь и ничего с этим сделать не можешь. Её постоянно так заносило. Логика предупреждала о неприятностях, но, к сожалению, оставалась проигнорированной. – Вы специально это подстроили, чтобы отобрать у меня дом. Вы забрали деньги моих родителей. А теперь повесили долг. Заставляете носить одежду, которая вам нравится. Вы ни о чём не жалеете. Все идёт по вашему плану, так что не надо делать из меня дурака.

Крит ничего не ответил и, отвернувшись, посмотрел, как воин подступает всё ближе к магу. Тот слабел под яростным натиском иглоликого. Казалось, молнии, исходящие из рунных перчаток, вот-вот иссякнут. Между противниками оставались считанные метры.

– Подумать только, – задумчиво произнёс Крит, – ведь всего несколько столетий назад, при рассвете Империи здесь казнили язычников и рабов на радость горожан. Ты знаешь, что публичные казни до сих пор не отменили?

– Это угроза? – спросила Коул, даже не думая о страхе.

Крит улыбнулся.

– Нет. Твои суждения обо мне ошибочны, – сказал он мягко. – Мне нет дела до инсулома и твоих долгов. Я искал тебя, чтобы предложить работу, особую миссию. Я очень сожалею, что со мной нет твоего отца, при нынешних обстоятельствах он был бы очень кстати.

– Какая миссия? – уточнила Коул. – Какие обстоятельства?

– Я хочу восстановить Орден, – честно ответил Крит.

– И?

– И для этого мне нужна ты. Серре необходимы преторианцы.

– Меня это не касается! – воскликнула Коул.

– О, это не так, – усмехнулся Крит. – Ты дочь одного из самых доблестных и благородных рыцарей, которых знала Империя. Ты последняя из Марсов. Таково твоё предназначение.

– Нет, – рассмеялась в ответ Коул, снова вспомнив о военных вербовщиках. – Мне плевать на политику и ваши интриги.

– Тогда-а... – протянул Крит. – Будет тяжело уладить вопрос с твоим долгом.

– А вот это шантаж, – на лице Коул растянулась кислая улыбка.

– Я предлагаю тебе возможность прожить осмысленную и насыщенную жизнь, – пояснил Крит. – Деньги, влияние, известность. У тебя будет всё, что ты пожелаешь. И главное, – Крит снова повернулся к ней и посмотрел прямо в глаза, – рядом будут твои близкие. Люсьен.

Стоявший у двери юный прислужник кивнул и вышел из ложи.

– Что вы задумали? – настороженно спросила Коул, хмуря брови.

– Ничего, – пожал плечами старик и устало улыбнулся.

– Как бы вы меня не запугивали, чем бы не угрожали, вам меня не сломить! – воскликнула Коул. – Я не буду вашей собачкой!

Крит громко засмеялся, глядя на собеседницу каким-то странным взглядом, полным снисхождения. Так обычно смотрят родители на своих маленьких детей, сказавших какую-нибудь глупость.

– Ты знаешь, что такое кадуцей? – спросил Крит и продолжил, не дожидаясь ответа. – Во времена Адама, кадуцей являлся символом примирения и переговоров. Позже философы древности стали придавать ему иное значение. – Крит указал на свою брошь. – Змея с двумя головами символизировала ключ между светом и тьмой, добром и злом. Без одного нет другого. Преторианцы следовали этой философии и изображали кадуцей на своих знамёнах и доспехах. Они были не просто воинами или охотниками на монстров. Преторианцы являлись и судьями, послами, учёными. Теми, кто стоял выше таких абстрактных понятий, как «добро» или «зло». Не каждое доброе дело влечёт за собой благо, не каждое злодеяние приносит горе. Истина слишком тонка и всегда скрыта где-то посередине. И порой преторианцам приходилось жертвовать самым дорогим. Я хочу, чтобы ты был выше добра или зла в том их понимании, к какому привыкло большинство. Я хочу, чтобы ты стал носителем идеи кадуцея.

– Змееносцем? – криво ухмыльнулась Коул, глядя на брошь старика. На короткое мгновение ей показалось, что тянущиеся друг к другу змеиные головы вот-вот сомкнут незаконченное кольцо.

Люсьен вернулся, но уже не один. Коул хотела сказать что-то ещё, но, увидев спутницу юноши, вскочила из кресла.

– Мерил?! – выдохнула она.

– Коул!

Девушка в длинном синем платье с аккуратной шляпкой, из-под которой выглядывали золотые волосы, пулей пересекла комнату и заключила Коул в объятия. Та чуть не упала, с трудом удержав равновесие. Тут же последовали громкие, бесстыжие поцелуи. От счастья голубки даже забыли о присутствии достопочтенного господина Крита.

– Что... что ты здесь делаешь? – наконец спросила Коул, с трудом дыша.

– Приехала навестить тебя! – улыбнулась Мерил.

Коул бросила взгляд на Крита, который делал вид, что его вообще здесь нет.

«Понятно. Он использовал главный козырь, – подумала Коул, продолжая улыбаться. – Теперь не отвертеться! Если отказаться от предложения, то в опасности буду не только я, но и Мерил. Ненавязчивый намёк на своё всемогущество. Старый хитрец, а у тебя длинные руки!»

– А как же твои родители? – вспомнила Коул. – Они хоть в курсе, что ты здесь?

Мерил помотала головой и захихикала.

– Я сбежала! – призналась она. – К чёрту их! Как только я получила твоё послание, я собрала вещи и села в первый же поезд. Теперь ты важная шишка. Мы можем не бояться моего папаши!

«Моё послание?!»

Крит всё запланировал на несколько шагов вперёд. Частные сыщики, Блимдан и Секатук хорошо изучили Коул, узнали обо всех её слабостях. После доклада сыщики были отправлены

в Мансель вновь, для исполнения этого «манёвра». Теперь Коул поняла, что деваться ей точно некуда.

– Мер, можешь подождать меня немного? – мягко попросила Коул. – Мне нужно закончить дела. Пять минут, и мы поедem.

При последней фразе она краем глаза посмотрела на Крита. Тот еле заметно улыбался.

– Хорошо! – с милого, невинного личика Мерил не сходила радостная улыбка. – Конечно! Не задерживайся. Кстати, тебе идёт!

И Мерил вышла из ложи.

– Она не первая, кто мне это сегодня говорит, – мрачно произнесла Коул и повернулась к старику. – Как всё продумано. Что от меня требуется?

– В своё время ты узнаешь все детали, – уклончиво ответил Крит. – Сейчас могу лишь сказать, что ты станешь первым преторианцем восстановленного Ордена. А пока тебя будут учить. Жаль, что с мечом твоего отца так вышло. Найдём тебе другое оружие.

– Учить чему? – уточнила Коул.

Крит кивнул на арену. Полумесяц уже вовсю кромсал клинком незримый магический щит соперника. Силы мага истощились. Ему оставалось только защищаться.

– О, я оказался прав! – воскликнул Крит. – Тебя научат сражаться с монстрами и людьми...

– Для чего? – перебила Коул.

– Чтобы ты спасла этот город, – мягко ответил Крит. – И Серру. Над городом... над всем нашим миром нависла страшная угроза. Ну, ты знаешь, как говорилось в старых легендах. Конец света и сопутствующий мрачный антураж. И ты будешь нашим спасителем. А пока наслаждайся обществом своей любимой. Ты заслужил.

– Избранный? – фыркнула Коул. – Я не такой, как мой отец. С чего вы взяли, что я справлюсь?

– Тебе придётся, – пожал плечами Крит.

Коул ничего не сказала на прощание и молча направилась к выходу. В дверь снова постучали. Перед Коул возник низкий, сутулый старик в толстых очках и конусообразной странной шляпе.

– Дедал, вы опоздали, – сказал Крит, обращаясь к гостю.

Коул вышла из ложи.

– Ну, что? Куда идти? – спросила Мерил, ждавшая рядом со Стромом.

Ответом ей стал долгий, жадный поцелуй. Девушка приглушённо засмеялась от радости. Лицо Строма помрачнело при виде любви странной парочки. Он прочистил горло, потом ещё раз, потом ещё, но уже чуть громче и, поняв, что это бесполезно, просто вздохнул и уставился в потолок. Дворецкий вздыхал весь обратный путь в Жёлтую рощу, пока влюблённые ворковали на заднем сидении машины, целовались, шептали друг другу непристойности и смеялись.

На какое-то время счастье вскружило Коул голову, заставив её забыть обо всём на свете. Прошлое, будущее, Вrabье и Крит, Мансель и Аррас. Всё исчезло. Теперь её вселенная заключалась только в одном человеке, которого она не желала отпустить ни на секунду.

«Что бы сказала Вrabье, – спросил внутренний голос. – Неужели тебя так легко провести? Показали конфетку, и ты тут же согласилась...»

– Заткнись! – вырвалось у Коул.

– Что?! – округлила глаза Мерил.

– Да я не тебе, – засмеялась подруга и продолжила целовать её.

Стром подвёз их до дома, но входить не стал. Он сказал что-то о делах и уехал. Девушки его не слушали. Охваченные страстью, они зашли домой, целуясь и лаская друг друга, не отрываясь ни на мгновение. На ходу раздеваясь, скидывая одежду на ступени лестницы, они поднялись на третий этаж и скрылись за дверью родительской спальни.

Оценить интерьеры особняка Мерил не удалось, ей предстояли дела гораздо важнее.

-ТУРИСТЫ-

Глава 8

- С кем бы ты сразился? – спросил Марк. – С болотным духом или скелетным червём?
– Я даже не знаю, что это такое, – признался Калео Вагадар.

Они шли по тротуару вдоль витрин различных магазинов с самым разным барахлом. Одежда и предметы искусства их не интересовали. Они просто гуляли, наслаждались видами ночного города и разговаривали на самые разные темы.

Калео был одет в длинное пальто, просторные брюки и ботинки, которые были ему велики. Он часто озирался по сторонам, по привычке выискивая опасность. Он не верил, что Марк убил ту приставучую имморталистку. Его спутник вёл себя расслабленно и облизывал губы, глядя на очередного аппетитного прохожего. Шляпник проявил щедрость и отпустил их в город, но перед этим дал чёткие указания некромонтулу об истинной цели их прогулки.

– Ты не слышал о них? – удивился Марк. – Это же самые грозные твари, что обитали в Киддере.

– «Самые грозные твари» какого века? – уточнил Калео. – С твоего последнего визита на мою родину там многое изменилось.

– Мрачные леса и непроходимые болота, вечные сумерки и опасность, поджидающая за каждым углом, – перечислил Марк. – Орды монстров и Великая Тень! Я, Жнец, Лепра и ещё один парень устроили такую заварушку! Отличная вечеринка была! – Марк хитро улыбнулся. – А потом появился Адам и всё испортил. Тень рассосалась, кровопийцы и ожившие мертвецы объявили друг другу войну. И кто же победил?

– Никто. Силы оказались равными, – ответил Калео.

– А жаль. Я ставил на ваших, – признался Марк.

– Ты участвовал в войне между Хай-Бором и Киддером? – спросил Калео, в очередной раз оглянувшись.

– Нет. Я вернулся в свой мир после того, как Адам остановил движение Великой Тени и почти разрушил Горн, – с ностальгией в голосе произнёс Марк. – Дела у ваших и кровопийц шли не очень. Везде был свет и воины в ярких доспехах. Фу!

– Конечно, – недоверчиво хмыкнул некромонтул. – Ты участвовал в самой жуткой и страшной войне всех времён. И сам «вернулся в свой мир». И Адам тут ни при чем. Если это так, то я переспал с Фортуной!

– Самая жуткая и страшная? – рассмеялся Марк. – Много ты знаешь о войнах, мальчишка! В скольких сражениях ты участвовал?

– Я не был бойцом, – ответил Калео, смутившись. – Давай сменим тему.

– Конечно, дружище! – охотно согласился Марк, не желавший рассказывать, как именно проиграл Адаму. – Во! Смотри!

Мальчик указал на большую вывеску с надписью: «Полёты над столицей. Посмотрите на тысячекикий Аррас с высоты птичьего полета!». Серое здание представляло собой небольшой порт для трёх неспешных барж, что катали горожан за деньги, демонстрируя панораму столицы. Выстояв длинную очередь, Марк и Калео наконец дошли до кассы.

– Вы с родителями? – спросила женщина-лампад, на месте головы которой красовался большой красный будильник.

– Это мой старший брат, – быстро сказал Марк. – А родителей у нас нет. Они... они... – и спустя мгновение глаза мальчика стали стеклянными от наворачивающихся слёз.

– Всё-всё. Мальчик не плачь! – тут же начала успокаивать женщина. – С вас двадцать пять марок. Возьмёте сладкую вату или напитки?

Калео с радостью купил предложенные сладости. Сто лет он ничего не ел, и вот настал момент!

– Простачки! Ха! – довольным голосом воскликнул Марк, направляясь к баржам. – Почему люди так привязаны к своим родителям? Вообще не понимаю. Меня моя мать хотела сожрать сразу после моего рождения.

– Какой ужас, – лениво сказал Калео, чьё внимание было полностью обращено к сладкой вате и шипучей газировке в его руках.

– Да не сказал бы, – пожал плечами Марк. – Я убежал, спрятался. Потом сожрал слабых из братьев, а после стал охотиться на мелких тварей. Через годик я вернулся к мамаше и...

– Только не говори, что съел её! – с отвращением скривился Калео.

– Съел! – с широченной улыбкой на лице ответил Марк. – Я не понимаю, что в этом такого? В моём мире всё на этом и строится. Сожри, или сожрут тебя. Просто. Если ты большой и сильный, ты всех жрёшь и становишься ещё больше и сильнее. Если ты маленький и слабый, ты охотишься на тех, кто ещё меньше, и скрываешься от тех, кто больше.

– Как-то это... – нерешительно произнёс Калео.

– Великолепно? – уточнил Марк. – Если ты хотел сказать что-то другое, то молчи.

Калео улыбнулся и пожал плечами.

Вместе с дюжиной других горожан Марк и Калео поднялись на палубу баржи. Капитан предупредил о безопасности и начал плавно поднимать судно вверх. По сути, только этим баржи и занимались – поднимались вверх, висели в воздухе несколько минут и спускались на посадочную площадку.

– Смотри, чем мы отличаемся от них? – Марк указал на людей, что стояли чуть поодаль и разглядывали город в бинокль. – Мы с тобой для них – монстры. Но без нас они итак друг друга поубивают. Сколько войн люди начинали просто так, без вмешательства высших сил? Много! Ты представить себе не можешь! Мы с тобой не монстры. Монстры они. Только... ты меня вообще слушаешь?

– Уф-у! – проямлил Калео, чей рот был полон сладкой ватой, а глаза закатывались от истинного блаженства. – Ша-хар! Обо-о-щаю!

– Да ну тебя! – махнул рукой Марк. – Я тут философские речи толкаю, а ты о своём!

Баржа поднялась на добрую сотню метров и зависла в воздухе. Горожане любовались огнями ночного города, указывали на то или иное здание, стараясь найти своё собственное жилище. Местный фотограф за небольшую плату снимал всех желающих на фоне Острова или Солнечного дворца, освещённых десятками прожекторов.

– Мальчик, а как тебя зовут? – прозвучал детский голос.

Марк обернулся и увидел маленькую девочку в оранжевом платьице лет десяти на вид.

– Марк. А тебя? – спросил монстр, в чьих глазах тут же загорелся недобрый огонёк.

– Лина, – хихикнула девочка. – Я здесь с папой и мамой. А где твои родители?

Марк поднял взгляд и заметил мужчину и женщину в паре метрах за девочкой. Взрослые о чём-то спорили.

– А их здесь нет, – сказал Марк. – А твои родители часто ссорятся?

– Да. Они всегда просят меня отойти подальше, когда ругаются, – рассказала девочка и опустила голову. – Папа нашёл себе другую маму. Мама говорит, что скоро у меня будет новый папа.

– А хочешь, я сделаю так, чтобы твои родители никогда не ссорились? – спросил Марк, лукаво улыбаясь.

– Ты не сможешь. Взрослые...

– Глупые, – перебил Марк. – Знаю. Обещаю тебе, они никогда не будут ругаться, кричать друг на друга. Только скажи.

– А ты и в правду сделаешь так? – недоверчиво спросила девочка.

– Конечно! – воскликнул Марк. – У меня есть особый дар!

– Тогда... Конечно! – лицо девочки засияло. – А как ты это сделаешь?

– Смотри внимательно и не отводи взгляд.

Калео, жевавший сладкую вату, и Лина стали наблюдать за Марком. Тот подошёл к ругающейся паре и без каких-либо вступлений обратился в чёрно-серую зверюгу. Началась паника! Родители Лины вскричали от ужаса. Кто-то из горожан засмеялся, сказав, что это всего лишь переодетый рыбоголов. Он тут же заткнулся, когда Голод откусил голову отца Лины!

Девочка застыла с широко раскрытыми глазами. Её примеру последовала и мать, уставившаяся на обезглавленное тело мужа. Из разорванной шеи заструилась алая кровь! Калео проглотил последний кусок сладкой ваты и шагнул к фотографу.

– Позвольте, – хмыкнул он и, облизнув липкие пальцы, забрал фотоаппарат у плачущего мужчины. – Марк! Улыбочку!

Чудовище повернулось и свесило длинный мерзкий язык. Он держался за голову матери Лины, которая плакала и в ужасе смотрела на свою дочь. Калео щёлкнул фотоаппаратом, и монстр сжал свои пальцы. Голова бедной женщины лопнула, как спелый фрукт, забрызгав чудище кровью и мозгами. Затем настала очередь капитана, который достал старый парострел. Ружье никак не помогло ему. Разорванное надвое тело старого паролётчика отправилось за борт. Голод ликовал! Он разрывал людей когтями и острыми клыками, рычал, словно дикий зверь. Кто-то из пассажиров решил выпрыгнуть с баржи и умереть относительно безболезненной смертью. Калео в это время щёлкал фотоаппаратом, держа его одной рукой, а другой – выпивая газировку.

Вот снимок, где молодая женщина кричит, глядя на свой разодранный живот и вывалившиеся кишки. Щёлк! Вот хороший кадр, где чудовище держит в руках головы двух мужчин, а их тела валяются у его ног. Щёлк! Вот старушка, которая, сев на колени, молится Люциэлю, а монстр, разинув пасть, сторбился над ней. Щёлк! Отличная, по мнению Калео, вышла сцена – чудище насквозь проткнуло грудную клетку светловолосого подростка когтистой лапой и лакает его кровь. Щёлк! Последним кадром Калео сфотографировал Лину и улыбающегося рядом Марка. Девочка и мальчик, за спинами которых валялись разорванные тела и кровавые внутренности.

От всего увиденного Лина просто окаменела! Её большие серые глаза потускнели, стали безжизненными.

– Кажется, она сошла с ума. Или это шок? – спросил Калео, проведя ладонью перед лицом девочки. – Эй! Она описалась!

Голод ничего не ответил, он был занят, поедая трупы горожан. Спустя десять минут, с трудом разобравшись с управлением, Калео смог посадить баржу обратно. Работники небольшого порта тут же сбежались вокруг, спрашивая, что случилось. Но плачущий Марк просто указал пальцем на девочку.

– Это всё она! Она это сделала! – взревел Марк.

Трое мужчин уставились на Лину, а потом перевели взгляд на заляпанную кровью палубу.

– Она – маг! – выдохнул Калео. – Это было ужасно! Не приближайтесь к ней!

После слова «маг» остальные объяснения были излишними. Работники тут же отправились звонить в жандармерию.

– Вот видишь? Не только ты можешь притворяться, – улыбнулся Калео и, повесив на шею фотоаппарат, спустился по трапу.

Спустя несколько минут Калео Вагадар и Марк дошли до поворота.

– Куда теперь? – спросил мальчик, остановившись под светофором.

– Не знаю даже. А тебе не кажется, что мы там немного начудили?

– Нет, не кажется! – улыбнулся Марк. – Даже мысли такой не было. Какая разница? Скоро они итак умрут.

– Шляпник уже рассказал тебе? – удивился Калео.

– Ну, да. Он забирает души, а мне – плоть. А в детали он не вдавался.

– Ясно, – кивнул Калео и решил сменить тему. – Нам необходимо развлечься, пока мы не дошли до старьёвщика. Но у меня нет мыслей.

Перейдя через улицу, Калео и Марк стали свидетелями весьма странного, по их мнению, события. Молодой парень присел на одно колено и протянул кольцо девушке в зелёном платье. Та почему-то засмеялась, а потом стала плакать.

– Это что? – спросил Марк.

– Сам удивлён, – признался Калео.

– Да! Да! ДА! – запищала девушка и стала целовать парня.

– А, брачные игры! – воскликнул Марк. – Ритуал перед спариванием.

Калео, недолго думая, сфотографировал парочку.

– Ты всё подряд решил снимать? – раздражённо спросил Марк.

Калео кивнул и улыбнулся.

Они обошли молодых людей и спустились вниз по улице. Марк был слишком сыт, чтобы сожрать влюблённых, да и свидетелей вокруг хватало. А Калео всё продолжал улыбаться, сам не зная почему.

– Помню, была у меня одна самочка, – начал Марк.

– Стоп! Ты... делал это самое? – смущённо спросил Калео.

– Спаривался? Ага. И много раз! – гоготнул мальчик. – Моему виду необходимо часто размножаться, а то все друг друга сожрут.

– О, только не говори, что ты ел своих детей! – взмолился Калео.

– Эм... – протянул Марк, лукаво улыбаясь.

– Молчи!

– Я не виноват, что они медленно бегали! – захихикал Марк.

– И слышать этого не желаю! – воскликнул Калео.

– Да ну тебя! – махнул в ответ Марк. – Я тебе всё рассказываю и рассказываю. А ты...

– Я не являюсь оплотом высокой морали и творил разные бесчинства, – признался Калео, – но это... уже слишком!

– Ага. И каков же твой самый ужасный поступок? – спросил Марк, хмурия брови.

– Это... это... – Калео задумался.

В памяти всплыли различные страшные картины.

Использование мертвецов в Киддере являлось такой же нормой, как и поедание слабых детёнышей в мире Голода. Калео Вагадар не раз поднимал их из могил и заставлял работать на себя. Но однажды, девяносто лет назад, среди множества иссохших тел он узнал одну пару. Сотни танатоморфов под руководством коллег некроментула строили величественное строение, без усталости работая днём и ночью. Проверять работоспособность новой партии «рабочих», Калео встретил их. Мужчина и женщина в рваном тряпье – скелеты, обтянутые почерневшей кожей и с пустыми глазницами. Мертвецы смотрели на него, ожидая команды, а он застыл не в силах и пошевелиться. Калео Вагадар уже несколько лет существовал в нежизни и свыкся с этим. И тут перед ним появляется самое яркое и самое жестокое напоминание о прошлом. Мать и отец – безвольные куклы, поддерживаемые древней силой, пустые останки, рабочая сила. В тот момент Калео растерялся. Он не был в силах вернуть их, не мог восстановить, оживить по-настоящему. Предать их земле и подарить им покой Калео тоже не осмелился. Это противоречило правилам. Они работали среди других танатоморфов, и Калео видел их каждый день. Первую неделю его мучили угрызения совести, стыд и ненависть к самому себе. А потом он просто спрятался. Спрятал свои чувства, постарался забыть о прошлом. Он старался так хорошо, что однажды у него это получилось.

– Я ничего не сделал, – выдавил с трудом Калео и, отвернувшись, громко шмыгнул носом. – Я ничего не сделал.

– Как это понимать? – удивился Марк.

– Никак, – Калео часто заморгал, не понимая, что происходит. – Почему так тяжело?.. Мне кажется, это тело влияет на меня. Я... начинаю вспоминать то, кем был когда-то.

Что-то тёплое покатило по его щеке. Калео вытер лицо и понял, что это слёзы.

– Это хорошо или плохо? – спросил Марк.

– Это... больно.

***

Они снова собрались в этом тёмном, сыром помещении. Люди, скрывающие лица под глубокими капюшонами чёрных мантий, перешёптывались. Началось очередное собрание, ничем не отличающееся от предыдущих. Так же собирались их отцы и деды, и дальние предки, чьи имена и титулы теперь ничего не значили. Только раньше декорациями для собраний служили роскошные особняки и замки, а не полуподвальные помещения, являющиеся обителью крыс. Крысы. Теперь Совет масок напоминал именно этих мелких тварей.

– Последний акт террора не прошёл незамеченным. Хотя газеты молчат о случившемся, – сказал один из членов Совета.

– Конечно! Бипс плотно держит их за пояс, – ответил другой голос.

– Чёртов мужеложец! – крикнула старуха.

Стоявший перед полукругом Совета Принцип Альмар поёжился, услышав последний голос. Он узнал бы всех собравшихся и без этих дурацких капюшонов. Преподаватель в академии, торговец рыбой, пенсионерка, человек из правительства, банкир, учёный и оперная певица. Присутствие последних троих свидетельствовало о самом наихудшем состоянии Совета масок. Отчаянно было брать в свои ряды полукровку, сумасшедшего и девицу, чья лояльность ставилась под большое сомнение. Но Совет нуждался в ресурсах. Большая часть вливания уходила на вербовку нового пушечного мяса и покупку оружия.

Принцип Альмар мысленно усмехнулся, поражаясь фанатичности своей матери, которая чуть ли не с самого детства записала его и сестру в ряды скрытной армии Совета.

«А ведь эти люди всё ещё верят, что когда-нибудь доберутся до власти, – поражался он. – Как же они не понимают, что Крамар Крит может прихлопнуть их в любой момент? Совет масок нужен ему самому, чтобы пугать народ, когда это необходимо. По этим же причинам до сих пор существуют Ржавый король и Папа Принц. Глупцы, – думал парень, глядя на свою мать, скрывавшуюся в тенях. – Рано или поздно вы доиграетесь. Рано или поздно правительству надоеет ваша игра в революцию».

– Ты хорошо поработал, – похвалил один из старших членов Совета масок.

– Умерло всего десятеро, – скептически ответил другой.

– Это был акт устрашения, – возразила молодая женщина. – Смерть большого количества граждан не сама цель. Главное, дать знать правительству, что шутки с нами плохи.

– Именно, – с неохотой согласилась старуха. – Вся столица знает о случившемся. Целую неделю жандармы усиленно патрулируют Трезубец и Песчаный. Группы по полдюжины человек осматривают подвалы чуть ли не каждого дома! Хоть они и заткнули прессу, но народ шепчется о нас!

– Значит, успех? – подал голос толстяк, стоявший с краю.

– Ещё нет, – ответил ему старый учёный скрипучим голосом. – Нам необходим осколок. Лишь собрав Ключ, мы сумеем победить надвигающееся зло. И говоря «зло», я имею в виду существо, которое никогда не видели в Серре! Стоит нам выступить против него, и власть над Серрой сама перейдёт к нам в руки.

– Как нам победить существо, столь могущественное, одним лишь артефактом? – спросила молодая женщина. – И как же нам собрать этот самый Ключ, если одна его часть находится у Крита, а другие не могут найти уже двадцать лет?

– Совет масок никогда не боялся преград! – усмехнулся в ответ старик.

«Бессмысленная трата времени, – подумал Принцип Альмар. – Вам никогда не найти осколки вовремя! Безумец водит вас за нос, а вы готовы следовать за ним, стоит ему сказать о свержении власти».

Принцип Альмар не видел смысла делиться с Советом этими мыслями. Да и поздно было что-то говорить. Он сам погряз в делах Совета по самые уши. В пятнадцать лет он совершил первое убийство по приказу родной матери. То преступление никак не касалось дел Совета и являлось для Принципа неким испытанием, инициацией. Всего лишь бездомный пьяница, коих в Трезубце было полно, получил нож под сердце. С тех пор мир изменился для Принципа Альмара.

Ему оставалось лишь радоваться, что сестру не заставляют участвовать в терактах. Хотя с недавних пор поводов для радости поубавилось. Мать отправила Тильду добывать пресловутый Осколок из лап самого Папы Принца, из Ночи, обители похоти и разврата.

При мыслях о сестре внутри всё вскипело! Принцип сжал кулаки и опустил голову, чтобы присутствующие не смогли заметить его гнев.

«Когда-нибудь вы все поплатитесь, — пообещал про себя Принцип Альмар. – Возможно, на следующее собрание я принесу с собой саквояж, начинка взрывчаткой, и ваши бесконечные споры, наконец, закончатся. Или же мне стоит к каждому из вас применить индивидуальный подход?.. Когда-нибудь...»

***

Лавка господина Ксета располагалась на востоке города, на пересечении Марафонской и Солдатской улиц. Небольшой магазинчик на первом этаже жилого дома со скромной вывеской, пыльными витринами и колокольчиком над дверью. Такие заведения с недавних пор называли «ломбардами». У господина Ксета дела шли хорошо, покупая у бедных и отчаявшихся последнее золотишко, он перепродавал драгоценности влиятельным ювелирам или коллекционерам в десять раз дороже. Так и жил он, обогащаясь за счёт тех и других. Всё честно, никакого обмана. Почти.

К нему приходили разные люди со своими трагическими историями или странными пожеланиями в поисках редких реликвий. Богачи, бедняки, таинственные личности в капюшонах, спрашивающие о магических артефактах. В записной книжке старого червя можно было найти всех. Да, червя. Люди так называли расу разумных паразитов-слизней, живущих за счёт носителей. Человек сам подставлял свою шею, подписывал контракт, получал деньги и сдавал тело на неопределённый срок паразиту.

И вот так жил себе поживал старый червь, господин Ксет и не знал бед, пока к нему не явилась странного вида парочка – мальчик в милом костюмчике и подросток, облачённый в длинное пальто.

– Юные господа, здравствуйте! Проходите, слушаю вас! – улыбаясь, поприветствовал Ксет, стоявший за прилавком.

Он не был удивлён. Обычно малолетние воришки приходили к нему, чтобы сбыть краденное. Но эти двое были хорошо одеты, и лица их были чистыми. Только вот юноша отличался бледностью кожи.

– Слушаю вас. Что интересует? – спросил Ксет, поправив очки.

Гости оглядывали прилавки со множеством различных драгоценностей, раритетных подсвечников, кубков и часов.

– Мы ищем один очень редкий предмет, – сказал лохматый юноша, глядя на мраморный бюст одной из древних императриц. На шее у него висел громоздкий фотоаппарат, которым парень тут же воспользовался. – Мы знаем, что этого предмета у вас уже нет. Хотим узнать, куда вы его дели?

– Какой именно предмет? – насторожился Ксет и опустил руку под прилавок, где был спрятан обрезанный парострел.

– Его называют «Ключом», – сказал Калео Вагадар. – Странно, хотя на вид этот предмет на ключ никак не похож.

– Вы что, из Совета масок? – нервно улыбнулся Ксет. – Туда и детей стали набирать? Я уже вашим сказал, что продал осколок. Что вам ещё от меня нужно?

– Мы не из Совета, – ответил Марк, подойдя к прилавку. – Мы из другой организации.

– И из какой? – тут же уточнил Ксет. – Только не говорите, что работаете на Крита. У меня с тайной жандармерией есть соглашения...

– Вы снова ошиблись, – улыбнулся Калео и сфотографировал растерянное лицо старьевщика.

Инстинкт подсказывал, что гости вовсе не те, кем кажутся. Ксет чувствовал странный запах этих двоих, и тот, что принадлежал мальчику, не предвещал ничего хорошего. Объяснить это было сложно, но что-то далёкое, что-то на уровне генов, потаённое в веках, предупреждало об опасности. Спрятанный под одеждой Ксет задрожал от страха. Он направил все свои усилия, чтобы лицо носителя сохраняло спокойствие и уверенность.

– Где осколок? – спросил Калео Вагадар.

– Я продал его, – повторил Ксет.

– Кому?

– Этого я не могу сказать.

– Почему?

– Меня убьют!

– Ах ты, маленький, трусливый червячок, – улыбнулся Марк, обратив на себя внимание Ксета. – Боишься умереть? А съеденным быть не боишься?

Ксет сглотнул и выхватил парострел.

– О! – закричал мальчик, подняв свои ручки вверх. – Мы тебя поняли. Только не стреляй! В следующую секунду Марк обрёл свой истинный облик.

– Ты разозлил моего друга, – сказал Калео и шагнул в сторону. – Теперь он тебя съест.

Прозвучал выстрел. Калео смотрел, как чудище схватило старьевщика за шею и резко подняло его. Что-то громко хрустнуло. Судя по тому, как безвольно повисло тело старика, несложно было догадаться, что тот умер. Голод ослабил хватку длинных когтистых пальцев, и носитель плюхнулся на деревянный пол.

– Кажется, я переборщил, – сказал Марк, приняв человеческий облик. – Прогулка не удалась.

– Ничего страшного, – Калео подошёл к нему и вытянул бледные руки вперёд.

– Может, всё-таки расскажешь, что за Ключ мы ищем? – попросил Марк.

– Артефакт, который поможет планам Шляпника, – рассказал некромонтул. – Всего лишь мелочь. Шляпник ещё не готов, и мы просто убиваем время.

– Неубедительная ложь, – облизнув губы, улыбнулся мальчик. – Это тебе Шляпник приказал молчать? Ладно. Храни свои секреты дальше.

И тут внезапно скрюченный на полу старик зашевелился, закричал и поднялся на ноги.

– О! Без заклинания? – удивлённо спросил Марк.

– Это работает иначе, – ответил некромонтул и обратился к ожившему трупу. – Ты в моей власти. Рассказывай, кому ты продал осколок Ключа?

– Папе Принцу, – монотонным голосом ответил мертвец.

– Где его найти? – спросил Калео.

– В Ночи. Район. Бордели.

Калео криво улыбнулся.

– Бордели? – повторил он. – М, это хорошо!

– Зачем Папе Принцу осколок? – вмешался в допрос Марк.

– Не знаю. Позлить Крита, – предположил мертвец.

– Кто такой Крит? – спросил Марк.

– Правитель города и всей страны, – ответил за старьевщика Калео, который оказался более осведомлённым. – Многие ищут Ключ, и каждый пытается использовать его в своих целях. Крит хочет сохранить свою власть, другие – её отнять.

– Кто такие Совет масок? – задал очередной вопрос Марк мертвецу.

Калео неодобрительно посмотрел на своего низкорослого товарища, но всё же не стал ему мешать.

– Бывшие аристократы, – отвечал тем временем мёртвый носитель. – Потеряли богатство во время войны. Заговорщики. Хотели свергнуть императора.

– Ещё вопросы будут? – поинтересовался Калео у мальчика.

Тот, чуть помедлив, отрицательно помотал головой.

Мертвец снял свой бархатный камзол, разорвал рубашку и обеими руками схватился за толстого, присосавшегося к его груди тёмно-синего червя. Паразит тонко запищал от страха и боли.

– Съешь его, – велел Калео.

По лавке пронеслись звуки громкого чавканья, визга и аплодисментов Марка, который был в восторге от мерзкого зрелища. Мертвец-носитель, пачкаясь в зеленоватой слизи, поглощал своего «клиента». У старого паразита не было ни единого шанса. Спустя минуту, когда всё было завершено, Марк шагнул вперёд, потирая свои ручки и облизывая губки.

– Что-то у меня аппетит разыгрался!

Глава 9

Проснулась Коул с широкой улыбкой на лице. Мерил тихо спала рядом. Из-за занавесок проглядывали первые лучи утреннего солнца.

«Вот это счастье! Хрен с Критом, это того стоит, – подумала Коул, потянувшись в кровати. – Стать рыцарем? Пожалуйста! Да хоть кем угодно, главное, чтобы рядом была Мер».

Она погладила волосы подруги, с умилением смотря на её мирное лицо. Мерил наверняка снилось что-то хорошее.

«Но какой сон может быть лучше этой реальности, того, что происходит сейчас?»

Взяв с прикроватного столика сигареты и пепельницу, Коул закурила. Она долго просидела, глядя на любимую.

Неожиданно прозвенел дверной звонок.

«Стром? У него есть ключи, – подумала Коул. – Кто же может прийти в такую рань?»

Быстро надев свою старую рубашку и брюки, Коул спустилась вниз. Увидев на лестнице разбросанную одежду, она невольно улыбнулась. Хотелось кричать, прыгать и смеяться от того, как всё сложилось! О лучшем раскладе и мечтать не стоило.

– Кто там? – спросила Коул, дойдя до двери.

– Верман Полумесяц, – ответил мужчина.

– Чего?

Коул открыла дверь и удивлённо вздёрнула бровь. Перед ней стоял вчерашний воин с Арены доблести. Высокий, с тёмными волосами, зачёсанными назад, и костяными отростками, растущими на лбу, бровях и щёках. От каждого отростка по лицу гостя тянулись витиеватые тёмно-синие татуировки. Из них в центре лба вырисовывался перевёрнутый полумесяц. В этот раз на нём были не кожаные доспехи, а простенький костюм. Коул тут же заметила свисающий с его плеча длинный тёмный сверток.

– Здравствуй, – хмыкнул Полумесяц. – Ты Кларисса Марс?

– Коул, – поправила девушка. – Что надо?

– Меня отправил Крамар, – ответил гость.

– Кто? – переспросила Коул.

– Крит.

– И зачем же? – удивилась Коул.

– Я буду учить тебя сражаться, – без особой радости сказал Полумесяц.

– Лепра! А старик не шутил.

***

– Вообще-то я родился в Аварре, но почти всю жизнь прожил в этой прекрасной стране, – рассказывал Полумесяц, размахивая мечом. – Многие считают, что иглоликие не имеют своей истории или культуры.

Коул сделала выпад, который был успешно блокирован.

– Но они ошибаются, – продолжил иглоликий. – Наша родина, далёкий Хетт, находится на восточном материке. Мы – народ пустыни. Бьёмся с гулями, укрощаем джинов...

Коул снова пошла в атаку. Полумесяц отпрыгнул в сторону и оттолкнул её.

– Строим зиккураты для своих царей, коим даже смерть не страшна. По сути, это не склеп, а тюрьма для злобных существ, грозящих уничтожить всех даже после смерти. А остальных, кто умер, мы сжигаем. Потому что мы... прокляты. Все мы, умерев, обращаемся в гулей – безмозглых каннибалов.

Задний двор особняка с беседкой, гравием и каменными статуями ангелов превратился в арену для тренировок. За прошедшие несколько часов Коул возненавидела иглоликого.

Полумесяц рассказывал ей всякие истории и отбивался от её глупых, неосторожных выпадов. Девушка от злости рычала, ругалась и снова шла в атаку. Каждое падение сопровождалось колкостями и издёвками иглоликого. Полумесяц улыбался нахальной, высокомерной ухмылкой. В ответ Коул, стиснув зубы и покрепче сжав арматуру, заменяющую ей меч, бежала вперёд.

– Кстати, в Хетте есть и люди, – рассказывал Верман Полумесяц. – Там они не делятся, как, например, здесь. Но Серру я люблю больше. Здесь я провёл почти всю свою жизнь. Бродяжничал и воровал. Пока меня не нашёл Крамар. Посмотри, кем я стал теперь. Моё лицо на всех газетах и афишах. Я богат и влиятелен. Всё благодаря Крамару. Он увидел мой потенциал и раскрыл его. Видимо, в тебе он тоже что-то разглядел. Но я вижу перед собой только грязь.

– Может быть, хватит? – встревожено спросила Мерил, следившая за всем этим со стороны.

– Не вмешивайся! – прорычала Коул, вся испачканная в грязи и потная.

– Послушай подругу, – посоветовал Полумесяц, махнув длинным мечом, на клинке которого искрились руны.

– И не подумаю! – прорычала Коул и рванула вперёд.

Она никогда не держала в руках меч или другое оружие ближнего боя. Драки в пабах или в какой-нибудь подворотне было обычным делом, но ей никогда не доводилось фехтовать. Не успела Коул добежать до противника, как тот выставил перед ней меч. Коул замешкалась. Полумесяц невероятно быстро оказался где-то справа и локтем заехал ей в челюсть. Коул рухнула на землю. Мерил вскричала в ужасе. Полумесяц засмеялся.

– Не поднимайся, – велел он, склонившись. – Тебе не победить. Ты всего лишь грязь. А грязь должна быть на земле.

Но Коул не слушала. Её упрямство подогревалось злостью и ненавистью, а унижения не могли сломить её волю.

«Не с тем связался, – подумала Коул и вспоминала годы жизни в приюте. Вспомнила, как сиротки дрались между собой. Вспомнила, как их избивали воспитательницы за провинность. – Проигравший не тот, кто упал, а тот, кто не поднялся».

С трудом Коул упёрлась руками о землю и приподняла голову.

– Лежи. Не вставай! – приказал иглоликий.

– Иди... в жо... – прошептала в ответ Коул, и темнота забрала её.

***

Когда Коул очнулась, была уже глубокая ночь. Открыв глаза, она увидела Строма, сидевшего у её кровати и увлечённо читавшего какую-то книгу.

– Интересно? – спросила Коул хриплым голосом и ощупала повязки на своей голове.

– О, да! – не поднимая глаз, ответил дворецкий. – Это Мир Дейл, прославленный Телосский маг и странник. Он писал о своих приключениях, о далёких странах и всяких чудесах. Но эта книга посвящена Телосу. Называется «Цепь и Троль» или «Троль в цепях». Зависит от издательства.

– Сказка? – спросила небрежно Коул.

– Нет. Эта история о реальных событиях, – ответил Стром. – Автор изменил только имена и кое-какие детали. Например...

– Почему я в бинтах? – перебила Коул.

– Наш друг Полумесяц переусердствовал с вашим обучением, – Стром с сожалением закрыл книгу, поправил очки и взглянул на собеседницу. – Трещина в челюстной кости, небольшое сотрясение мозга. Совсем маленькое. Пара ссадин и ушибов. Ничего серьёзного.

– Он мне челюсть сломал?! – воскликнула Коул.

– О нет, – улыбнулся дворецкий. – Господин Меньес уже всё исправил. Повязки так, на пару дней.

– Этот игложопый совсем свихнулся? – выплюнула Коул. – Причём тут банкир?

– Методы Полумесяца я не одобряю, – мягко сказал дворецкий. – Но его самого обучали так. И посмотрите на него сейчас. Он один из лучших мечников нашего времени. Крит лично учил парня. А господин банкир прибыл сюда, дабы вручить кое-какие документы по вашим долгам. Он обладает недюжинными знаниями в медицине и с радостью поправил ваше состояние. Простое совпадение.

– Полудурок рассказывал, что Крит почти усыновил его, – вспомнила Коул.

– Господин Крит очень великодушен, – подтвердил дворецкий. – Верман и многие другие пропали бы без его вмешательства. Даже я, – Стром невесело засмеялся. – По сути, он спас и мою жизнь. С другой стороны, и Вермана можно понять. Крит готовил его на роль лидера возрождённого Ордена преторианцев...

– И тут появляюсь я, – ехидно улыбнулась Коул. – Теперь мне всё понятно. У него есть причины меня ненавидеть. А кому ты насолил?

– Не понял вопроса.

– Ты сказал, что Крит спас тебя. От кого? – уточнила Коул.

– Семейные дела, – коротко ответил Стром.

– Ты переступил через закон?

– Нет, не совсем, – устало улыбнулся дворецкий. – Всё обошлось. Меня спасли. Я непомерно благодарен господину Криту за это. Теперь он хочет спасти вас. Воздать вам положенное, восстановить справедливость.

– И поэтому мне чуть не сломали челюсть, – буркнула Коул.

– Назовём это огрехами обучения, – предложил Стром. – Главное – результат.

Коул призадумалась. В голове тут же возник образ Вrabье, чьи методы воспитания были хоть и фанатичными, но весьма эффективными и приготовили её к взрослой жизни.

– Чем жёстче, тем лучше, – прошептала Коул и присела.

– Вам лучше поспать. Вы ещё слабы, – начал было Стром, но Коул выстрелила в него злобным взглядом.

– Отвали, я в туалет! – прошипела она раздражённо.

– О... я принёс на этот случай ночной горшок, – прошептал дворецкий и тут же прикусил язык.

Вставшая с кровати Коул посмотрела на дворецкого таким взглядом, что он тут же решил отшагнуть назад. Так, на всякий случай.

Уже на выходе из комнаты Коул заметила, что на ней чистая одежда. Видимо, Мерил передела её. Завершив свои дела и уже направляясь в спальню, Коул услышала смех подруги.

– Чего?! – прошептала она и пошла к лестнице.

– Так я победил Сороконожку из Цельпена, – рассказывал Полумесяц.

– Невероятно! Вы шутите! – отвечала Мерил, заливаясь звонким смехом.

– Нет. Честно! У него было сорок лап, такие маленькие и острые. Пришлось их все отрубить.

Мерил снова захихикала.

Коул спустилась по лестнице на первый этаж и увидела подругу с иглоликим.

– Я вижу, вы тут веселитесь, – холодным голосом произнесла Коул.

Мерил тут же кинулась обнимать подругу, а Полумесяц лишь криво улыбнулся.

– Как ты себя чувствуешь? – спросила Мерил. – Не болит? Голова не кружится?

– Плохо. Болит. Кружится, – буркнула Коул, сверля глазами нового наставника. – Иди в кровать. Я сейчас приду.

– Но мы... – пыталась что-то сказать Мерил, но грозный взгляд подруги отбил у неё желание спорить. – Поняла. Иду.

– А она миленькая, – сказал Верман, когда Мерил поднялась на верхние этажи. – Весёлая. Такая хохотушка.

– Заткнись, ублюдок! – сквозь зубы прошипела Коул.

– О! Кто-то разозлился? – Полумесяц склонил голову, его ухмылка стала чуть шире. – Отныне я твой злейший враг. Я буду учить тебя, буду злить, провоцировать. Мне не нужно твоё уважение, послушание или любовь. Мне нужна твоя злоба, хитрость, скрытая в тебе сила. Твоя цель – победить, моя – втоптать тебя в грязь. Я отниму всё: дом, меч, девушку. Останови меня. Докажи, что стоишь чего-то. Докажи, что Крамар не ошибся и сделал правильный выбор. Ты – грязь. Ты – ничто.

Он накинул на плечо свёрток с мечом и направился к выходу.

– Я понял, – сказала Коул, когда тот уже стоял у двери. – Неделя, месяц, неважно, сколько пройдёт времени, но я докажу тебе. Воткну в тебя твой же собственный меч. Я клянусь!

***

Последующие три дня были практически одинаковыми. Полумесяц приходил рано утром и уходил поздно ночью. Он заставлял Коул нападать, попутно рассказывал какие-то истории о своих победах и осторожно заигрывал с Мерил, которая всегда присутствовала во время странного обучения. Коул злило, когда подруга хихикала над очередной шуточкой иглоликого. Не любящая скандалов и сцен ревности, Коул внешне никак не реагировала на это, но внутри неё бурлила злоба. Долгие часы проходили в чередке падений, оскорблений, унижительных подзатыльников и пинков по заднице Коул.

В третью ночь Коул не сомкнула глаз, размышляя о Полумесяце. Простой злобой его не победить.

– Лепра! – вскрикнула Коул посреди ночи и побежала в библиотеку, что находилась на первом этаже.

Долго перебирая среди полок, она нашла несколько нужных книг. «Странствия синего рыцаря» господина Флей Де Арго, «Преторианцы и мечи» за авторством графа Ротшвальда и «Тактика ведения боя на мечях» Т.И.Дорра. Три толстых пыльных тома рассказывали об искусстве фехтования, об истории основания Ордена, о свойствах мечей и силах преторианцев. Устроившись на мягком диване с книгой в одной руке, с сигаретой и чашкой чая в другой, Коул обогатилась знаниями. Начала она с «Преторианцев и мечей».

Спустя пару часов она уже знала, что особые преторианские мечи стали использоваться три века назад. Чуть позже вместе с традицией связи между мечом, браслетом и преторианцем увеличилась сфера влияния Ордена и их обязанности. Рыцари, имевшие способность рассеивать магию, распространились почти по всей Империи, поодиночке или по двое, следя за порядком в каждом городе и на окраинах. Они имели огромную власть над военными и аристократией, могли судить и собственноручно казнить простолюдинов и уважаемых господ за нарушения законов Империи. Грозный преторианский меч внушал людям страх, уважение и веру в справедливость. Рыцари были неподкупны, их главная задача состояла в службе правителю и сохранности законов. Они решали различного рода проблемы, будь то возвращение домой непутёвого отпрыска какого-нибудь барона, помощь в снятии древнего проклятия или убийство монстра, терроризирующего маленькую деревушку. Гордость и сила рыцарей – их мечи, не давали покоя завистникам и врагам. Мечи не раз пытались выкрасть. В прошлом только рыцарь мог взять в руки «привязанное» к нему оружие. Других же оно убивало. Это заклятие было ослаблено чародеями Ордена после нескольких несчастных случаев, связанных с детьми и родными самих преторианцев. Проклятие собственности было заменено на чары поиска клинка и распознавание наследника. Теперь, если меч украден или застрял на горбу какого-нибудь чудища, рыцарь мог легко найти его с помощью браслета и воздать виновникам по справедливости. Коул вспомнила разочарованное лицо Крита в Банке огня.

«А чего он ожидал? Меч сломанный», – раздражённо подумала она и перелистнула на следующую страницу.

Полумесяц не учил её, а побуждал в ней мотивацию к самостоятельному обучению своим нахальством и издёвками. Все его бессмысленные рассказы о том, как он победил того или иного противника, являлись не просто хвастовством, а своего рода подсказками, намёками. Обычно Верман Полумесяц стоял расслабленно, держа свой длинный меч лишь одной рукой, но как только Коул нападала, он тут же принимал защитную стойку. Коул должна была догадаться до всего сама, и, наконец, этот момент настал. Листая пожелтевшие страницы, она обнаружила рисунок с этой самой стойкой. Прочитав несколько глав и внимательно глядя на иллюстрацию, она решила выучить азы. За ночь она не стала великим бойцом, но главное Коул Марс поняла – всему надо учиться самой.

Когда утром Полумесяц явился вновь, то вместо бездумных выпадов и неуклюжих уколов, он увидел почти правильную стойку пятой формы Решальдера, техники прославленного преторианца древности.

– О, что-то новенькое, – довольным голосом и без сарказма произнёс учитель.

Коул осторожно, как говорилось в книге, перебирала ногами, крепко держала арматуру перед собой и внимательно следила за позой Полумесяца. Он сутулился, держась за широкую гарду меча, словно за трость.

– Ну, сколько мне ждать? – спросил он спустя несколько минут. – Может быть, начнём?

Коул не сдвинулась с места, выжидая момента. Прошло ещё три минуты, стало чуть светлее, иглоликий прищурился, и Коул резко шагнула вперёд. Как в книге: аккуратное распределение веса, быстрое сокращение дистанции, обманное движение и взмах. Не ожидавший этого Полумесяц, сначала опешил, но всё же успел выставить блок. Коул ударила наискосок, сделала два выпада и решила симпровизировать. Подойдя вплотную к иглоликому, она ударила его коленом в пах. На этот приём у Полумесяца блоков не нашлось.

Мерил, сидевшая на скамейке в паре метрах от них, громко всхлипнула. Сложившийся пополам иглоликий пребывал в шоке, но меч держал крепко и всё ещё отбивался, как мог. План Коул сработал идеально, но при виде почти поверженного врага, она дала волю своей злости. Это и стало её ошибкой. Полумесяц поймал левой рукой арматуру и пихнул ученицу плечом. Та отшатнулась и получила кулаком по корпусу. Удар оказался слишком сильным. Схватившись за правый бок, Коул упала на истоптанную землю.

– Похвально... – тяжело дыша, произнёс Полумесяц. Он присел рядом и обеими руками схватился за пах. – Я думал, ты догадаешься... только... через неделю.

– Пошёл ты! – прошептала Коул, не в силах подняться на ноги.

Учитель засмеялся и швырнул в неё комок грязи.

– Очень хитро... Встала специально спиной к востоку, то есть к особняку, – догадался иглоликий. – Дождалась, когда лучи солнца ударят мне в глаза, и пошла в атаку. В книге вычитала?

– Я тебя убью... – прошипела Коул.

– До этого ещё рано! – усмехнулся Полумесяц. – Всё было очень хорошо... особенно пинок. Ах... но потом... ты дала слабину.

– Я не думала, что зайду так далеко, – призналась Коул, чувствуя отступление боли. – Кто же знал, что ты такой слабак?

Полумесяц разразился хохотом.

– Ты молодец! – похвалил он, и голос его звучал искренне. – С сегодняшнего дня я буду строже. Помни то, о чём я тебе говорил.

– А ты помни моё обещание, – угрюмо ответила Коул.

– Может быть, хватит на сегодня? – спросила Мерил, помогая встать подруге. – Она всю ночь не спала. Ей нужно отдохнуть. Да и тебе, Верман. Наверное, после... травмы.

Мерил как-то странно захихикала. Коул мрачно взглянула на девушку, чей смех не был издевательским, а скорее смущённым.

«Что с этой бабой творится», — подумала Коул, вздёрнув одну бровь.

– Мадемуазель, вы правы, — произнёс Полумесяц, поднялся на ноги с земли и отвесил низкий поклон. — Клариссе и мне нужно немного передохнуть друг от друга. Учи позиции и читай книги.

– Сдохни от лепры! — огрызнулась Коул.

Полумесяц хотел что-то сказать, но призадумался и ответил нахальной улыбкой.

***

Когда Верман Полумесяц ушёл, между подругами произошла небольшая размолвка. Коул выказала своё недовольство по поводу слишком милого обращения со стороны Мерил к иглоликому. Та парировала тем, что это лишь вежливость и подруга зря повышает на неё голос. Не поверив её словам, Коул прибегла к обширным знаниям нецензурных выражений и в агрессивной форме запретила любимой вообще разговаривать с Полумесяцем. Полемика длилась недолго. Под конец Мерил, как обычно происходило в таких ситуациях, расплакалась и, сравнив Коул со своим отцом-тираном, закрылась в спальне.

Коул уже собиралась идти за ней, когда в дверь постучали.

– Берегись, — послышалось от стен.

– Чего? — спросила Коул, спускавшаяся по лестнице.

Но дом ничего не сказал. Коул спустилась на первый этаж, подошла к парадной двери и заглянула в глазок. Там стоял странного вида юноша в кепке и тёмном пальто. Коул насто-рожилась, узнав обычную одежду сироток Вrabье. Она сама ходила почти в такой же.

– Здравствуйте, — нарочито грубым голосом поздоровался «парень», когда дверь открылась.

Коул сразу узнала её. Светлые волосы, веснушки, голубые глаза и два мелких шрама на щеках, которых раньше у Алекс не было. Они росли в приюте вместе, работали в одном порту. Друзьями их нельзя было назвать, скорее товарищами. Только вот в последние месяцы Алекс куда-то пропала. Теперь вся помятая и в шрамах, она стояла у порога Коул.

– Ну, привет, — сказала она, не скрывая настороженность. — Какими судьбами?

– Коул?! — удивилась гостья. — А ты что тут делаешь?

– Я здесь живу, — пожала плечами Коул. — А ты куда исчезла? Наши тебя обыскались.

– Живёшь? Здесь? — переспросила Алекс.

Коул кивнула и впустила гостью внутрь.

– Оказалось, что мои родители не пьяницы и бездомные, как мне рассказывали, — пояснила Коул, направляясь в гостиную. Алекс последовала за ней. — Короче, я устал, и это очень длинная история.

– У тебя есть что-нибудь выпить? — спросила гостья. — Я долго сюда добирался.

Они вошли в гостиную, и Коул указала на одно из кресел недалеко от камина.

– Садись. Сейчас принесу.

Коул отправилась в столовую и начала шарить по шкафам в поисках выпивки. Насколько она помнила, Алекс любила бренди. Коул испуганно вздрогнула, когда увидела в окошке серванта чужое отражение.

– Вот и настал момент, — сказал особняк устами Крита.

– Холера и лепра! — прошипела Коул, держась за сердце. — Хватит меня пугать!

Отражение исчезло.

Взяв бутылку бренди и два бокала, Коул вошла гостиную. Алекс сидела в кресле спиной к камину и массировала свои виски. Получив бокал, она залпом выпила содержимое и попросила ещё.

– Ну, дружище, рассказывай, – попросила Коул, устроившись в соседнем кресле. – Где был? Где пропал? И что тебя привело сюда?

– Короче, расскажу с самого начала, – хмыкнула Алекс и как-то странно улыбнулась. – Однажды ко мне явился дядька в дорогом костюме и заявил, что моя мать не проститутка, откинувшая копыта от туберкулёза. Представь себе, она была из благородных. А отец вообще был рыцарем. Бедняги умерли во времена гражданской войны и оставили мне большое наследство.

Коул передёрнуло! Она мотнула головой и часто заморгала, не понимая, что происходит. Начиналось всё как-то слишком знакомо. Тут её внимание привлекла картина, висевшая над камином. Нарисованная женщина в алом платье и с сумочкой в руках лукаво улыбнулась и поманила Коул пальцем. Дом, как оказалось, умел и такое.

– И что дальше? – спросила Коул, встала с кресла и подошла к картине.

– И вот, я согласился пойти с этим болваном! – пригубив бокал, Алекс громко выругалась. – Как раз проходил парад на день города. Там с ним ещё был иглоликий. Сидим в съёмной квартире, пока первый заканчивает дела с какими-то документами. Решили выпить, отметить. Иглоликий притащил какое-то пойло, и всё было хорошо. А потом я отключился!

– Тебя избили? – уточнила Коул, глядя на улыбку дома.

– Да нет. Это его выпивка! Меня отравили! – выпалила Алекс. – Очнулся я где-то на свалке, в жопе земли. Голый. Без денег, без документов. В общем, пришлось мне добираться до Манселя целую вечность. А приехав туда, что я узнаю? А узнаю, что милашка Коул Дрим удрал в Аррас...

Женщина на картине открыла свою сумочку и вытащила оттуда сломанный меч. Тот самый, который вручили Коул в банке. Коул удивлённо вздёрнула бровь, когда рука женщины вышла вперёд из картины.

– Убей её, – еле слышно прошептала дама.

Коул услышала, как за спиной встаёт из кресла Алекс.

– Милашка Коул украл мой дом, – воскликнула Алекс. – Моё наследство. Моё имя! А что у нас делали с ворами? Помнишь, как нас наказывала Вrabье?

Коул медленно протянула руку вперёд и приняла меч, который, насколько она помнила, все эти дни лежал в родительской спальне. Видимо, возможности дома были очень обширными. Но сейчас главным было не это.

– У неё пистолет, – предупредила дама на картине. Коул ярко представила, как гостья наставила на неё оружие, готовая нажать на спусковой крючок.

– А ты знаешь, что мне пришлось пережить, чтобы добраться сюда?! – спросила Алекс, шагнув вперёд. – Ты – вор! Смотри на меня, ублюдок, когда я с тобой разговариваю! – ещё один шаг. – Что?! – шаг. – Боишься? Я тебе говорю...

Гостья подошла вплотную и положила руку на плечо Коул.

Раздумывать было глупо!

– Убей её или умрёшь, – закричал нарисованная дама. – Пистолет. ПИСТОЛЕТ!

– Знаешь, что я с тобой сделаю?! – спросила Алекс и резко потянула Коул за плечо.

Прижатый к груди сломанный меч был по-прежнему очень острым. Коул вонзила его чуть выше живота сиротки. Та коротко вскрикнула и схватилась за воротник рубашки Коул. По испещрённым шрамами щёкам потекли толстые капли слёз. Коул, державшая меч обеими руками, вонзила его ещё глубже. Что-то приглушённо хрустнуло. Издав последний вздох, Алекс начала падать. Сведённые судорогой пальцы не разжались, оторвав воротники рубашки Коул.

В первую минуту ничего не происходило. Вторую тоже. Казалось, время застыло на месте. В ушах Коул страшно звенело. Одна сиротка стояла в оцепенении, слушая свой гро-

могласный пульс, другая лежала на полу, и вокруг неё росла тёмная лужа крови. Коул ужаснулась от содеянного.

– Чёрт-чёрт-чёрт! – шептала она, глядя на свои окровавленные дрожащие руки. – Лепра! Бездна! Жопа! Мать твою!..

Присев на корточки и тихо ругаясь, она принялась искать пистолет, о котором предупредил дом.

Ничего. Ничего в руках гостыи не было!

Коул поражённо уставилась на картину.

– Тварь! Ты меня обманула! – прохрипела она улыбочивой даме. – Мать твою! Чтоб ты сгнил! Как?.. Почему?!

– Я тебя спас, – ответила дама.

– Зачем?! – всхлипывая, спросила Коул. – Зачем ты это сделал? Зачем?!

Дама с картины пожала плечами.

– Я устал ждать, – призналась она. – Думаешь, ты первая, кого привёл Крит? За годы вас были десятки. Я не могу жить без хозяина. Когда я уже умирал, явилась ты – мой последний шанс. Крит требовал, чтобы я заключил контракт только с наследником Марсов. Но чего не сделаешь, чтобы спасти себя? Когда ты просунула руку в камин, мы заключили контракт. Я признал тебя хозяином, нарушил правило. Вот и всё. Но если Крит узнает, что я его обманул, меня снесут. А тебя... особенно после того, как ты убила настоящую дочь Марсов...

Коул подняла голову, истерично засмеялась и заплакала. Ей хотелось кричать, но она вовремя подавила это желание, задушила крик, как делала это много раз раньше.

– Самозванка, – с болью прошептала Коул.

Смысл слов инсулома дошёл до неё только сейчас. Дом говорил не о мужской одежде. Коул не была дочерью Феликса и Вальмы Марс! Их настоящая дочь лежала перед ней! Мёртвая! Последняя из Марсов, жертва козней коварного дома!

– Ты – моя хозяйка, – сказал инсулом. – О ней не волнуйся. Я спрячу труп. Это будет нашим секретом. Хорошо? Убрав свою соперницу, ты без преград сумеешь достичь желаемого. И не надо плакать. Ты бы убила её в любом случае.

– Нет. Я бы не стал... – сдавленным, сиплым голосом сказала Коул.

– Не обманывай себя, – усмехнулась дама. – Ты бы не отказалась от дома, денег и возможности устроить счастливую жизнь с той девушкой, что плачет в спальне.

– Не трогай её! – процедила сквозь зубы Коул.

– Даже и не думал, – ответил инсулом. – Мне нет смысла вредить тебе. Пока ты жива, здравствую и я.

Алекс вдруг зашевелилась! Коул всхлипнула и вскочила с места. Она машинально замахнулась мечом, готовая ударить снова.

– Видишь, о чём я говорил? – усмехнулся инсулом.

– Я испугался! – ответила Коул.

Алекс по-прежнему была мертва. Двигался сам пол. Медленно, осторожно инсулом направлял тело к широко раскрывшемуся, словно хищная пасть, камину.

– Можешь опустить оружие, – сказал дом, издав короткий смешок. – Не убила бы, говоришь?

Коул следила за тем, как постепенно приближается тело к восплававшему пламени.

– Ты её... съешь? – прошептала Коул дрожащим голосом.

– Да, – дама на картине широко улыбнулась и подмигнула ей.

Коул отвернулась не в силах смотреть на жуткий процесс. Внезапно её вырвало. Ноги ослабели, Коул упала на четвереньки и стала громко извергать содержимое желудка. Блевотина и кровь, слёзы и слюна. Коул дрожала, задыхалась, кашляла. Сердце бешено колотилось, а звон в ушах стал оглушительным.

– Проклятый уродец! – прохрипела с трудом Коул и упала на спину подальше от рвоты и крови.

– Я лишь отражение тебя, – ответил инсулом.

Но Коул не слушала. Её охватил озноб. Обычно она чувствовала себя так паршиво после бурной пьянки.

Понадобилось ещё несколько минут, чтобы Коул пришла в себя.

– Я никогда не убивал, – прошептала она, бездумно глядя в потолок.

– До этого времени, – ответил инсулом. – А в будущем счёт твоих жертв пойдёт на сотни.

– О чём ты? – шёпотом спросила Коул, почувствовав невыносимую усталость. – Мать твою расскажи, чего от меня хочет Крит?

– А ты ещё не поняла? – удивился инсулом. – Ты его шахматная фигура. Так же, как и дворецкий, Полумесяц и прочие другие. Пешки, слоны, кони и прочие. Но из тебя он хочет сделать королеву. В его планах ты будешь играть ключевую роль. Станешь его мечом и щитом.

Когда тело Алекс исчезло в огне камина, Коул повернулась к картине. Барышня вновь завозила в своей сумке и вытащила серебряный браслет. Коул сразу узнала украшение, шедшее в комплекте с мечом.

– Кадуцей, – вспомнила Коул.

– Надень, – попросил инсулом и протянул браслет вперёд. – Теперь должно сработать.

– Не хочу, – буркнула Коул.

– Давай. Осталось только это.

Девушка закричала и с трудом встала на трясущиеся ноги.

– Правильно. Молодец, – похвалил дом.

Коул подошла к картине, приняла старое украшение и просунула левую руку в объятия серебрястых змей. Те ожили и вцепились друг в друга, слегка сжав запястье Коул. Древние символы на клинке тут же вспыхнули ярким светом, следом засияли и полоски лезвий.

– Что это? – без особого интереса спросила Коул.

– Меч признал тебя, – рассказал инсулом. – Такова сила наследства. Как и в моём случае, меч должен был перейти той девчонке. Но её уже нет. Род Марсов кончился и теперь всё принадлежит тебе. Осторожно, не порежься. Это оружие невероятно мощное. Оно отличается от всех клинков преторианцев.

– Крит хочет, чтобы я убивал за него? – спросила Коул, глядя то на меч, то на браслет.

– Верно.

– Поэтому меня учат сражаться?

– Да.

– Не так я себе представлял своё будущее, – призналась Коул.

– Не всё даётся так просто, – хмыкнул дом. – Что-то отдаёшь, что-то получаешь. В данном случае, твоя плата не так велика – муки совести. Я надеюсь, ты не станешь горевать по этому поводу?

Коул испугалась, поняв, что совсем не жалеет Алекс. Она несправедливо убила человека, но в глубине души Коул ничего не чувствовала. Никаких угрызений совести или сожаления! Именно это и напугало её... Дом был прав, констатируя лишь факты, и Коул, как бы ей не хотелось, была с ним согласна.

Коул задалась вопросом: поступила бы она так же, зная всё заранее, или рассказала бы правду Криту, лишившись в итоге богатства? Коул вдруг стало противно от самой себя.

Она снова посмотрела на окровавленные руки. Те всё ещё дрожали.

«Я – монстр, – признала про себя Коул. — Я – убийца. Это ужасно. И я... ничего не чувствую».

– Ещё кое-что, – сказал дом, нарушив долгую тишину. – Эту вещицу тщательно искал Крит. Я её спрятал.

Картина указала на журнальный столик возле кресел. Рядом с бутылкой бренди лежала маленькая книжка.

– Прочти на досуге, – посоветовал инсулом. – Дневник Феликса Марса.

Взяв старую книжку, Коул медленно побрела в спальню людей, чью дочь убила несколько минут назад. Руки её вскоре перестали дрожать.

-КРАМАР КРИТ-
ПРЕТОРИАНЕЦ, РЕВОЛЮЦИОНЕР, ТИРАН

Глава 10

Её сын бежал по зелёной траве и радостно смеялся. Она следовала за ним, отступая на несколько метров и грозясь защекотать. Вдали тянулась линия реки, название которой стёрлось из её памяти. Весеннее солнце приятно грело кожу. Она была счастлива и надеялась, что эта незатейливая жизнь продлится ещё долгие годы. Её сын должен был вырасти, когда-нибудь жениться и подарить ей внуков. А она вместе с мужем состарилась бы и по вечерам рассказывала им сказки. Она обожала мужа, но с любовью к сыну эти чувства нельзя было сравнить. Все девять месяцев беременности она молилась богам, чтобы с её ребёнком всё было в порядке. А когда он родился, она не выпускала его из рук и даже мужу вручала крохотного младенца с большой неохотой. Между ней и бежавшим впереди мальчиком тянулась неразрывная связь. Замечавший это муж временами даже шутил, говоря, что ревнует к сыну. Не было ни дня, чтобы она отлучалась от своего ребёнка надолго.

Память – странная штука. Она искажается со временем. Целые годы жизни превращаются в короткие фрагменты и сцены.

Мальчик бежал и смеялся, а мать остановилась на месте, сказав, что устала. Она огляделась. Внезапно подул прохладный ветер. Весеннее солнце неестественно быстро скрылось за серыми тучами. Настали сумерки. Женщина позвала сына, но тот продолжал бежать. Она последовала за ним, но тот был слишком далеко. Горизонт за рекой потемнел. Что-то надвигалось.

Кера резко открыла глаза и поняла, что лежит на каменном мосту в измерении Жнеца. Вместе с кашлем из её рта выплеснулась и речная вода. Ей было холодно, мокро и невероятно больно. Иммуралистка несколько раз моргнула, вспоминая последние события. Голод предал её. Погоня. Клыки. Рёв. Выстрелы. Чудовище искусало и выкинуло её в реку. Кровь. Удар о водную гладь. Призрачные силуэты. Тьма. Она утонула. Кто-то утащил её.

Кера попыталась пошевелиться, но не смогла. Раны на плече были ужасными. Вытекающая из них кровь смешалась с водой.

«*Это конец*», – подумала Кера и попыталась ухватиться за призрачные воспоминания прошлого. Она посчитала, что умереть, вспоминая сына, лучше, чем с мыслями о клыках мерзкого монстра. Жнец был бесшумным. Его птичий череп склонился над ней. Кера закрыла глаза, не желая видеть Жнеца.

Мальчик не поверил её словам, не понял, что впереди опасность. Он продолжал бежать, заливаясь смехом и не замечая изменения в погоде. С другой стороны реки появилось нечто чёрное и большое. Издали казалось, что это дым.

Жнец низко ткнул когтистым пальцем прямо в лоб Керы.

Она закашляла и застонала от боли. Было также темно, однако холоднее. Кера поняла, что лежит в воде. Рядом кто-то кричал.

– Ничего! Ничего ценного! – рявкнул кто-то гнусавым голосом. – А вот это можно продать!

Кера попыталась поднять голову и снова застонала от боли.

– Что?! – удивился незнакомец и, шлёпая босыми ногами по воде, подошёл ближе. – Живая?! Как?

Мерзкий рыбоголов напоминал прямоходящую жабу с разъехавшимися глазами и кривым ртом.

– Живая? – переспросил он, наклонившись над Керой. – Исправим.

Он положил склизкую ладонь на лицо Керы и стал её топить. Та не могла сопротивляться, слишком слабая, пребывающая в полубредовом состоянии. Над лицом Керы появились пузырьки воздуха. Вода быстро проникла в лёгкие. Кера дёргалась около минуты и застыла.

Мальчик не хотел слушать мать. Заметив черноту на другом берегу реки, он замер. Эта странная тьма продвигалась слишком быстро. Женщина знала, что происходит. Но было уже слишком поздно. Мальчик повернулся к ней и сделал шаг. Оставались считанные метры до него, когда пелена тьмы захватила всё вокруг. Ужасающий вой оглушил женщину. В этой странной тьме они с сыном были не одни. Кто-то выл, кто-то смеялся и кричал. Рядом пронеслись призрачные очертания скрюченных существ с длинными конечностями. Из мерзкого гогота, воя ветра и лая мерзких хищников она уловила голос сына. Он плакал и звал её.

Кера вновь открыла глаза и увидела перед собой череп Жнеца. Он склонил свою голову набок и протянул к ней руку.

Иммортистка снова оказалась в воде. Над ней по-прежнему нависал омерзительный рыбоголов и удивлённо таранился на неё.

– Опять жива?! – прокряхтел он и опять стал топить.

Кера сразу же выдохнула весь воздух в надежде, что в этот раз умрёт окончательно.

Бойцы Хай-Бора были ещё большими ненавистниками солнечного света, чем неживые Киддера. Они всегда напускали сначала пелену тьмы, дезориентируя противника и ломая его моральный дух. Сами они, скрываясь в тени, могли не беспокоиться, что кто-то даст им отпор. Верхом на мерзких существах, напоминающих громадных лысых крыс, они улюлюкали и смеялись над страданиями и страхом женщины. Она же продолжала идти, выставив руки вперёд, надеясь, что с сыном её всё будет в порядке. Оставалось совсем немного. И вдруг мальчик перестал её звать. Женщина закричала от отчаяния и побежала. Ребёнок пропал, а рядом с криками и смехом проезжали захватчики. Впереди их ждала целая деревня невооружённых и слабых людишек, полные крови и жизни.

Открыв глаза, Кера увидела Жнеца. Он ткнул её пальцем.

Открыв глаза, Кера увидела рыбоголова. Он стал её топить.

Кера умирала и возрождалась. Появлялась на мосту, перед воротами Жнеца и снова возвращалась в грязную канаву, где её убивал злобный рыбоголов. А в промежутках между жизнью и смертью перед глазами Керы появлялись сцены из того далёкого дня, когда её сын был убит, а она сама превратилась в иммортистку.

Кто-то схватил её за волосы, подтянул к себе. Тощая рука налётчика оказалась жутко сильной. Женщина закричала от боли и страха. В ответ захватчик лишь рассмеялся. Женщина поняла, что лежит на горбу уродливой твари, которую использовали в качестве ездового животного. Наездник одной рукой держал поводья, а другой шарил под юбкой женщины. Она тщетно пыталась выбраться, спрыгнуть с крысоподобной твари, но налётчик каждый раз возвращал её на место и гоготал.

Тогда и сейчас Кера оказалась беспомощной. Она скакала между жизнью и смертью не в силах сделать что-либо. Её лёгкие наполняла вода, тело ныло от отвратительной боли, в голове звенело от болезненных воспоминаний. Морда рыбоголова и уродливый череп Жнеца слились в одно целое. Ей хотелось прекратить всё это. И вдруг наступила тишина. Кера забылась.

Было по-прежнему холодно и мокро. Рядом, тяжело дыша, сидел рыбоголов. Он, казалось, совсем вымотался.

– Проклятая баба! – рявкнул он. – Не хочешь умирать?! Тогда... тогда... я тебя продам! Точно! Кому нужна бессмертная баба?! Точно! – глаза рыбоголова на какое-то мгновение сошлись на одной точке. – Торговец счастьем! Он любит всякие странные штуки! Продам тебя за радость!

***

Принцип Альмар никогда не любил Ночь. Здесь витал особый запах порока. В Ночи не было никаких запретов, главное, чтобы в карманах имелось достаточно марок. Всякий, кто являлся в этот район, казалось, проваливался в иной мир, забыв о моральных нормах. Память

восстанавливалась, как только гости Ночи выходили из его вечной темноты. Сюда приходили за утешением, за острыми ощущениями, с желанием познать все крайности похоти, раскрыть себя или просто спустить пар. Желаящий мог найти себе женщину или мужчину на любой вкус и цену. Многие жители столицы хотя бы раз посещали Ночь, но старались помалкивать об этом. Скрыв лица под масками или капюшонами, добросовестные господа и дамы, клерки, учителя, рабочие и студенты бродили по злачным улочкам, выбирая нужный бордель.

Принцип Альмар сидел за рулём старенького «Бокля» и смотрел на подсвеченную большими лампочками вывеску «Алая роза». Шестиэтажный бордель выделялся на фоне остальных подобных заведений своими крупными размерами и давней историей. Этим местом управляла грозная Мадам Жало, правая рука самого Папы Принца. И именно сюда Совет масок отправил хрупкую сестру Принципа с особо важной миссией. Молодой человек крепко сжал руль и в очередной раз проклял свою мать. Она сломала его, превратила в хладнокровного убийцу ещё в подростковом возрасте, а теперь отправила в змеиное гнездо единственного ему близкого человека. Принцип даже думать не хотел, что пережила его сестра-близнец за последние недели в этом проклятом месте! Когда он узнал о решении Совета, было слишком поздно. Тильда уже отправилась в Ночь, готовая на всё ради идеалов матери. Она была единственным добрым и честным человеком, которого знал Принцип...

Вскрикнув от злости, Принцип ударил приборную панель и руль несколько раз. Он должен был защитить её! Должен был держать подальше от матери и Совета масок! Но сестра ничего не хотела слушать и успокаивала его, говоря, что обязана выполнить волю Совета. Принцип возненавидел Совет, свою мать, себя и даже сестру за её глупую покорность.

«Я должен это прекратить», – сказал себе Принцип Альмар. – Сборище сумасшедших стариков не заслуживает такой жертвы! Я прикончу их всех. Заберу сестру и уеду из этого проклятого города! Но что скажет Тильда?».

Принцип знал ответ, и от этого он чувствовал себя беспомощным. Несмотря на глупость, жестокость и безграничную фанатичность матери, Тильда любила её и была готова исполнить любой приказ. Она бы никогда в жизни не согласилась с планом Принципа. Он не видел другого выхода, кроме уничтожения Совета масок, но был связан по рукам из-за чувств сестры.

Молодой человек низко надвинул на глаза кепку, вышел из машины и направился к «Алой розе».

«Я обязательно придумаю что-нибудь», – пообещал себе Принцип, подходя к грузному конструкту у входа в бордель.

– Вход – сто марок! – прошипела машина высокомерным тоном.

Принцип достал купюру и вручил её конструкту. Тот открыл дверь, и парень вошёл внутрь.

В фая было весьма уютно. Мраморный пол, поделённый на красно-чёрные квадраты, пухлые кресла у стен, изысканные картины с изображением голых мужчин и женщин, сплетённых в тесных объятьях. Перед гостем тут же появилась женщина-лампад с выдающимися формами и аквариумом на месте головы. В стеклянной сфере плавали две жёлтые рыбки. На работнице «Алой розы», кроме корсета и высоких сапог с тонким каблуком, ничего не было.

– Вам помочь? – спросила женщина-лампад глубоким голосом.

– Альмар. Тильда, – коротко ответил Принцип, которому вдруг стало мерзко.

Нет, его смутила не мысль секса с лампадкой. Отсутствие головы у женщины, несомненно, казалось несколько странным, однако всё остальное тело у неё было шикарным. Скупая фантазия Принципа подбросила ему образы его голой сестры, которая также встречает гостей в одних лишь сапогах и корсете. И всё это для никчёмных стариков! Глупая жертва!..

– О! К новенькой? – уточнила женщина-лампад, поманила пальцем юношу и направилась к двери, находившейся в дальней части фая. – Она миленькая. Правда, ещё неопытная. Но я обучу её всему, что нужно. Может быть, вы хотели бы чего-нибудь более изысканного?

Принцип, следовавший за ней, ничего не сказал. Он крепко сжал челюсти и опустил взгляд, изо всех сил стараясь не смотреть на аппетитную задницу женщины. Злоба, ненависть и похоть смешались в его голове.

За дальней дверью обнаружилась лестница, ведущая на верхние этажи. Они поднялись на второй этаж и оказались в длинном коридоре со множеством дверей с обеих сторон. Из-за каждой из них звучали всхлипы и скрипы. Подняв голову, Принцип заметил бочкообразного конструкта с серым корпусом.

– Госпожа Влимс, – обратился конструктор к лампидке. – В двадцать шестой комнате нужна ваша компетентная поддержка.

– Оу! Фрида не справляется? – усмехнулась женщина. – Хорошо. Будь добр, проводи нашего гостя в одиннадцатую комнату.

– Будет сделано, – ответил конструктор, развернулся и зашагал на пухлых манипуляторах вглубь коридора.

Часть сознания Принципа порадовалась, что перед ним теперь не маячит чей-то голый зад, а другая часть – опечалилась.

Конструктор подошёл к нужной двери, постучался.

– К вам клиент, – оповестил он.

Тильда встала с кровати и натянула на лицо дежурную улыбку. Клиент должен был видеть, что ему рады. Но когда в комнату вошёл её родной брат, чувство стыда тут же нахлынуло на неё. Светловолосая девушка быстро подскочила к шифоньеру и накинула на себя шёлковый халат, скрыв под ним кружевное бельё и выпирающую грудь. Все работницы Папы Принца принимали эротоген – особое лекарство, влияющее на гормоны и привлекательность. За короткий срок худенькая Тильда Альмар приобрела небывалые соблазнительные формы, о которых раньше и мечтать не могла.

Комната, предоставленная ей, была совсем небольшой. Стены были заклеены толстыми алыми обоями, в углу находились шифоньер и туалетный столик с зеркалом. Заметив широкую кровать у окна, Принцип скрипнул зубами и опустил взгляд.

Конструктор закрыл за ним дверь и оставил их наедине.

– Здравствуй! – воскликнула девушка и обняла брата. – Как твои дела? Что говорит Совет?

– Привет, – поздоровался Принцип, скрывая свою злость. – Что они могут сказать? Все ждут тебя.

– Сегодня, – прошептала Тильда.

– Что?! – вытаращил глаза брат.

Только сейчас он заметил, как много на лице сестры макияжа: алая помада, румяна, пудра и чёрные тени. Раньше она так не красилась. И причёска у неё была другая, без этих завитушек и ленточек. Тильда выглядела гораздо старше своих двадцати лет, и от этой мысли Принципу стало только хуже.

– Это произойдёт сегодня, – подтвердила Тильда.

– Ты нашла Осколок? – Принцип был искренне удивлён. Наконец-то его сестра сможет покинуть это проклятое место!

– Да. Именно! – закивала девушка, улыбаясь. – На днях я заходила в кабинет Мадам Жало и случайно подсмотрела. Правда, пришлось повозиться с тремя...

– Даже знать не хочу! – прошипел брат и резко отвернулся.

– ...чайниками! – закончила фразу девушка и засмеялась. – Я подавала Жало дурман-чай. Не бойся за меня. Здесь не так уж и плохо. Тем более большинство моих клиентов очень падкие на наркотики. Они, как дети! Просто засыпают на моих коленях, рассказывая о своих невзгодах и страхах.

Принцип знал, что сестра врёт. Он видел, как девушка скрывает страшную тайну этой комнаты, как стыдится своего положения, но пытается улыбаться при нём. Ради сестры Принцип успокоился и не стал спорить.

Хоть они и были близнецами, однако отличались, как день и ночь. Принцип был скрытым, расчётливым и не знал жалости. Сестра же всегда была жизнерадостной и доброй, никогда не унывала и искренне верила в Совет масок. Только ей Принцип мог рассказать о своих страхах и мыслях, мог позволить себе раскрыться и вспомнить, что, помимо безжалостного убийцы, является и обычным двадцатилетним парнем. Только сестра помогала ему в трудные времена и поддерживала. От злобной матери он никогда подобного не ожидал.

– Значит, сегодня ты вернёшься домой? – улыбнулся Принцип и приобнял сестру.

– Да. Наконец-то! – прошептала Тильда. – Жди меня в переулке на улице Строительная после полуночи.

– Строительная, – повторил Принцип, мягко отстранившись.

– Да. Возле кирпичного завода, – уточнила сестра и чмокнула брата.

– Это не опасно? – спросил Принцип.

– Что ты говоришь, братишка? – засмеялась Тильда и погладила брата по щеке. – Конечно, опасно. Это же Ночь!

***

Крамар Крит сутулился, опираясь обеими руками на трость. В своей длинной накидке он напоминал большую поседевшую ворону. Испещрённое морщинами лицо было мрачнее обычного. Глаза опущены вниз, словно он стыдился посмотреть на могильные плиты перед собой.

Стоявший позади Верман Полумесяц в очередной раз взглянул на карманные часы. В другой руке он держал сангумную лампу, освещавшую ближайшие надгробия и кладбищенские статуи. Дальше, в темноте, скрывались агенты тайной жандармерии, отвечавшие за безопасность Крита. Хотя в них особой необходимости и не было. Крит и сам мог бы справиться с любой опасностью, а меч Полумесяца, висевший сейчас у него за спиной, хорошо послужил бы в защите наставника.

Полумесяцу, как и большинству иглоликих, не нравилось торчать посреди ночи на кладбище. Людям и другим полукровкам повезло – после смерти они лежат себе и спокойно гниют. А вот иглоликие, переступив порог смерти, обращались в кровожадных людоедов. Эта же участь ожидала Полумесяца, который старался не думать об этом. А как не думать о смерти, находясь на кладбище посреди ночи?

Пытаясь отвлечься от дурных мыслей, он стал размышлять о своём покровителе и учителе, о человеке, который изменил целую страну. Но какую цену ему пришлось заплатить? Всякой революции сопутствуют жертвы, всякое крупное изменение влечёт за собой страдания. Каким бы могущественным Крамар Крит не являлся, он был всего лишь человеком. Никто – ни мудрецы, ни цари – не могут исправить прошлого. Самая тяжелая часть платы за революцию находилась прямо перед уставшим стариком – две белые каменные плиты.

Вот что останется «после», в самом конце. Дата рождения, дата смерти и имя. Всего лишь воспоминание. История, которую скоро забудут. Горечь и скорбь. Если бы можно было всё вернуть назад, поступил бы он иначе? Если можно было спасти их, пожертвовав своей властью и положением, стал бы Крит действовать по-другому? А как же его месть и попытки спасти любимую женщину? Крит не мог ответить. Он не хотел врать самому себе, не хотел оправдывать себя. Слишком долго он размышлял об этом, прокручивая в голове давние события, пытаясь понять, где он ошибся.

С большими усилиями старик поднял взгляд и прочитал имена: «Феликс Марс» и «Вальма Марс».

– Может быть, хватит тратить время на скорбь? – нарушил тишину Полумесяц. – Куча времени прошло.

– Я прихожу сюда, чтобы напоминать себе о неудачах, – хриплым и немного резким голосом ответил Крит. – Это важно. Я должен сделать важные решения. Они определяют будущее всей страны.

– Ты про Орден? – с нескрываемой неприязнью уточнил Полумесяц. – Зря ты поставил на девчонку. Если бы на роль главного преторианца ты назначил кого-нибудь, равного мне, или хотя бы человека, способного ровно держать меч, я бы и слова не сказал. Но... – иглоликий раздражённо дёрнул головой и плюнул себе под ноги. – Ты готовил меня к этому столько лет и в самый ответственный момент списал со счетов! И как это понимать?!

– Я учил тебя понимать суть вещей, – напомнил Крамар Крит. – Ставил перед тобой неудобные задачи и позволял искать решение самостоятельно. – Крит повернулся к иглоликому и всмотрелся в его глаза. – Обучение ещё не закончилось.

Полумесяц нахмурился, его охватила внезапная волна гнева.

– Не закончилось? – прошептал он, сощурился.

Крит криво улыбнулся, резко поднял трость и шагнул к иглоликому. В мгновение ока иллюзия рассыпалась, обнажив преторианский клинок в его руках. Удар был предупреждающим. Полумесяц легко отскочил назад, выбросил в сторону лампу и обнажил своё оружие. Их мечи были похожими: длинные ровные клинки с рунами, горящие призрачно-зелёным огнём, с широкой гардой и двуручным эфесом. На клинке Крита виднелись мелкие зазубрины и трещины, оставшиеся со времён гражданской войны. Старик стоял, сгорбившись, низко держа меч. Лицо его исказилось от гнева и раздражения. Верман Полумесяц злился и не понимал, какова цель этого поединка. Возможно, наставник хотел избавиться от него или желал донести какую-то истину.

– Нападай, – прохрипел Крит.

Полумесяц метнулся вперёд, вознеся над собой меч. Клинки звякнули друг о друга, рассыпав искры. Полумесяц ударил слева, по ногам, и, сделав два выпада, отскочил вправо. Мгновением позже он вновь ринулся в атаку. Он прекрасно помнил приёмы наставника и в прошлых дуэлях частенько использовал тактику «атака-ретировка-атака». Крит был хромым и не мог за ним гоняться, хотя в реакции нисколько не уступал ученику.

Он успешно отбил все атаки и встретил противника внезапной серией выпадов. Теперь уже Полумесяцу пришлось отбиваться от ударов наставника. Крит не мелочился и бил в полную силу. Клинки в руках воинов превратились в размазанные сгустки света. Полумесяц еле отбил три последних выпада и решил отступить.

На мгновение он обратился в неясную вспышку и отпрыгнул назад, на целых четыре метра. Отдышаться не удалось. Полумесяц чуть не задохнулся от неожиданности. Наставник внезапно возник откуда-то справа и ударил. Иглоликий в последний момент выставил перед собой меч и снова постарался отдалиться.

Преторианские мечи, созданные для борьбы с магами и их мерзкими порождениями, делали своих владельцев сильнее и быстрее обычных воинов. Нанесённые на их клинки древние руны позволяли им на короткое время «выпадать» из этого измерения.

Полумесяц отскочил влево, Крит вновь возник на опасно близком расстоянии. Иглоликий не стал отбиваться и ушёл в подпространство на долгие шесть секунд. Материализовавшись в сорока метрах от могил Марсов, он начал часто оглядываться, ожидая очередного нападения наставника. Дыхание сбилось, Полумесяц весь промок от пота. Пребывание в нематериальном состоянии столь долгий срок было слишком опасно. В прошлом многие преторианцы, забыв обо всех предостережениях, просто исчезали во вспышке призрачного света.

Возникший сзади Крамар Крит дал ученику подзатыльник и исчез. Полумесяц рассёк воздух и зарычал. Никого рядом не было. Полумесяц плюнул, вытер пот с лица и стал часто

оглядываться. Старый наставник оказался сильнее, чем он помнил. Возможно, Крит никогда и не показывал ему своей истинной силы.

– Давай! – закричал Полумесяц и тут же пожалел об этом.

Наставник появился слева и обрушил на иглоликого целый град ужасающих ударов. Старик двигался невероятно быстро. Невозможно было разглядеть его руки за светом клинка. Полумесяц с трудом сдерживал натиск. О контратаке он даже не думал. Полумесяц всё пятился, пока не наткнулся спиной о чьё-то надгробье. На мгновение он отвлёкся, и тут же его правую ногу пронзила жуткая боль. Он закричал. В следующую секунду один точный удар выбил из его рук меч. Клинок несколько раз перевернулся в воздухе и оказался на сырой земле в десятке метров от хозяина. Держась за кровоточащую рану чуть выше колена, Полумесяц упал на спину. Крит вознёс свой клинок и застыл. Его угловатое лицо источало жестокость и властность. Чувство превосходства явно доставляло ему удовольствие.

Крамар Крит медленно опустил меч и скрыл своё оружие за иллюзией.

– Вставай, – негромко произнёс он и отвернулся.

Полумесяц тяжело вздохнул и, кряхтя, поднялся на ноги. Нога жутко болела, но чувство стыда за проигранную дуэль и за проявление страха сжигало его больше.

– Никогда больше не перечь мне, – сказал Крамар Крит и хромой походкой направился к выходу из кладбища.

***

В это время на другом конце города, в освещённой лишь маленькой лампой комнате, сгорбившись над бумагами, сидел другой старик. Дедал проверял анализы, сверял результаты, заглядывал то в одну, то в другую из открытых перед ним книг и чертыхался. На множестве листов бумаги, что закрывали весь стол, значились самые различные формулы: некоторые магические, другие из алхимии, а третьи на языках давно исчезнувших народов. Пиктограммы, изображения древних богов и осьминоги с одним глазом соседствовали с арифметическими вычислениями и рунами магов Телоса. Старик в своём великом эксперименте решил использовать весь свой опыт и знания. Он даже обратился к мистицизму, к которому ранее относился весьма скептически.

И всё это здесь, в этой маленькой, пропитанной сыростью квартире, в этих бумагах и книгах, в большой вычислительной машине в углу, в многочисленных трубках и проводах, которые, рассеявшись по комнатам, были подключены к большой капсуле. Трёхметровый металлический саркофаг со скрюченными заплатками, с многочисленными кранами и окошком занимал весь центр комнаты. Запутавшиеся провода разной толщины исчезали из виду в темноте. Каждый из них, почти незаметный для обычного обывателя, проходил через шиферные крыши, прятался в фасадах зданий, шёл через канализацию или притворялся обычным проводом электропитания, растягиваясь от одного столба к другому. Каждый из проводов, пройдя неблизкий путь в несколько километров, оказывался во владениях инсуломов, в Светильнике и Красных оковах, что находились чуть западней. Дедал, обрызгав себя специальным раствором, дабы быть невидимым для взора живых домов, под видом городского рабочего или электрика ходил среди них, выбирая нужный инсулом. Горожане не обращали внимания на скрюченного старика в жёлтом дождевом плаще, а дома просто не видели его из-за маскировки. Дойдя до инсулома, спрятавшись где-нибудь в переулке, старик мастерком и ломиком аккуратно выламывал несколько кирпичей. Под пульсирующей прозрачной кожей просвечивались многочисленные вены и нервы, плотные мышцы и жир. Гибрид, пришелец из иных миров, скрытый под скелетом дома. Старик доставал из своей сумки громадный шприц, из тех, что использовали на крупном рогатом скоте, и всаживал её в мягкую плоть. Инсулом ничего не чувствовал, боль скрывали мощные наркотики. Спустя пару минут приходила очередь стального штыря с кабелем. Инсулом, опьяненный лекарствами, ничего не подозревал о вероломном вторжении в свой организм. Установив все провода, соединив их переходниками и несколько

раз всё проверив, старик возвращался к себе, чтобы приготовить очередной проводник. И так в течение нескольких последних лет. Саркофаг, кабель, переходники, инсулом.

Когда Шляпник приступит к захвату столицы, Дедал будет занят своим делом, настраивая многочисленные рычаги и краники саркофага, пытаясь устроить связь между планами и измерениями.

Внезапно зазвонил дверной звонок. Старик, кряхтя, встал со стула и направился к входной двери.

– Долго ты! – рявкнул он и машинально потерял свисток, скрытый под одеждой.

В прошлом эта привычка уже несколько раз спасала Дедалу жизнь. Его подопечный иногда выходил из-под контроля, и лишь специальный свисток мог усмирить его.

Тот ничего не ответил, следуя вглубь лаборатории.

– Ты знаешь, что делать, – сказал Дедал, подойдя к большой карте города, растянутой на одной из стен. На пожелтевшей от сырости бумаге с иссохшими чернильными линиями, олицетворяющими многочисленные улицы Арраса, были прикреплены несколько фотографий.

– Знаю, – угрюмо ответил гость. – Забрать осколок. Убить свидетелей.

Дедал посмотрел на изображение Крамара Крита, прикреплённое над Солнечным дворцом, потом перевёл взгляд на Ржавое королевство с чёрным листом. Кроктор Меньес, невзирая на его тайную связь с Советом масок, находился отдельно, в районе Банка огня. А сам же Совет пребывал в Трезубце на левой части карты. Были ещё несколько незначительных снимков, изображающих парочку сенаторов, следователя Пакса, рисунок с черепом в честь Калео Вагадара и потрёпанная карикатура Торговца счастьем.

– Не переусердствуй, – лениво бросил старик, рассматривая свою карту.

Все эти люди, так или иначе, могли сыграть свою роль в его плане. Ещё один небольшой эксперимент для определения победителей.

– Ты принёс? – спросил Дедал, не оборачиваясь.

Гость вручил ему маленький смятый снимок, который тут же оказался над Желтой рощей, рядом с фотографией безумного художника Иноса Око.

– Кларисса Марс, – произнёс задумчиво старик под утробный кашель гостя, постепенно переросшего в хищный лай.

Гость спешно раздевался, задыхаясь от превращения.

-КОНСТРУКТЫ-
НЕЗАМЕНИМЫЕ ПОМОЩНИКИ ГОРОЖАН

Интерлюдия 2

Иногда я забываю, кто я. Не могу сказать, что редко, но с каждым разом контролировать это становится сложнее.

Я теряю себя. Я узник своего тела.

От крыши к крыше, от одного дома к другому я мчусь на четвереньках. Мои руки и ноги сильны, когти способны рвать металл. Я охочусь. Этот город провонял насквозь. Пот, сигаретный дым, испражнения, кровь, пришельцы... Я охочусь.

Огни ночного города давно меня не пугают, звуки машин и голоса людей не занимают мой слух. Я ищу женщину. Ту, на которую мне указали. Я рычу в предвкушении убийства и прыгаю на следующую крышу. Быстрее и быстрее.

Горожане не слышат меня и не видят. Они слепы и глухи. Они знают, что я такое, подсознательно, глубоко внутри знают и боятся. Жертвы чувствуют присутствие охотника и предпочитают не замечать его, теша себя глупой иллюзией безопасности. Хозяин здесь – Я. Ничто и никто не сдерживает меня. Хотя...

Следующая крыша. Я уже близко. Запах женщины манит меня, опьяняет. Я желаю поскорее добраться до неё и вонзить свои когти в мягкую плоть, испробовать горячую кровь. Я желаю убивать. Лишь это дарит мне радость, удовлетворяет мой голод, дарует смысл моему существованию. Иначе зачем я был создан?

Шифер ломается под моими лапами, но я слишком быстр и продолжаю свой путь. Ещё один прыжок. Возбуждение захватило всё моё хищное сознание. Это почти больно. Приятная боль.

Вот и всё. Я на месте. Замедлив шаг, я наклоняюсь на краю крыши. Внизу идёт жертва. Тёмный переулочек смердит неубранным мусором. Но всё моё внимание сейчас обращено на женщину в сером пальто. Она чувствует моё присутствие, нервничает и часто оглядывается.

Мой звёздный час.

Выждав нужный момент, я прыгаю вниз, словно хищная кошка. Моё тело слишком тяжёлое и сильное, мускулы натянуты до предела. Пролетев шесть этажей, я пригвоздил женщину в грязную землю, между мусорными баками. Она не успела понять, не успела крикнуть или позвать на помощь. Мой острый слух уловил лишь хруст её ломающихся костей: позвоночник, шея, рёбра и ноги. Я своими громадными, когтистыми руками рву жертву в клочья. Конечно, голова и внутренности. Одежда, кожа, плоть и кости.

Я не помню, сколько именно длилась эта мясорубка. Возможно, несколько секунд, возможно, долгие минуты. В итоге от той женщины не осталось ничего. Лишь ошмётки. Остатки. Кровь, смешанная с грязной лужей.

Наконец, я доволен. Боль в сознании унимается. Увидев дело своих рук, я медленно вспоминаю себя. Сначала всплывает имя, то, кем я являюсь при свете дня, моё лицо, мои руки. Человеческие.

Хищник, животное, скрытое в тени, и тот, кто притворяется человеком. Всё смешалось.

Подняв свою клыкастую морду к небу, в котором кружат большие машины, удовлетворённый охотой хищник воет во весь свой ужасный голос. Рядом что-то скрипит. Я не понимаю, что это. Металл и шестерёнки. Запах машинного масла и женских духов. Оно двигается, бежит от меня. Но уже слишком поздно. Осознание содеянного врывается в мой мозг. Зверь медленно отступает, уступая место далёким зачаткам человечности. В конце переулочка остановилась машина. Кто-то вышел из неё и закричал.

Услышав доступный только мне звук свистка, я карабкаюсь на стену. Старик вновь призывает меня, и я не могу сопротивляться.

Я теряю себя. Узник своего тела.

-СЛЕДОВАТЕЛИ-

Глава 11

Ему снились высокие арки, призрачный зеленоватый свет древних камней и воздушные купола, где горожане ходили на своих ногах или ползали на щупальцах. Хтон – величественный город, построенный тысячелетия назад – для обитателей суши был всего лишь легендой.

Ему снились дом, тишина безлюдных улиц, мрачные воды океана и мать, чьё лицо стёрлось из памяти за прошедшие годы. В касту воинов забирали в самом раннем возрасте и искореняли проявление любых эмоций. Воину не введома жалость, он не знает страха, любовь для него – пустой звук. У хтон'ваагра всё было продумано за годы вперёд. Есть каста воинов, охотников, жрецов и рабочих. Роль каждого в обществе predetermined ещё до рождения, распределена и просчитана до мелочей. Древний закон, созданный Первыми предками, в далёкие, дикие времена, когда в мире властвовали костеликие и рогатые звери, был нерушим многие столетия. Мир наверху менялся, империи, народы и расы возникали и исчезали, но лишь скрытый в глубинах океана город оставался таким же, как и в первые годы своего основания. Возможно, он простоял бы ещё тысячелетия, если бы не таинственный враг. Всё началось с одного обглоданного рыбами утопленника, а закончилось геноцидом.

Ему не удалось пройти ритуал становления воином, жрец не провозгласил его частью их общества, не оборвал последнюю нить в сознании, оставив в душе крупницу перепутанных чувств. Душа юноши навеки осталась блуждать где-то между обычным существом и совершенной машиной для убийства. Она осталась атрофированной. Не то и не другое. Где-то посередине.

Отец – безымянный воин, мать – обычная рабочая. Их он никогда не знал, видел лишь пару раз. Были ещё жрецы, тщательно проследившие за передачей лучших генов зародышу. Годами его готовили к тому, что он станет воином, защитником, убийцей. Но судьба имела на него совсем другие планы. Старейшины лишали воинов первичных инстинктов, видя в них слабость. По иронии именно прерванное обучение спасло ему жизнь. Его братья плыли в бой со спокойным лицом, убивали врага без эмоций и при смерти не издавали ни звука. Ни страха, ни ненависти, ни сожалений они не испытывали. В это время юноша бился отчаянно, с дикой яростью, кричал, плакал и истерично смеялся, наслаждаясь каждой победой. Он боялся умереть, но, задушив страх, плыл вперёд. Он скорбел при виде разрушающегося города, но, спрятав слёзы, помогал другим выбраться оттуда. Он радовался, вонзая своё копьё в очередную зубастую тварь, но не терял бдительности и уже встречал следующего врага.

Война Скорби – так называли то сражение. Хотя произошедшее больше напоминало истребление. Захватчики ничего не хотели, не выдвигали требований или ультиматумов. Город пал, надежда угасла, оставалось только бежать.

– Гид. Гид, проснись!

Открыв глаза, Гидеон Пакс увидел серый потрескавшийся потолок съёмной квартиры любовницы. Глаза рыболова, предназначенные для мрачных глубин океана, хорошо видели и в ночное время на поверхности, в мире людей.

– Ты превращаешься, – сказала лежавшая рядом женщина.

Гидеон глянул на свою посеревшую руку и с трудом вспомнил, когда в последний раз принимал истинный облик. Мышцы разбухли под кожей, проступили синие и пурпурные вены, а меж пальцев виднелись тонкие перепонки. Изменения касались всего тела. Гидеон сосредоточился, взгляделся куда-то в сторону и начал приводить себя в более привычный для окружающих вид. Постепенно облик восстановился, кожа стала более смуглой, глаза обрели карий цвет, а копна длинных толстых щупалец на голове превратились в чёрные, местами зеленоватые волосы.

– Так пойдёт? – спросил рыболов.

– Меня не твой облик беспокоит, – ответила женщина. – Тебе снился сон? Ты всегда начинаешь трансформироваться, когда тебе снится что-то нехорошее.

Гидеон наклонился у края кровати и взял портсигар из кармана валяющихся на полу брюк.

– Мне снился дом, – сказал Гидеон, закурив.

– Море? – спросила женщина.

– Океан.

– Там, наверное, холодно, – предположила женщина, взяв предложенную сигарету.

Её лицо при бледном свете луны, пробивавшегося из окна, казалось серым. Они долго смотрели вперёд, на пустую стену, и молча курили. Оба были чужаками, в этом большом странном городе, существами из другого мира, так хорошо притворяющимися людьми.

Тысячеликий Аррас по сути своей и был городом чужаков и изгнанников, большой колонией, куда со всей страны стекались полукровки. Шутка нынешнего правительства над пережитками прошлого, когда ксенофобия была нормой. Хотя, если разобраться, ничего не изменилось, появилась лишь иллюзия свободы выбора. Если раньше Империя ущемляла права полукровок и магов, то сейчас правительство ущемляло права всех, а называлось это – равенство. Ксенофобия и расизм в других городах всё же остались, но в куда более меньших масштабах. Там, как и двадцать лет назад, имелись обособленные гетто и диаспоры. Магам повезло чуть больше. Хотя и их, спустя десять лет свободы, под шумок убрали подальше, закрыв в особых школах и интернатах. Видно, испугались вмешательства Телоса.

– Ты скучаешь по дому? – спросил Гидеон, втянув сигаретный дым.

– Шутишь? Конечно, скучаю! – засмеялась женщина. – Аррас хорош, много разного есть. Но дома... Ковен прекрасен! Тебе как-нибудь надо посетить его. Половину года там стоит непроглядный туман, а оставшееся время льёт дождь. Тебе бы он понравился. Но больше всего я скучаю по сёстрам. Эти вечные интриги, разговоры и притворство! Ах, как мне этого не хватает! Заклятые враги улыбаются друг другу и желают доброго здоровья, а сами готовят заказное убийство или ищут удачный момент, чтобы незаметно подсыпать яд в бокал с вином. А инкубы... лучшие любовники на свете!

Гидеон сделал удивлённое лицо, при виде которого Афина засмеялась.

– Неужели всё так плохо? – засмеявшись, спросил Гидеон.

– Да перестань. Ты великолепен...

– Нет, – прервал, улыбаясь, Гидеон. – Конечно, я бог любовных утех, но я про интриги и убийства.

– А, ну, это обычное дело для Ковена, – махнула Афина и положила голову ему на плечо. – О, ещё умиляют моменты, когда вчерашние враги объединяются против кого-то посильнее, а потом, расправившись с ним, снова грызутся между собой. Таков он, город на холме. По части лжи Аррас и рядом не стоял. А ты скучаешь по дому?

– Иногда. Хотя не должен, – признался Гидеон.

– Почему это? – удивилась в ответ Афина.

– Воинам не снятся кошмары, воины не ностальгируют о прошлом.

– Перестань, – отмахнулась Афина и погладила любовника по щеке. – Ты уже не воин. Ты – следователь.

– Я обычный рыбоголов, – пожал плечами Гидеон. – И кто же придумал это дурацкое название? У людей нет фантазии.

– Ты далеко не «обычный», – возразила Афина, выпустила кольцо дыма и взмахом руки предала ему форму птички. – У тебя много достоинств. Ты умный, проникательный, смелый. Ну... а ещё ты не пахнешь рыбой.

– Спасибо. Последнее было самым приятным, – усмехнулся Гидеон.

И правда, таких, как Гидеон Пакс, осталось совсем немного. Определить касту рыбо-голова, даже если он в человеческом облике, было несложно. Если возле рта торчат маленькие усики, как у сома, то это – рабочий. Короткие бакенбарды – охотник; густая серо-зелёная борода, под которой невидно рта – жрец. И только воины были практически неотличимы от людей, ни внешним видом, ни запахом. Длинные головные щупальца они маскировали под волосы, которые обычно были либо распущены, либо связаны в хвостик.

Стоявший на полу телефонный аппарат внезапно зазвонил. Афина с неохотой слезла с кровати и направилась к центру комнаты, где царил хаос. Везде были разбросаны одежда, книги, бутылки из-под вина и грязная посуда с остатками ужина.

«Я сплю со свиньёй, – подумал Гидеон, любуясь прекрасной наготой ведьмы, и тут Афина, стоявшая к нему спиной, медленно наклонилась за трубкой. – С самой красивой свиньёй на земле».

– Петрикор слушает, – сказала Афина и выпрямилась, накручивая на указательный палец локоны рыжих волос. – Понятно. Скоро буду.

– Что случилось? – спросил Гидеон, когда женщина, положив трубку, огляделась в поисках своей одежды.

– Убийство. Угадай, кто?

– Бездна, – прошептал Гидеон и сел. – Зверь? Снова?

– Да, дружок, – выдохнула Афина и бросила недокурную сигарету в собранную в углу грудку немытой посуды. – Собирайся.

Гидеон встал с кровати, и они принялись одеваться.

– Ты же помнишь...

– Я выйду первым, – перебил мужчина, натягивая штаны. – Через минут десять появишься ты. Никто не должен знать о нашем романе. Мы только коллеги. Твоя репутация тебе дороже, чем кусок рыбьей плоти. Если проболтаюсь, ты меня проклянёшь. Влюбляться в тебя тоже не стоит. Всё это временно.

– Ужас! – воскликнула Афина.

– Это твои слова, – улыбнулся Гидеон и поднял с пола рубашку. – Я только цитировал.

– Что, так и сказала? «Рыбья плоть»? – удивилась ведьма.

– Именно, – кивнул Гидеон.

– Из твоих уст это звучит так грубо, – ответила Афина и задержала его долгим страстным поцелуем. – Прости, дорогой.

***

– Что там? – спрашивали журналисты, столпившиеся перед узким переулком.

– Что вы нашли? Скажите хоть что-то, – не унимались они. – Ещё одна жертва?

– Следователь Петрикор, отлично выглядите!

Афина резко повернулась к толпе, чтобы посмотреть на автора последней фразы. Издёвка? Нет. Слишком приветливо прозвучало. Афина приподняла бровь, узнав молодого репортёра в очках и клетчатом костюме. Она видела его и раньше, но, вместо расспросов об очередной жертве, он сыпал её комплиментами. Старый знакомый, с которым у них была своя странная игра в подглядывания...

«Давно не виделась», — подумала Афина и прошла дальше.

А выглядела ведьма действительно великолепно: белая кожа, синие большие глаза, обведённые чёрными тенями, острые черты лица, придававшие ей некоторую аристократичность и ярко-рыжие волнистые волосы длиной почти до лопаток, поблёскивающие в свете уличного фонаря. Носила Афина аккуратный котелок, короткое пальто, штаны в обтяжку и высокие сапожки с каблучками. Всё, кроме обуви, было бардового цвета.

Больше всего на свете Афина ненавидела журналистов. Существовали и другие вещи, похуже, но эти назойливые проныры со своими ламповыми фотоаппаратами и блокно-

тами, словно голодные собаки, сбегались на каждое место преступления и действовали всем на нервы. Разбой, грабёж, взлом с проникновением. Но самым излюбленным блюдом этих поганцев являлось убийство. Чем больше крови, тем лучше. А тут, в переулке, между домами №67 и №69 по Строительной, кроме крови, ничего и не было. Придя сюда, Афина сразу подумала о кровавом фарше, который швыряли в стены.

Журналисты и зеваки остались позади, за кордоном храбрых жандармов. Эксперты и криминалисты искали следы и собирали останки. Лампочкоголовые, установив на шеи камеры, делали снимки места преступления. Каждый был занят своим делом.

– Знакомый почерк, а? – задумчиво произнёс Гидеон Пакс, прикоснувшись пальцами к полям шляпы.

Афина в ответ просто кивнула и огляделась по сторонам.

– Лунный зверь. Чёрт бы его побрал! – голос начальника, Тиммана Третьякова, звучал приглушённо из-под шёлкового платка, которым он закрывал нос, защищаясь от местной вони.

Тучный мужчина, с необъятным пузом и двойным подбородком, являлся начальником всей столичной жандармерии и непосредственным руководителем следователей Пакса и Петрикор. Недалёкий, наглый любитель свинины и взяток был вне себя от того, что его потревожили посреди ночи, и был более недоволен мыслью, что придётся снова получать взбучку от наместника столицы. Как же иначе? Дело то было серьёзным, а убийца всё ещё пребывал на свободе.

– Полуночный зверь, – поправила Афина, за что получила гневный взгляд маленьких злобных глазок Третьякова.

– Всего месяц его не было, – хмыкнул Гидеон, глядя куда-то вдаль, в темноту переулка. – Ищейка сказал то же, что и раньше. Размытая картинка, зверь, нападение, вот это. Он уже взял кровь на анализ. Скоро узнаем, кто жертва.

– И никаких следов? – спросила Афина, скрестив руки на груди.

– К сожалению, нет.

Это было шестое подобное убийство за полгода. Всегда одно и то же: каша из разорванных внутренностей, кровь, раздробленные кости. От жертвы почти ничего не оставалось. Так продолжалось до четвёртого убийства, пока в дело не подключили Ищейку. Случилось это после шумихи в газетах.

Казалось бы, кого волнует? В таком большом городе, как Аррас, каждый день умирали десятки людей, но газетчики раздули из этого дела не хилую шумиху, что даже верхам пришлось обратить на проблему своё внимание. Но с прибытием Ищейки дело не сдвинулось с места. Они с помощью крови определяли жертву, видели их последние воспоминания, но без толку. Убитые просто не успевали понять, что происходит. Потом позвали штатных медиумов, спиритистов, магов и даже сенсоров. Результат нулевой.

Следователь, расследовавший это дело ранее, до Петрикор и Пакса, повесился около месяца назад. Ещё одна порция счастья для газетчиков. «Полуночный Зверь свёл с ума своего охотника. Кто следующий?», – спрашивали заголовки газет. Злорадство в чистом виде, подогревавшее массовую истерию в городе. Каждый прокол служителей закона мастера печатной машинки поливали грязью так, словно первые сами были виновны в преступлениях, что не могут раскрыть. Читающие это граждане не знали, что думать. В пабах и барах за кружкой пива шли горячие обсуждения последних новостей. Кто-то ругал жандармов, используя самые яркие слова своего лексикона, кто-то махал рукой и вставал на защиту блюстителей закона, но все замолкали, когда некоторые начинали рассказывать, будто бы сами видели Зверя.

В местах, более цивилизованных, о нём также не забывали. Политики, воспользовавшись моментом, надрывали глотки, обвиняя друг друга в некомпетентности. В предвыборных речах у большинства из них на первом месте, в списке невыполнимых обещаний, значилась поимка Полуночного зверя. Предприниматели делали деньги на страхах людей, предлагая купить обе-

реги и священные амулеты, якобы защищающие от ночного хищника. Заботливые матери заводили своих детишек пораньше домой. Возросло количество прихожан в церкви, где многие поговаривали о конце света и его предвестнике в виде Зверя. Словом, несколько смертей, раздутые прессой, влияли на всю столицу, казалось, медленно сводя её с ума.

Но как бы это парадоксально не было, для Арраса это являлось привычным состоянием. Каждый год в городе появлялся какой-нибудь сумасшедший, маньяк или монстр, рождённый в ходе неудачного эксперимента или вызванный неким ритуалом. Ажиотаж и слухи, перемешанные с фактами, раздутые прессой, создавали для города своих злодеев и героев. Масштабы событий приукрашивались и преувеличивались. Каждый год газеты говорили об ужасном враге, грозящем всем жителям Арраса, и спустя время о спасителе в лице одного героя или нескольких. Ловцы удачи и славы, частенько начитавшись газет, самостоятельно искали городских маньяков и чудовищ. В последние годы пресса стала популярнее многих литературных книг. Конечно, ведь написанное на дешёвой бумаге было красочнее и интереснее всяких приключенческих романов. А факт того, что вся история происходит взаправду и совсем недалеко, прямо в родном городе, захватывал дух! А насколько это самое «взаправду» соответствует истине, являлось делом не первой важности.

– О жертве что-нибудь известно? – переспросила Афина. – Есть какие-нибудь личные вещи? Документы?

– Нет, – буркнул Гидеон.

– Этим и займитесь! – пропыхтел Трёмьен и направился к журналистам.

Ведьма взглядом проводила кабана в дорогом костюме и обратилась к напарнику.

– Ты забыл это, – Афина протянула ему маленький серый предмет.

Гидеон машинально проверил карманы пальто и, украдкой оглянувшись, принял свой жетон.

– Извини. Видимо, выпал из кармана, – предположил Гидеон.

Несмотря на высокий рост и широкие плечи, на фоне напарницы рыбоголов выглядел несколько блёкло. Он носил строгий тёмно-синий костюм, длинное серое пальто и шляпу с мятыми полями. Лицо Гидеона Пакса было худым и вытянутым, со впалыми щеками, широкими скулами, острым носом и тонкими губами. Глубоко посаженные глаза Пакса имели тёмно-зелёный оттенок. Кожа рыбоголова была бледнее, чем у напарницы.

– Ничего страшного, – хмыкнула Афина. – Кстати, что по той девочке?

– Юная магичка, разорвавшая дюжину горожан на воздушной барже? – уточнил Гидеон. – Это дело передали тайной жандармерии. Сейчас бедняжка на полпути к Магаскоре.

– Неужели серране до сих пор так сильно боятся магов? – удивилась Афина.

– У них есть на это свои причины, – хмыкнул напарник, спрятав жетон во внутреннем кармане пальто. – Хорошо, что её не закинули нам.

– Не думала, что ты боишься трудностей, – лукаво улыбнулась Афина. – Займёмся делом.

– Да, точно, – кивнул Гидеон.

– Хоть пистолет с собой? – спросила шёпотом Афина.

Гидеон пощупал пояс и улыбнулся. Но улыбка быстро исчезла, когда рядом прошёл один из криминалистов. Следователь снова взгляделся вглубь переулка.

– Эй, ты куда? – спросила Афина, когда напарник пошёл в темноту.

– Итак, Строительная, – начал Гидеон, стараясь не наступить на кровь или валяющийся вокруг мусор. – А ты знаешь, что раньше здесь находились кирпичный завод и целая куча правительственных складов. Здесь всегда стоял красноватый туман. А теперь всё пусто и всегда ночь. Ещё одна прихоть Папы Принца. Район так и называется – Ночь.

– Тот самый Принц? – уточнила Афина, глядя себе под ноги. – Ты рассказывал. Клеймённый садист, обожающий мучить своих подчинённых.

– И не только, – задумчиво ответил Гидеон, продолжая идти. – Ты когда-нибудь слышала о химеритах?

– Ну, конечно, их и в Ковене полно, – хмыкнула Афина.

– Так вот, наш Принц из Химеры, – рассказала Гидеон.

– Да ладно? И так многого добился? – искренне удивилась женщина. – У нас они являются наёмниками. Я помню, был у меня один телохранитель-химерит. Туповатый громила со змеиной кожей. Представь себе только!

– Ну, наш химерит ничем не отличается от обычного человека, – уточнил Гидеон. – Внешне. Но вот мозг у него работает совсем иначе.

– Жаль, – задумчиво произнесла ведьма.

Заметив таинственную ностальгическую улыбку на лице напарницы, Гидеон воскликнул:

– Только не говори, что у тебя была интрижка с твоим телохранителем.

– Я была молода, – ответила ведьма без толики стеснения. – Давай не будем поднимать эту тему. Я ведь тебя не спрашиваю о твоих дамах сердца.

– О, не стоит.

Впереди возникли высокие ящики и бочки, оставленные вечность назад. Криминалисты и жандармы остались в полусотне метров позади. Не выдержав, Афина прошептала заклятие, и прямо в воздухе возник маленький пучок жёлтого света. Светящийся шарик закружился, завертелся и, пища, обратился в магического цыплёнка. Этого оказалось достаточно, чтобы разглядеть стену из мусора впереди, нагромождения зловонных отбросов под тонким брезентом, ветхие мешки или серые пакеты.

– Ты нашёл, что искал? – спросила Афина, глядя, как цыплёнок из света усердно имитирует повадки птицы и клюёт старые кирпичи.

Гидеон оглянулся по сторонам, будто прислушиваясь. Постояв около минуты, он закатал рукава своего пальто, передал шляпу напарнице и начал сгребать один мешок за другим.

– Не самое удачное время, чтобы беспокоиться о чистоте города, – прокомментировала Афина.

Но Гидеон продолжил, и после пятого мешка, скинутого в сторону, он замер и отшагнул назад. Афина поражённо ахнула и мысленно приказала цыплёнку выйти вперёд, чтобы лучше разглядеть всё.

– Выходи, – приказал Гидеон, стряхивая пыль с пальто.

В глубине мусорной горы среди остатков стройматериалов, полусгнивших объедков и нескольких кошачьих трупов сидел конструктор.

– Вот чёрт. Как ты узнал? – прошептала Афина, глядя, как серая бочкообразная машина робко, с трудом балансируя на пухлых манипуляторах, вылезла из своего укрытия.

Гидеон ничего не ответил и медленно обошёл находку. Конструктор стоял ровно, держа верхние манипуляторы на середине округлого, нелепого корпуса. Поза напоминала молитвенную, будто конструктор просил своего создателя вытащить его отсюда.

– Назовись, – приказал Гидеон на третьем круге.

Конструктор что-то прошипел и неуверенно поднёс манипулятор к голове, где вместо динамиков торчали искрящиеся провода.

– Сломан, значит, – произнёс Гидеон. – Кто тебя сломал?

Ответа не последовало.

– Ты ведь меня понимаешь? – спросил следователь.

Конструктор затрещал и кивнул.

– Ты был здесь, когда произошло убийство?

Кивок.

– Ты знаешь жертву?

Кивок.

– Ты знаешь убийцу?

Конструкт задумался, это было видно по быстро моргающим фоторецепторам. И, наконец, он медленно мотнул головой.

– Если мы тебя починим, ты расскажешь, что видел?

Конструкт никак не отреагировал.

– Мы тебе не навредим. Обещаю, – сказал Гидеон. – Мы вернём тебя к родственникам твоего хозяина.

Конструкт бешено замотал головой, выставил руки вперёд и попятился назад. От неожиданности Гидеон мгновенно выхватил пистолет из кобуры. Но конструкт не думал нападать, а наоборот, так усердно пытался что-то сказать, что заискрились провода, торчащие из его головы.

– Хорошо, – медленно произнёс следователь и аккуратно вернул оружие на пояс. – К родне хозяина ты не пойдёшь. Ты не хочешь этого, так?

– У машин есть воля? – подала голос Афина, стоявшая чуть позади.

– Вроде нет, – неуверенно ответил напарник и снова обратился к конструкту. – Пойдёшь с нами. Нам нужна информация.

Следователи повели конструкта к уже заканчивающим криминалистам. Они сразу заметили странную привычку машины держать манипуляторы над корпусом, как будто человек, держащийся за сердце.

– Он – свидетель преступления, – сказал Гидеон, обращаясь к одному из криминалистов-лампидов с камерой вместо головы. – Сможешь починить его?

– Почему, если я лампочкоголовый, то обязательно разбираюсь в машинах? – спросил Клемет, тыча своим длинным объективом прямо в лицо Гидеона. – Это, по-твоему, не расизм? М?

Гидеон криво усмехнулся. Он давно был знаком с этим странным лампидом и терпел его странные шуточки, потому что ценил его знания и отзывчивость. Бедолага Клемет, по ведомой лишь ему одной причине, пытался математически вычислить алгоритм юмора. Шутки его были либо слишком явными, либо слишком непонятными для восприятия окружающих. И чаще всего единственным, кто смеялся над шутками Клемета, был сам Клемет.

– Несколько часов. Дай только добраться до мастерской, – сказал лампид, «оглядев» конструкта. – Всё, можешь не волноваться. К вечеру будет готово.

– Клем, мне нужно к обеду, – сказал Гидеон.

– Ага. Вот я сейчас брошу здесь все дела, – возмутился лампид. – Поменяю свою камеру, снова надену громадную лампочку и буду чинить твою машину! Ха-ха-ха!

– Я же сказал «свидетель преступления», – повторил Гидеон.

– Ну, так отвези его в отдел, к ремонтникам, – предложил Клемет. – Я тут причём?

– Я тебе доверяю, – ответил Гидеон.

И этой фразы было достаточно, чтобы старина Клемет растаял.

– К обеду? – переспросил он тут же. – Будет сделано.

– Договорились.

– Мы будем допрашивать машину? – спросила Афина, когда они шли к выходу из перелука. Толпа журналистов к этому времени разрослась ещё больше.

Ответа она не расслышала из-за гвалта щёлкающих ламп фотоаппаратов и голосов столь ненавистных ей писак.

-СОСЕДИ-

Глава 12

Ночка выдалась не шибко удачной. В очередной раз ему не удалось сделать фотографий Констанцы, которая с недавних пор стала звездой всех местных газет и главной подозреваемой в исчезновении своего старого и богатого мужа. Потом он проиграл на ставках паролётных гонок, устраиваемых в Вадмарпорте. У главного фаворита внезапно выгорел весь сангум. Наверняка подстава конкурентов. А после и поход в Маскарад не увенчался успехом. Ведьма снова принимала своего любовника.

Антарес Веррон криво усмехнулся, представив себе Миллигара, в очередной раз причитающего по поводу его личной жизни.

«Хватай быка за рога, а бабу за сиськи! Хватит уже подглядывать за ней!», – сказал в прошлый раз мудрейший миник детским голоском. Но Антарес продолжал сомневаться, считая, что у него нет никаких шансов против рыбоголова-следователя.

Гидеон Пакс – изгнанник своего народа, герой гражданской войны, а ныне один из немногочисленных честных жандармов столицы, сразу же не понравился молодому журналисту. Не потому, что он ходил в гости к субъекту его обожания, а просто одним лишь своим видом. Антарес не был завистливым человеком, просто иногда что-то внутри говорило ему не связываться с теми или иными личностями. Невидимый компас ненависти сам определял, кто Антаресу не нравится, и неважно какие у него заслуги и достоинства. Сложно было объяснить, просто иногда так случалось.

Антарес обладал очень большим количеством странных привычек, происхождение которых ему было неизвестно. Например, он чувствовал людей, которых стоит сторониться, или места, в которых, как ему казалось, появляться опасно. Если подумать логически, что могло ему грозить в Аррасе, в городе, в котором он прожил чёрт знает сколько лет? А ещё ему иногда снились очень странные кошмары.

Итак, ночка выдалась так себе, и лишь под самое утро Антарес узнал об убийстве в Ночи. Там он и встретил столь обожаемую им ведьму и её столь неприятного напарника. Очередное появление Полуночного зверя, которого мечтали если не поймать, то хоть сфотографировать очень многие. Газеты даже объявили вознаграждение за настоящий снимок хищника. Не прошло и нескольких дней, как появились мошенники с липовыми фотографиями скоб, верраготов или людей, переодетых в шкуры зверей. Некоторые из издательств в погоне за сенсацией имели неосторожность даже пустить эту липу в тираж.

Антарес криво усмехнулся, вспомнив тот переполох трёхмесячной давности, когда одно из издательств объявило, что Полуночный зверь – это плод порочной любви человека и шестилапа. Церковь и местные общины борцов за чистоту вида тут же вспыхнули праведным гневом.

Антарес Веррон до такого не опустился бы никогда. Только факты, только настоящие снимки с мест преступлений. Возможно, за эту честность его и не любил редактор «Колокола».

– Нет. Нет. Нет. Нет. И ещё раз нет!

Затхлый воздух в кабинете Больдгарда Фунта был пропитан сигаретным дымом и едким запахом чего-то спиртного. Наверное, прошло целых сто лет, как окна этого мрачного, заваленного громадными железными шкапами помещения открывались в последний раз. Сам Больдгард, развалившийся за огромным письменным столом, пыхтел противогазом и пускал клубы дыма из респиратора при каждом слове. Главный редактор «Колокола», заключённый в громоздкий бочкообразный скафандр с торчащими из шлема трубками и мутными линзами, судя по характерному шипению, заливался хохотом.

– Одного «нет» было бы достаточно, – хмуро буркнул Антарес, теребя ремешок фотоаппарата, висевшего у него на груди.

– Нет! – повторил Больдгард и снова зашипел. – Макстор занимается Констанцией. Убийство в Строительной у Кьена. А ты... пфши-и-и-п...

– Я зря бегал всю ночь по городу? – спросил Антарес.

– Нет. Пфхш-с-с. Фотографии ещё на что-то сгодятся, – ответил риммер. – Дам пятьдесят марок.

– Сколько?! – возмутился Антарес и нервно поправил круглые очки. – В прошлый раз вы дали восемьдесят марок. А сегодня снимков в полтора раза больше. И кстати, в тот раз вы тоже не приняли мою статью! Это дискриминация!

– Пфхшх-с-сс... так иди, пожалуйста! – пропыхтел риммер. – Сынок, ты новичок в этом деле. Тебе не хватает сноровки. Быстроты. Знаешь, почему статьи Макстора, Кьена и прочих выйдут в завтрашнем номере «Колокола»? М? Потому что они первыми собрали материал, напечатали статью и не жалуются, что не спали ночью.

– Они иногда перевирают, – ответил Антарес.

– И что? Да кому нужна правда? – усмехнулся Больдгард Фунт. – Всем хочется интриги, громких заявлений, сенсации! Читатель должен взахлёб читать нас! А правда, неправда – суть не в этом. Ты же не историческую хронику пишешь! А газету! Не жалуйся.

– Значит, врать, как другие? – уточнил молодой человек.

– Да! Люди жертвуют своим душевным здоровьем ради этой работы, – ответил Больдгард. – Ты тоже неплох, но материал сырой, фактов ярких мало, нет перчинки. Такое ощущение, как будто это какой-то доклад. Может, это дело вообще не твоё?

Антарес поджал губы и задумался. Он уже несколько месяцев ходил нештатным репортёром и ни разу его статьи не попали на газетные полосы. Казалось, что редактор издевается над ним, лишь изредка выплачивая гонорар за фотографии. Сменивший достаточное количество рабочих мест, Антарес знал, на что идёт. Ещё с самого начала он был в курсе сложностей новой профессии. С недавних пор Антарес видел своё призвание только в журналистике. Если его не возьмут в штат «Колокола», то он обратится к другому издательству. Это точно! Плевать, сколько ждать и сколько будет бессонных ночей, главное – добиться своего!

– Нет! – твёрдо сказал парень, задрал голову. – Вы меня испытываете. Вы мудрый и опытный редактор. Вы профессионал, и я ценю ваши уроки. Я буду бегать по городу столько, сколько надо! Я хочу в штат.

– Пфш-с-с... смело. Мне нравится! – признался риммер. – Пши-с-с-с... хорошо, девяносто марок... за правильную оценку моих лучших качеств.

«За подхалимство», – поправил про себя Антарес.

Распроставшись с редактором, Антарес Веррон вышел из его кабинета и оказался в большом, плохо освещённом зале, где рядами стояли почти одинаковые столы с почти одинаковыми печатными машинками. Все они были заняты. Мужчины, женщины, иглоликие, городские олирки и даже конструкторы – все они безудержно что-то печатали. Весь процесс напоминал репетицию какого-нибудь большого оркестра перед выступлением, где музыканты проверяли свои инструменты, и концерт вот-вот должен начаться. Здесь стояла жуткая какофония. Люди ругались между собой, смеялись, переговаривались по телефону, кто курил, а кто завтракал. Работа кипела, а ведь солнце только недавно поднялось над горизонтом. Часов здесь не было, а на окнах висели такие же плотные занавески, как и в обители главного редактора. Делалось это, видимо, чтобы любой, кто здесь работает, терял чувство времени. Так обычно поступали в клубах и игровых заведениях. Но глядя на всех этих рабов печати, Антарес не видел ни одного несчастного человека.

«Я должен здесь работать», – подумал Антарес, направляясь к выходу.

Утро уже настало, город пришёл в движение, но на улицах этого района всё ещё было не так многолюдно.

Дверь машины захлопнулась лишь с третьей попытки. Антарес ругнулся, щёлкнул зажигалкой и, закурив, взгляделся вперёд. Старенький «Тур» буквально разваливался на глазах. Шины совсем истёрлись, краска выцвела, часть переднего бампера проржавела насквозь и отвалилась, спидометр и датчик топлива не показывали ничего, кроме ноля, временами из сидения выстреливали пружины, и приходилось их штопать.

«Чёрт, это не машина, это – мусор! Эту рухлядь даже на запчасти не сдашь», – говорил Миллигар почти каждый раз. Но Антарес почему-то любил эту бочку с гайками. Когда-то давно он купил её за кровные деньги, которые копил почти целый год.

О, Люциэль, как давно это было! И даже не вспомнить...

– Как же я устал, – вслух произнёс Антарес, снял очки, расстегнул пуговицы клетчатого костюма и откинулся в кресле.

Молодой журналист призадумался, пытаясь вспомнить, где же он так устал. В последнее время Антарес стал замечать за собой странные провалы в памяти. Иногда он терялся в днях недели, забывал, куда тратил свои деньги или о важных встречах. Но молодой человек постоянно отмахивался, ссылаясь на недосып и усталость, и старался не обращать на это внимание.

Мысли о поиске новой и более стабильной работы, словно вражеские шпионы, украдкой залезли в его сознание. Журналистом быть нелегко, а порой и опасно, но народ достоин знать истину, будь то о коррупции политиков, бездействии жандармерии или пикантных фактах личной жизни местных звёзд. Неважно, что именно, но, если это интересно для горожан, святая обязанность репортёра – добыть эту информацию.

«Тур» забурчал, запыхтел и с нежеланием завёлся.

***

– Эй, просыпайся! Вставай. Глазки открывай!

– Отвали! – простонал Антарес.

– Ты бы хоть разделся и лёг в кровать! – говорил Миллигар своим тонким детским голосом.

Парень с трудом открыл один глаз и понял, что заснул прямо на кухне, развалившись за обеденным столом. С неохотой подняв голову, он убрал прилипший ко лбу кусочек хлеба и огляделся по сторонам. Невзрачная кухня в невзрачной квартирке в ещё более невзрачном Трезубце. И только сосед миник мог скрасить царившую здесь атмосферу застоя.

Представитель странного народца, вечно юных карликов с большой головой и глазами-блюдами, мило улыбался ему. Но Антарес знал, что за детским личиком и растрёпанными волосами этой крохи скрывалась коварная натура.

К своему удивлению, Антарес не смог вспомнить, как добрался до дома...

– Какой час? – хриплым ото сна голосом спросил он, пытаясь отсеять смутные мысли.

– Почти девять, – ответил Миллигар, скрывавший руки за спиной.

Миник, одетый в детский комбинезон и клетчатую рубашку, лукаво улыбался, явно замышляя что-то недоброе.

– Когда я пришёл? – спросил Антарес, всё ещё пытаясь проснуться.

– Около шести утра, – ответил миник. – Тяжёлая ночь была?

– Давай не сейчас. Меня порядком... – молодой человек зевнул, прикрыв рот рукой, – достали твои шуточки. Когда ты съедешь отсюда?

– Что? Съехать?! – вытаращил и без того немаленькие глаза миник. – Ты что? Как я могу бросить своего друга?

– Ага, теперь мы друзья? – усмехнулся Антарес. – А что ты сказал мне, когда я попросил у тебя денег на новую камеру?

– Ты же ведь понимаешь, что для миника деньги – это святое! – напомнил Миллигар.

– Для тебя марки важнее, чем наша дружба? – решил подловить Антарес. – Я думал, все ваши богатые. А ты живёшь со мной в какой-то мелкой съёмной квартирке. Разве это ваш уровень?

– Мои проблемы ещё не закончились! – закусив губу, произнёс миник. – А точнее, мои проблемы обо мне ещё не забыли, и мне приходится прятаться. Но ведь мой лучший друг не сдаст меня?

– Ну не зн-а-а-а-ю... – снова зевая, протянул Антарес. – Нашу дружбу ты оцениваешь деньгами.

– Пойми, для нас это что-то сродни с религией, с всякими заповедями, типа: «Не давай в долг без процентов», «Всегда имей заначку» или «Деньги не пачкают».

Наступила тишина и спустя несколько секунд оба громко засмеялись. Миллигар был до жути жадным, но с чувством юмора у него всё было в порядке.

Мелкие расчётливые хулиганы являлись одним из самых богатых и предприимчивых народов в Серре. А в Аварре, в Последнем королевстве этого континента, они даже имели свою собственную провинцию. Там у них были целые замки, тысячи работников на предприятиях и сотни слуг. Очень редкий случай – увидеть миника, гуляющего пешком без своих носильщиков и многочисленных охранников. Даже во времена Империи миники находились в почёте среди человеческого населения. Помимо страстной любви к деньгам и деловым соглашениям, миники обожали интриги, ложь и власть. В моменты злости эти маленькие, не больше полуметра ростом ангелы, обращались в когтистых и клыкастых демонов. Подобные случаи несколько раз Антарес видел лично, когда Миллигар, взбешённый чем-то, чуть не напал него. Конечно, потом миник долго извинялся, сетовал на проблемы и даже – не слыханное дело! – предлагал деньги в счёт моральной компенсации.

– Что ты улыбаешься? – насторожился Антарес.

– Просто, – пожал плечами миник, опустил голову и посмотрел на соседа исподлобья. – А где твоя камера?

Антарес огляделся и резко вскочил со стула.

– Дурья голова! Куда я её подевал...

И уже почти на выходе из кухни, услышав тихое хихиканье, парень замер и медленно повернулся к соседу.

– Что ты с ней сделал? – спросил Антарес. – Ты же знаешь, что я не полностью за неё расплатился! Говори!

– Да не волнуйся ты, – махнул пухлой ручкой миник. – В гостиной твоя камера. Просто ты пришёл такой весь уставший, и я решил немного помочь тебе.

Миллигар, наконец, показал, что скрывал за спиной. Это была небольшая стопка снимков.

– Я не удержался и проявил их.

Антарес выхватил их и сердито уставился на соседа.

– Снова фотографировал ту женщину из жандармерии, да? – спросил миник. – Как её там?

– Это не твоё дело! – пробурчал Антарес.

– Хм. Да брось, я знаю, что она тебе нравится! – улыбнулся миник. – Почему ты с ней не познакомишься? Позови на свиданье... Что? Я тебя раздражаю?

– Есть такое. Я же тебе говорил, не трогай мои вещи.

Антарес отправился в гостиную, попутно ощупывая свои карманы. Миллигар и карманным воровством не побрезговал бы.

– Очки на журнальном столике, – любезно сообщил миник, идущий следом.

– Я сигареты ищу, – соврал Антарес.

– Они тоже здесь, – Миллигар опередил соседа и, быстро топая ножками, сбегал к журнальному столику.

Левая бровь Антареса взлетела вверх от насторожённости. Взяв предложенные сигареты, он уселся на кресло и закурил.

– Что тебе нужно? – раздражённо спросил он, заметив выжидающий взгляд соседа. Так обычно смотрели коты, когда хотели кушать. – Денег в долг не дам, ибо нет!

– Ну, не обижайся, – протянул Миллигар. – Я же хотел помочь. Я почти не выхожу отсюда никуда. Мне скучно. Расскажи мне про ту женщину.

– Нет.

– Ладно, – кивнул миник. – Тогда про ту, что в шляпе большой. Вроде певица. Я в газете читал. Говорят, своего мужа убила, правда?

– Нет.

– А странная девица?

– Какая?

Миллигар порылся в нагрудном кармане комбинезона и показал немного помятую фотографию коротко стриженной девушки в некоем подобии мундира.

– Понятия не имею, – усмехнулся Антарес, вспомнив, что сделал снимок этой особы перед Ареной доблести ещё на прошлой неделе.

– Какой ты скучный! – пожаловался миник. – Тебе пора остепениться! Ты только и делаешь снимки разных женщин, а вот познакомиться духу маловато. Неужели тебе такая жизнь не надоела? Несколько месяцев на одной работе, потом ещё столько же на другой. Ты не думал... стой! Ты куда?

– Буду поздно. Не жди, – ответил юноша.

Антарес захлопнул входную дверь и оказался в вонючем, тёмном подъезде.

Именно нотации ему не хватало. Тем более от миника! Тем более от худшего из них! В данный момент ему требовался сон, спокойствие и умиротворение. Надо было подумать, что делать дальше. В словах соседа имелась правда, но соглашаться с ним – последнее дело. Докурив сигарету, где-то между третьим и вторым этажом, он бросил окурок себе под ноги. Тот подпрыгнул на нескольких ступенях и, каким-то образом проскочив между лестницами, исчез в нижних этажах. Тут же кто-то вскрикнул от боли, и Антарес вспомнил о жандармах, развернувших широкую кампанию по поимке членов Совета масок. По ведомой лишь им причине, жандармы с какими-то ремонтниками в комбинезонах искали врагов государства в подвалах домов Трезубца и Песчаного.

Антарес Веррон жил на Вельветной, вот уже... словом, столько, сколько себя помнил. Неблагоприятный, неприветливый, шумный – этими словами можно было описать весь Трезубец, бывший некогда гетто иглоликих, болотников и дауэров. Район не изменился с приходом новой власти, разве что сюда заселили больше людей. Бедные болотники с Серой расщелины, лишившись своего дома во времена гражданской войны, решили покинуть город, ещё пятнадцать лет назад. Громадных дауэров сначала использовали революционеры в войне, но, когда их буйный нрав норовил помешать планам Освободителей народа, их под шумок отправили охранять границы с Телосом. Теперь в ветхих, построенных на скорую руку пятиэтажных домах проживали почти все виды полукровок. Большинство из них были малообразованными и малообеспеченными. Число местных пьяниц ровнялось количеству простых работяг. К сожалению, частенько в этих ролях выступала одна и та же личность. Отработал сутки на заводе, пьёшь сутки в пабе, сутки на заводе, сутки в пабе – и так по кругу. Заурядный цикл жизни, наполненный духом празднества. Жили здесь и студенты, экономящие на жилье и останавливающиеся в Трезубце на семестр.

Но самое главное, здесь жил Торговец счастьем, совсем недалеко, через два дома.

Перед Антаресом стояла невзрачная пятиэтажка из серого кирпича с мутными окнами и балконами, заваленными всяким хламом. Шиферная крыша была захвачена молодыми олирками, ради забавы гоняющихся за голубями.

С восточной стороны находилась детская площадка с покорёженными каруселями и качелями. Местным детишкам больше нравилось бродить по чердакам, исследовать подвалы домов или рыбачить у канала Лейдса, протекающего сразу за домами. Широкий и достаточно глубокий канал с одной стороны уходил к Горбатой ложке, там разделялся и вёл к Вадмарпорту или, пройдя через полгорода, оказывался в Ржавом королевстве. Если двигаться в обратном направлении, можно было попасть в Серую расщелину, где непрерывно, день и ночь, шла торговля рыбоголовов.

Антарес расстегнул верхние пуговицы рубашки, ослабил галстук и поднял голову вверх. На мгновение он засомневался, и, пока юноша взвешивал все внутренние «за» и «против», дверь подъезда открылась, а следом появился он. Высокий, в старом пальто с широкими плечами, в узких штанах, в туфлях с длинным носом. Из-под ветхого и сильного помятого цилиндра с заплатками торчали немытые чёрные клочки волос. На белом морщинистом лице застыла жуткая улыбка с мутно-жёлтыми, кривыми зубами, а в прищуренных глазах – злоба. В руке он держал целую дюжину разноцветных воздушных шариков, связанных ленточками.

– А? Ты? Ты опоздал! – почти неподвижными губами прохрипел Торговец счастьем. – Я уже собирался уходить.

– Извини. Проспал, – устало произнёс Антарес, всё ещё сомневаясь. – Мне кажется...

– Передумал? – склонив голову, спросил Торговец счастьем.

Именно так его все звали. Торговец счастьем был странным типом. Появившийся из ниоткуда, без имени и прошлого, он жил здесь почти столько же, сколько и сам Антарес. А это очень долго! Торговец счастьем действительно торговал счастьем, но в его ассортименте имелось также веселье, смелость, усердие, спокойствие, уверенность, надежда и многое другое. Достаточно выбрать шарик, красный, синий или какой-нибудь другой. Торговец счастьем подскажет, какой именно. Достаточно заплатить цену, немного вдохнуть из воздушного шарика, и все проблемы, невзгоды исчезнут. На время, конечно. Именно за этим люди тайно приходили к нему – за избавлением, искуплением. Торговец счастьем не только продавал и покупал чужие чувства, но мог и выслушать, поговорить и даже дать дельный совет. Священник, шут и наркоторговец в одном лице. В безумно улыбающемся лице. И именно наркоторговец, потому что многие разочаровавшиеся домохозяйки, пребывающие в унынии клерки, бывшие вояки и даже завравшиеся политики, быстро попадали в зависимость от его товара. Люди уже не могли радоваться жизни, смеяться и просто жить самостоятельно без волшебных разноцветных шариков. Почти тем же самым занимался и Архив, выкупая чужие воспоминания и чувства. Но, в силу относительной дешевизны, услуги Торговца счастьем были гораздо доступнее. Любой мог прийти к нему и постучаться в дверь. Самостоятельная торговля Ощущениями была незаконной, но никто его не сдавал жандармерии. Как подозревал Антарес, Торговец счастьем наверняка подкупил законников, чтобы его не беспокоили.

– Немного надежды и усердия, – всё же решился Антарес.

– Угу, – кивнул Торговец счастьем и посмотрел на шарики. – Надежда маленькой девочки, которая ждала, что её отец бросит пить. Свежати́на! И... усердие старого кочегара, работавшего днём и ночью, чтобы прокормить семью. На прошлой неделе урвал!

– Это... от других людей? – спросил Антарес.

Он несколько раз приходил к нему, но довольствовался только советами. В этот раз Антарес решил попробовать Ощущения.

– Конечно! – кивнул Торговец счастьем. – А ты думал, это просто воздух?

– Что с ними случилось? – спросил Антарес.

– Ты точно хочешь знать это?

Антарес кивнул.

– Ну, чуда не произошло! – усмехнулся Торговец счастьем. – Отец девочки спился окончательно, и ей пришлось продать свою надежду, чтобы купить немного еды. А кочегар, вдыхавший угольный дым на работе почти тридцать лет, медленно умирает от всяких хворей. Перед смертью он решил продать всё: усердие, чувство юмора, оптимизм, веру, любовь к детям. Всё. А деньги для семьи. Какой заботливый отец.

– Такое возможно? – спросил Антарес, поглядывая на шарики.

– Да, дружок, – подтвердил бодрым голосом Торговец счастьем и кивнул лохматой головой. – Возможно. Теперь старик пустой лежит в своей койке в окружении детей и внуков и мочится в постель. Чувство стыда и страх он тоже продал. Жизнь – странная штука. Сегодня ты бодр и полон сил, а завтра уже овощ и пускаешь слюни, как младенец. Никогда не знаешь, что будет дальше.

– Страх тоже можно продать? – уточнил Антарес.

– Ну, конечно! Я же сказал «всё», – напомнил Торговец счастьем. – Страх смерти, уныние, разочарование жизнью, грусть.

– И на них тоже есть спрос? – удивился Антарес.

– Да. Люди покупают и плохие вещи, не для себя, конечно, а для врагов и недоброжелателей.

В голове Антареса промелькнула шальная мысль, а не купить ли Больдгарду немного щедрости и великодушия.

– Ну? Берёшь? – рявкнул Торговец счастьем.

– Давай.

Отдав гонорар за снимки, Антарес получил два воздушных шарика – синий и белый. Антарес неловко попрощался и направился домой. Сделав какие-то двадцать шагов, он заметил новых клиентов Торговца счастьем. Горбатый рыбоголов с жабьей мордой в одной лишь набедренной повязке вёл под ручку еле идущую седовласую женщину в рваной чёрной одежде. Кожа у последней была странного голубоватого оттенка.

«Тоже, видимо, умирает и решила продать последние остатки», – подумал Антарес, уступив дорогу.

***

– Что ты принёс мне на этот раз? – протянул Торговец счастьем, оглядев с высока рыбоголова и его спутницу.

Первый был очень худым, по меркам своей расы, и имел больной вид. Кожа облезлая, из жабр капает странного вида слизь, над головой витают десятки мух, глаза сморщенные и вот-вот выскочат из орбит. А запах был... сравним с запахом сотни дохлых гниющих рыб. Женщина, что была с ним, явно пребывала в полубессознательном состоянии, иначе ни на метр не приблизилась бы к такому мерзкому типу, как Фотратс.

– Это самое... короче... дай мне радости! – облизнув длинным языком свой здоровенный рыбий глаз, произнёс Фотратс. – Радость! Блаженство! Я хочу смеяться! Вот тебе баба. Забирай себе её всю! Она бессмертная! Дай только радость...

– Не торопись, дружок, – успокоил Торговец счастьем, поглядывая на уходящего вдали Антареса Веррона. – Что я вижу? Это кровь? Кто эта женщина?

– Вообще не знаю! Дай радость! – пролаял рыбоголов, тряся тонкими кожными усиками.

Фотратс был картёжником и наркоманом. Рыбоголови живут очень долго, и эту жизнь Фотратс решил потратить на азартные деньги, походы в публичные дома Серой расщелины и наркотики. Сначала были дурман-чай, жевательная соль и маковый дым. Потом в ход пошла тяжёлая артиллерия в виде зелёной пряности, свечей лютс и пещерного сыра. Насытившись, попробовав все известные наркотики, пройдоха Фотратс решил с недавних пор подсесть на Ощущения.

– Кто это? – с нажимом спросил Торговец счастьем, хорошо знавший, как теряют голову наркоманы.

– Короче... плавал я себе недалеко от Королевства, искал всякий мусор на дне... и увидел её!

– Похищение людей незаконно! – склонившись, прошипел Торговец счастьем. На неподвижном лице-маске по-прежнему была растянута широкая улыбка, но в глазах вспыхнула злость.

– Торговля радостью тоже! – огрызнулся рыбаголов. – Никого я не крал. Она упала с моста. Вся в крови! Я думал, она мертва, и затянул её на дно... ну, проверить карманы. Не каждый день мне на голову падают деньги.

– Ты не думал, что она мертва, – холодно произнёс Торговец счастьем. – Тебе было плевать. Ты бы утопил её в любом случае. Ради денег и Ощущений ты готов на всё, верно? Но, как я вижу, она ещё жива. Почему?

Фотратс не стал отпираться и лгать. Притворяться не было смысла. Он отмахнулся от надоедливой мухи своим языком и задумался.

– Понятия не имею, – наконец произнёс он. – Эта баба оказалась живучая. Я обыскал все её карманы и думал уже раздеть, чтобы продать одежду, и тут она ожила. Она ожила! А живая баба дороже, чем мёртвая, так?

– Ты что-то не договариваешь, – догадался Торговец счастьем.

Рыбаголов замялся, посмотрел на женщину, потом снова на Торговца счастьем.

– Я не сразу понял, что её можно продать, – прошептал Фотратс.

– Что-что? – переспросил Торговец счастьем.

– Я нашел её дней... четыре... может, пять назад.

– И ты пытался убить её? – спросил раздражённо Торговец.

– Пару раз, – признался рыбаголов.

Торговец счастьем понял, что Фотратс не врёт.

– Очень интересно. Что при ней было? – спросил он, убрав с лица женщины прилипшие мокрые волосы. Та с трудом открыла один глаз и снова потеряла сознание. – У неё жёлтые глаза?

– Ммм... ничего стоящего не было при ней! – соврал Фотратс. – А глаза, не знаю! Я не смотрел! Дай радость!

– Ты врешь, – произнёс спокойно Торговец счастьем, всё ещё глядя на женщину. – При ней было нечто ценное, и ты решил оставить это себе. Отдай мне всё, или я не дам тебе радость.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.